

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ БССР

Гомельский государственный университет
Институт славяноведения и балканистики АН СССР

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ,
ЛИТЕРАТУР, ФОЛЬКЛОРА
И МЕТОДЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ**

Часть II

**ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ
III республиканской конференции**

Гомель, 1985

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ БССР

Гомельский государственный университет
Институт славяноведения и балканистики АН СССР

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ, ЛИТЕРАТУР,
ФСЛЪКЛОРА И МЕТОДЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Часть II

Тезисы
докладов и сообщений

III республиканской
конференции

Гомель 1985

Редакционная коллегия:

Липченко В.В., Гринчик Н.М., Толстой Н.И.
(ответственные редакторы), Никончук Н.В.,
Шакун Л.М., Штейнер И.Ф.

II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ

И.А.ВАРШИНА (Мозырь)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА "КУБАНСКИХ ЗАПИСЕЙ" СТАВСКОГО И "ПОЛЕССКОЙ ХРОНИКИ" МЕЛЕЖА

Вопрос о творческой индивидуальности писателя, его вкладе в литературный процесс невозможно разрешить без учета местных, региональных особенностей, имеющихся в его творчестве. Бесспорно, что региональный колорит должен сочетаться с другими общественными и историко-литературными явлениями и процессами. Использование писателем региональных элементов придает его произведениям своеобразный национальный колорит. Рассматривая "Кубанские записи" В.Ставского и "Полесскую хронику" И.Мележа, можно без сомнения говорить об региональной основе этих произведений. Сравнение региональных особенностей названных произведений интересно в том плане, что позволяет выявить наиболее характерное в процессе социалистического переустройства деревни таких отдаленных регионов, как Кубань и Белорусское Полесье.

Так, В.Ставский в "Кубанских записях" обращается к периоду коллективизации на Кубани. В центре повествования события, происходящие в станице Васюринской (в книге Вальяновская), типично южной кубанской станице, расположенной недалеко от Краснодара. Здесь писатель познакомился и сдружился со многими своими будущими героями — Гринчихой, Кожушко, Петровым, середняком Кришким, здесь он узнал бывшего атамана Николаенго.

Хорошо зная личную жизнь сотен людей станицы Васюринской, их судьбы и помыслы, Ставский, однако, не ограничился только этими наблюдениями. Он часто и подолгу бывал и в северных и в южных районах Кубани, вникая в глубинные процессы жизни, ощущая живой напор стремительно развивающихся событий и характеров людей.

В "Кубанских записях" подробно, как социально-политические проблемы преломлялись в человеческих судьбах. В этом плане характерен образ Софьи Новилы Гринченко (Гринчихи). Внеш-

не малоприметная и скромная, она организует колхоз, становится одним из самых активных коммунистов ячейки, подлинным вожаком масс. За трудовые заслуги перед Родиной С.И.Гринченко — героиня книги В.Ставского — была награждена в 1957 году медалью "За трудовое отличие".

Если мы обратимся к "Полесской хронике" И.Мележа, то ее региональная основа подтверждается словами самого автора: "Буквально каждый лесок, каждая тропка, гребля, которую строил Миканор..., дорога на Юровичи, место, где была ярмарка, — все это мной не придумано. Можно сказать живьем вошел в произведения и другой жизненный материал, например, утро в Куренях, выезд на сенокос и т.д." И.Мележ не раз говорил о том, что большинство героев его "Полесской хроники" не выдуманы, а взяты из жизни (писатель называет Андрея Рудного, Алошу Костюченко, учительницу Параску, Апейку и др.). Земляки Мележа узнают и других героев, которые жили в Глинищах, Хойниках, Алексичах. Это Зайчик, Нохим, Годля и др.

Регионализм повествования плодотворно воздействует на раскрытие картин природы Полесья, которая обычно подается в тесном взаимодействии с жизнью и трудом героев произведения. Пейзаж играет особую роль в раскрытии характеров персонажей.

Картины природы раскрывают время и место действия (Полесье, первые десятилетия Советской власти), они согреты сыновней любовью писателя к родной земле, выявляют его патристические чувства.

Бесспорно, что для раскрытия характеров писатели используют живую народную речь, которая углубляет региональный колорит произведений.

В "Кубанских записках" В.Ставского широко используется яркий и сочный язык кубанских казаков. Трудно представить книги В.Ставского переведенными на "литературный язык". Конкретна и выразительна речь героев его произведения. В самом деле, речь Чесныка, Шкаденко, Рябоконя, Петруся Хижного — это живая разговорно-бытовая речь, в основе которой лежит местный, кубанский говор, хотя В.Ставский никогда не злоупотреблял диалектизмами. Речь его героев ясна и понятна читателю ("Шо ж вони роблять з хліборобами!" "Дай, думаю, поїду к корешку побалакати").

Региональный колорит "Полесской хроники" И.Мележа также усиливается за счет использования живой народной речи. У его

героев в обиходном, повседневном, разговорном языке преобладает диалектно-этнографический элемент. Читая "Полесскую хронику", всюду замечаем настойчивую и вдумчивую работу автора над языком персонажей, который отражает мироощущения, психику, социально-бытовой уклад народной крестьянской жизни Полесского края. Так, немногословен замкнутый в себе Василий; сыплет прибаутками бойкая вдова Сорока; всегда рассудителен и нередко очень прямолинеен Миканор; тоном команды и угрожающих предостережений говорит Дубодел; необузданно горяч в своих высказываниях Евхим и т.д. Мысли и переживания героев воспроизведены И.Мележем во всей их национально-речевой конкретности, им придана словесная форма, действительно характерная для жителей Полесья.

Таким образом, В.Ставский и И.Мележ, используя в своих произведениях региональные элементы, поднимаются к широким идейно-художественным обобщениям в воссоздании социально-политической атмосферы на Кубани и Белорусском Полесье в годы "великого перелома".

Н.Н.ВОИНОВ (Гомель)

ТВОРЧЕСТВО КУЛЕШОВА В КОНТЕКСТЕ ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

Проблема сравнительного изучения литератур, закономерностей их исторического развития и взаимодействия привлекают пристальное внимание советских критиков и литературоведов. В последнее время она рассматривается в плане традиций и новаторства. Поэтому, говоря сегодня о том или ином художнике слова, нельзя не учитывать аспект литературных связей. Каждый выдающийся писатель связан не только с национальной, но и мировой литературой. Это очевидно при изучении творческого пути любого писателя. При этом связи его с конкретными мастерами слова и литературами в целом многообразны как по формам, так и по содержанию задач, которые ставит перед собой писатель на том или ином этапе своего творчества. Так, в начале своего творческого пути он больше берет у национальных литератур, а в зрелые годы как бы возвращает долг.

Сказанное подтверждается более чем полувековым творческим путем народного поэта Белоруссии Аркадия Кулешова. На-

ав писать, он тем самым включился в орбиту взаимодействия с другими писателями и литературами. И то, что он на протяжении всей жизни обращался к опыту других литератур, учился у них, нисколько не уменьшает его оригинальный талант и национальную самобытность. "Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, — писал В.Г.Белинский, — он тем не менее совершается национально". Каждый писатель берет то, что не противоречит своим потребностям и может стать национальным.

Процесс воздействия писателя или литературы в целом на творческую индивидуальность необычайно сложный и включает в себя ряд моментов. Это творческое заимствование художественно-образительных средств, рождение творческого импульса при прочтении инонационального произведения или при знакомстве с реальной действительностью жизни братской республики или страны, здоровое соперничество писателей-сверстников, собратьев по перу, критическое осмысление созданного ими, пристальное изучение опыта классических и современных писателей, а также художественный перевод.

Вхождение в литературу, совершенствование писательского мастерства, выработка индивидуального стиля шли у А.Кулешова различными путями. Наиболее плодотворными из них представляются следующие. Во-первых, глубокое освоение устного поэтического творчества и опыта классического наследия. По собственному признанию поэта, знакомство с литературой он начал с произведений А.Пушкина, М.Лермонтова, Н.Некрасова. Чуть позже пришли "Кобзарь" Т.Шевченко и "Шляхам жыцця" Я.Купалы. В начале 20-х годов увлекся Д.Бедным, С.Есениным и А.Блоком, произведения которого пытался переводить.

Писать А.Кулешов начал на русском языке, так как их местность до 1924 г. входила в состав РСФСР. Свои первые стихотворения, написанные под влиянием прежде всего М.Лермонтова, объединил названием "Собрание сочинений Кулешова-Несчастливого".

С классикой А.Кулешов не расставался всю жизнь. Она стала для него своеобразным ориентиром, живительным источником вдохновения. Так в 30-е годы он попадает в "творческий тупик". "Написанное не приносит большой радости, — писал А.Кулешов в автобиографии. — Смутно чувствую, что получаю заметки, путевые очерки, а не стихи, что жизнь я знаю слабо, поверхностно, да и с тем, что знаю, пою, как говорится, не свойственным

мие голосом. Я все отчетливее понимал, какие возможности для современной поэзии таит в себе народная песня, творчество Я.Купалы, Я.Коласа, традиции Пушкина и Некрасова..." И он начинает по-настоящему учиться у великих поэтов, постигать у них тайну мастерства. Процесс этот был не простым, шел как непосредственно при чтении их произведений, во время работы над переводами стихотворений и поэм А.Пушкина, М.Лермонтова, Т.Шевченко, так и через глубокое усвоение опыта писателей-современников.

При этом А.Кулешов не ограничивался только творческим использованием отдельных приемов классиков, а утверждал свои эстетические принципы. Он преодолевает книжную романтику, ищет свой голос, утверждает собственное видение жизни, ее реальных событий и свое место, роль в них. Поэтому уже в творчестве конца 30-х и особенно в военные годы его поэзия органически соединила традиции национальной поэзии с тенденциями развития современного литературного процесса. Так, в стихотворениях "Туча", "Могилевская тучка" А.Кулешов раздумывает о времени и о себе. Да и поэзия его, основываясь во многом на традициях М.Лермонтова, приобрела интеллектуально-психологические черты.

Небезосновательно писал в свое время Г.С.Березкин, что в поисках "своего голоса" А.Кулешову помогла не только поэма А.Твардовского "Страна Муравия", а и другие значительные произведения советской литературы и, прежде всего, поэзия М.Исаковского и левковские стихотворения Я.Купалы. Так, идя вслед за Купалой, А.Кулешов в начале творческого пути пытался мыслить масштабными, общечеловеческими категориями (поэма "Обида"). Изучая творчество Я.Коласа, его опыт в создании ярких индивидуальных характеров, пишет поэму "Баранов Василь".

И в последующие годы А.Кулешов постоянно обращался к классике, охотно переводил ее. В 1949 г. он издает перевод "Евгения Онегина", работу над которым прервала Великая Отечественная война, в 1969 г. - "Выбранную поэзію" М.Лермонтова, "Энеїду" И.П.Котляревского, а затем стихотворения С.Есенина. При этом переводы он считал органической частью своего творчества и отличной школой поэтического мастерства.

Вторым, не менее важным источником вдохновения, роста поэтического мастерства явилась литературная среда, которая окружала А.Кулешова. Здесь не столько превалирует учеба, сколько здоровый дух соперничества (даже такой момент: он пи-

...рошо, а разве я, его сверстник, не смогу?)
... в Мстиславе, где А.Кулешов учился в педагогическом техникуме, был сильный филиал литературно-художественного объединения "Маладняк". Творческий подъем, царивший в нем, дискуссии в литературе оказали благотворное влияние на начинающего поэта. Очень многое в этом плане дала дружба с Змитроком Астапенко и Юлием Таубиным. О них тепло вспоминает А.Кулешов в поэме "Далеко до океана" и цикле стихотворений "Монолог".

З.Астапенко и Ю.Таубин были несколько старше А.Кулешова, опубликовали свои стихотворения в республиканской печати, поэтому стали ориентиром для творческого поиска и мастерства. Они любили классическую поэзию, спорили о традициях и новаторстве, пристально следили за новинками литературы, тем самым вовлекая в орбиту своих интересов младшего коллегу. Известно, что З.Астапенко и особенно Ю.Таубин изучали иностранные языки и уже в юношеские годы приобщились к переводам художественной литературы. В 18 лет попробовал силы в переводческом деле и А.Кулешов, воссоздав на белорусском языке (правда, с русского перевода) роман Густава Эриксона "Бродяжная Америка". Не без воздействия старших товарищей А.Кулешов увлекся естественными науками, что отразилось в его творчестве. В 1947 г. он написал стихотворение "Земля", в котором необычно для того времени раскрывается космическая тема. Оно удивило космонавта П.И.Климук: "...Я даже глазам не поверил, когда, прочитав его, увидел под ним дату: 1947. Быть того не может! Еще раз перечитал, после еще — и как здесь не удивиться силе поэтического воображения! Нет, не зря говорят, что поэзии подвластно все!... Мы с Виталием летали не сорок лет и даже не год, а всего два месяца, но под словами, которые поэт вложил в уста космических путешественников, подпишемся обеими руками. Ибо и мы жаждали и "вдосталь хлебнуть кислороду земного", и услышать, "как птички разносятся трели", и увидеть, как "купаются в воздухе эли", увидеть Землю и все на ней так, как и прежде, по-земному. Все это, конечно, просто здорово! (П.И.Климук). И в зрелый период своего творчества А.Кулешов постоянно обращался к явлениям природы в глобальном масштабе, писал об укрощении стихии на благо человечества.

Третьим фактором, который способствовал росту мастерства А.Кулешова, было увлечение современными поэтами мира. По свидетельству А.Кучара, в 30-е годы молодой поэт внимательно

читал произведения Блока, Тихонова, Пастернака, Ахматовой, Маяковского, Асеева, Прокофьева, Саянова, Кирсанова. Увлекался А.Кулешов творчеством Гете, Шиллера, Тувима, Атилле Йожефа, Иржи Волькера, Владислава Броневского. Многие ему дала украинская поэзия, в частности, поэзия Украинки, Ивана Франко, Максима Рыльского, Владимира Сосюры, Павла Тычины, Андрея Малышко, Леонида Первомайского.

Большой школой мастерства стал для А.Кулешова художественный перевод. Прочно опираясь на опыт Я.Купалы, Я.Коласа, М.Богдановича, своих сверстников, он практически и теоретически расширил горизонты национальной школы художественного перевода. А.Кулешов переводил тех поэтов, чье творчество внутренне переключалось с логикой и запросами его собственного творчества. Из большого количества хороших писателей и их замечательных произведений он выбрал только несколько имен: А.Пушкина, М.Лермонтова, С.Есенина, Т.Шевченко, И.Котляревского, А.Малышко, Л.Первомайского, М.Бажана, М.Нагнибеды, И.Выргана.

А.Кулешов еще при жизни перерос границы национальной литературы, его творчество, выросшее на лучших традициях национального фольклора, белорусской, русской и украинской литератур, стало достоянием советской многонациональной культуры, оказывает влияние на многих поэтов народов СССР. "А.Кулешов принадлежит к числу поэтов, — писал большой знаток и переводчик белорусской поэзии Е.Мозольков, — чье творчество способствовало обогащению не только его родной белорусской литературы, но и других литератур социалистических наций, в том числе наиболее сильной, развитой русской литературы. Его приемы эпического повествования и прежде всего ритмы и интонации отозвались в творчестве ряда талантливых русских поэтов".

Есть основания утверждать, что творчество А.Кулешова благотворно воздействовало на поэзию А.Пысина, Г.Буравкина, И.Гилевича, С.Гаврусева, Р.Бородулина, П.Макаля, М.Стрельцова, А.Русецкого и других белорусских писателей. Можно также говорить о глубоком внутреннем родстве его поэзии с творчеством А.Твардовского, М.Луконина, М.Дудина, А.Малышко, М.Нагнибеды, Л.Первомайского.

Творчество А.Кулешова хорошо известно всесоюзному читателю, особенно русскому и украинскому. Впервые на русском языке его поэзия зазвучала в переводе Н.Сидоренко (книга "Дуб-

рава", 1940). Многого сделал для популяризации кулешовского творчества М.Исаковский. Он перевел на русский язык более 30 стихотворений и поэмы "В зеленой дуброве", "Знамя бригады", "Нимбалы", "Дом 24", "Только вперед". Поэзию А.Кулешова переводили А.Твардовский, Н.Сидоренко, М.Петровых, Д.Ковалев, Н.Рыленков, А.Софронов и Я.Халемский, переведший на русский язык "Новую книгу", "Монолог", поэмы "Цунами" и "Варшавский шлях".

Пристально следили за творчеством белорусского поэта русские критики и литературоведы. Образцом внимательного прочтения поэзии А.Кулешова могут служить две содержательные статьи А.Твардовского, посвященные анализу поэмы "Знамя бригады" и сборника стихотворений "Новая книга".

Первые переводы произведений А.Кулешова на украинском языке появились в последние месяцы Великой Отечественной войны. М.Рыльский, И.Нехода, А.Мальшко, О.Новицкий познакомили своих читателей с известными балладами "Над братской могилой", "Баллада о четырех заложниках", "Комсомольский билет" и др. Со временем его стихотворения и поэмы стали систематически появляться в украинских переводах, что составило основу для издания избранных произведений белорусского поэта в 1952 и 1970 годах в братской республике. Они в основном правильно передали творческую палитру, своеобразие таланта А.Кулешова.

Из украинских переводчиков наибольших успехов достигли А.Мальшко, Д.Павлычко, Б.Олейник, И.Драч, Л.Первомайский, а также Н.Выртан, переведший поэму "Знамя бригады". Благодаря им многие произведения А.Кулешова получили полноценную жизнь на украинском языке, их переводы соответствуют высоким критериям, выдержали испытание временем, золотым фондом вошли в украинскую поэзию. Кулешовская строка в интерпретации украинских переводчиков чувствует себя как в родной языковой стихии.

Надо отметить, что А.Кулешову повезло, пожалуй, больше, чем другому белорусскому поэту – его современнику. Все наиболее совершенное и значительное в идейном и художественном отношении обрело жизнь на русском и украинском языках.

Однако, это вовсе не означает, что в деле воссоздания произведений белорусского поэта сделано все. Ждут своего прочтены средствами украинского языка многие лирические и философские стихотворения, поэмы последних лет: "Цунами", "Далеко до океана", "Варшавский шлях", "Хамутнус". Да и ряд переводов, вы-

полненных в 40–50-е годы, сегодня не соответствуют уровню развития украинской школы художественного перевода.

В.С.ГЕНАШ (Гомель)

КОЛОРИТ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ В ПРОЗЕ АДАМЧИКА

Художественная индивидуальность каждого значительного писателя, его вклад в развитие литературы невозможно раскрыть без уяснения национальной специфики его творчества, определяемой как жизненным опытом художника, так и его личной биографией.

Проза известного белорусского писателя В.Адамчика является лучшим подтверждением сказанному. Так, например, хотя ранние произведения его носили довольно очерченный, "поисковый" характер, но в них уже можно было увидеть неповторимую самобытность начинающего автора. Сопоставление жизненного материала, положенного в основу некоторых его произведений, с художественными эпизодами помогает не только непосредственно проникнуть в процесс реализации авторского замысла, но и дает возможность расширить понимание региональных особенностей прозы Адамчика в целом.

Обращает на себя внимание тесная связь событий, характеров, пейзажных зарисовок с теми местами Новогрудчины, где прошло детство писателя. Так, в дилогии "Чужая бацькаўшчына" и "Год нулявы" с первых же страниц предстает перед нами веселая жизнь западнобелорусской деревни с ее классовым и социальным расслоением, каждодневным суровым бытом. Но, раскрывая специфику народной жизни, народного быта, воссоздавая региональный колорит таких этнографических сцен, как крестины, свадьба, дожинки и др., Адамчик смотрит на все это не как этнограф или фольклорист, а как художник, для которого быт — действенное средство создания типических характеров и типических обстоятельств. И поэтому весь этнографический материал и в малой прозе и в дилогии "Чужая бацькаўшчына" и "Год нулявы", как правило, подчинен у него общему идейно-эстетическому замыслу: показать жизнь народа на крутом переломе его истории во всем многообразии и сложности.

О тесной связи Адамчика с западнобелорусской региональной действительностью свидетельствует и сама поэтическая структура его творчества, в первую очередь дилогии, в которой звучит

и острая публицистичность, и задумчивость, лиризм, и народная песенность, и ораторская взволнованность. При этом проблема художественной формы выступает у Адамчика-писателя в органическом единстве с проблемой народности. Не случайно поэтому такую большую стилистическую нагрузку несут в произведениях Адамчика художественно-образительные средства народного языка, которые в значительной мере углубляют региональный колорит его произведений, ибо каждый настоящий художник, пишущий о своем народе, своей земле, разговаривает с читателем на языке своего региона: диалектизмы, типа "расхІстаны ээдлік", "бурнос", "да перших мэдлікаў", "дашвэндаешся", "шмыганулі"; сравнения - "чырвоны, як бурак", "падобная на мурашку", "верткая, як птушка"; метафоры и др. Особенность их использования писателем обусловлена все тем же его большим стремлением к глубокому изображению национальной среды и национальных характеров.

Именно в народном языке, в его простоте и лаконизме, фольклорной поэтичности и обрел Адамчик ту мощь, которая сделала его подлинно народным писателем в полном смысле этого слова, потому что для Адамчика-писателя нет ничего выше интересов трудового народа, нет ничего отраднее, как быть с этим народом в самой его гуще.

Л.Г.ГОЛОМБ (Ужгород)

МАКСИМ БОГДАНОВИЧ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УКРАИНСКОЙ ЛИРИКИ

В украинском советском литературоведении последних десятилетий заметно усиливается интерес к трудам Максима Богдановича об украинской литературе. Исследователи подчеркивают глубину аналитической мысли в статьях выдающегося белорусского критика о Т.Г.Шевченко, приписывая их к лучшим трудам дооктябрьского шевченковедения, указывают на созвучие этих работ со статьей большевистской "Правды" "Памяти Т.Г.Шевченко" (1914). В украинской периодике появились осуществленные Р.Лубкивским переводы статей Богдановича о Т.Шевченко и И.Франко, написанных на русском языке. Нашей задачей является уяснить в главных чертах взгляды критика на особенности развития украинской лирики.

Подход Богдановича к осмыслению этого вопроса во многом обусловлен теми общими моментами в истории украинской и белорусской литературы, которые глубоко волновали его и как поэта, представляющего культуру угнетенного царизмом народа. В противовес шовинистическим заявлениям о нецелесообразности самого существования украинской и белорусской литературы Богданович рассматривал эти национальные литературы как самостоятельные и самобытные явления в русле славянских культур. В то время как реакционная критика пыталась ограничить украинскую, как и белорусскую, поэзию рамками этнографизма и проstonародности, в центре внимания Богдановича — ее общечеловеческое содержание, имена и факты, сопоставимые с достижениями мировой литературы.

Последовательно применяя историко-сравнительный метод, ученый находит точки сближения между творчеством Шевченко, Франко, Самийленко и развитием русской и европейской поэзии. Он глубоко осознает диалектику национального и интернационального в художественном творчестве. Так, в вопросе об исторической роли Т. Шевченко, аналогичной, по его мнению, роли А. С. Пушкина и А. Мицкевича, он убедительно оспаривает представления, согласно которым заслуги украинского гения сводились к обработке так называемых "народных" тем. Для Богдановича Т. Шевченко — это чуткий и полнозвучный резонатор всех струн украинской национальной души, один из первых представителей народной интеллигенции, писатель, ставший символом духовных и культурных ценностей всего народа, чем и определяется его мировое значение. "В лице его мы чтим прежде всего "божьей милостью — поэта", чей стих был полон изяшной простоты, поэта, который в формах строго национальных выявил общечеловеческое содержание..." — писал Богданович в статье "Памяти Т. Г. Шевченко" (1914).

Мысль о диалектическом единстве национального и интернационального Богданович развивает и в статье о творчестве видного украинского поэта-демократа конца 19-нач. 20 в. Владимира Самийленко (1916). Патриотическую и социальную лирику поэта, порожденную тревогой о судьбах родного народа, критик относит к лучшим созданиям украинской музыки, замечая, что разработка этих мотивов является вместе с тем "большим вкладом в сокровищницу общечеловеческой культуры". Наблюдения Богдановича созвучны оценке творчества Самийленко в прогрессивной

украинской критике, в частности в статье И. Франко "Володимир Самийленко" (1907). Белорусскому критику очень близка также мысль Франко о том, что истинную художественную ценность представляет творчество только тех писателей, которые умеют сказать свое слово о вопросах, волнующих человечество, в формах наиболее соответствующих их национальному характеру.

Замечая плодотворное развитие традиций русской и европейской поэзии в лирике Самийленко, Богданович верно определяет черты оригинальности поэта: изящество и техническую отточенность стиха, тонкий юмор, "склонность к раздумью, к лирике сдержанной и некрикливой". Он назвал Самийленко поэтом-мыслителем, у которого мысль в моменты высшего своего подъема приобретает философский характер, хотя никогда не отрывается от вопросов о судьбах человечества и отдельного человека.

Очень высоко ценил Богданович творчество поэта-революционера И. Франко. Он относил его стихотворения в "актив "гражданской поэзии", почерк письма выдающегося художника определял как "твердый, энергичный и простой, даже несколько грубоватый". Первостепенную важность для критика представляло то, что наряду с ярким пламенем таланта в произведениях Франко всегда ощущался пульс глубокого ума, здоровая и неистребимая бодрость духа, прогрессивные мировоззренческие позиции: "центром этого мировоззрения являлась мысль о национальном возрождении украинского народа, которое должно идти рука об руку с экономической и политической эмансипацией его в духе идей социализма".

Несмотря на то, что Богданович не оставил синтетических трудов по истории украинской поэзии, он сумел в статьях об отдельных авторах затронуть важнейшие вопросы ее идейно-художественного развития, отмечая активную разработку в ней общественно-политической, национально-патриотической и философской проблематики. Размышляя о единстве национального и общечеловеческого, о месте произведений с ярко выраженным национальным колоритом в сокровищнице мировой культуры, Богданович убедительно и аргументированно отрицает измышления о местном, провинциальном характере украинской литературы.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОТИВЫ ЛИРИКИ КОЛАСА

Всестороннее отражение местных этнографических элементов и традиций — характерная черта творческого метода Я. Коласа, придающая его поэзии подлинную эпическую глубину и масштабность. Наиболее полно эти особенности выявились в стихотворных рассказах ("Зяць", "Паслушная жонка", "За дождж", "Першы заробтак" и др.), затем в монументальной поэме "Новая зямля" и др. Энциклопедическая объемность и содержательность этой поэмы в значительной степени обусловлена мастерством воссоздания местного регионального этнографическо-бытового колорита, умением отразить местные пейзажные, ландшафтные и топонимические детали.

Как известно, в прозаических произведениях Я. Коласа (трилогия "На ростанях", повесть "Дрыгва" и др.) эти художественные тенденции заметно углубились, являясь неотъемлемой чертой реалистической типизации. Своеобразно выявились региональные мотивы в лирике Я. Коласа 30-х годов. Исходя из того, что лирический образ наиболее полно раскрывается в эмоционально-философской сфере, поэт заметно сужает бытовые элементы, этнографические и фольклорные реалии. Соответственно возрастает и углубляется роль лирического подтекста, аллегории, символики. Региональные признаки и бытовые элементы в большинстве случаев используются для подчеркивания жанровых картин, драматизации лирического действия и др. Так, в стихотворном цикле "Калгаснае" архаические традиции старой деревни ассоциируются с индивидуалистической психологией и эгоистической отчужденностью человека, противостоящего новому коллективному мировосприятию. Неповторимая эмоционально-психологическая атмосфера, ожесточенная борьба различных социально-политических сил в белорусской деревне конца 20-х — начала 30-х годов отражена в колоритных монологах бабушки, кулака, середняка, бедняка и других характерных для своего времени персонажей. Резкое классовое размежевание в крестьянской среде умело подчеркнуто в характерных выражениях, обращениях, терминах. Дух времени, невиданная социалистическая перестройка деревни выявлена не в бытовых деталях или жанровых картинах, а в самом характере поэтических образов — напряженности и остроте авторских идей и обобщений.

Оригинальные приемы региональной декорации в стихах Я. Коласа, посвященных западнобелорусской теме ("Польскім ка-
нам", "Заходняя Беларусі", "З дарогі" и др.). Местные элементы
и признаки подчинены здесь усилению публицистического пафоса
стиха, подчеркиванию разоблачительно-саркастического звучания.
Характерные местные элементы и ходячие выражения ("свенты
блуд", "ожел белакрылы", "Антэк з Варшавы" и др.) метко харак-
теризуют сущность санационного режима и отношение к нему тру-
довых масс Западной Белоруссии в предвоенные годы. Новые
идейно-эстетические функции в лирике Я. Коласа приобретают тра-
диционный макаронизм: в отличие от аналогичных приемов в ли-
тературе 19- начала 20 в. в нем углублены сатирические эле-
менты.

Следует однако подчеркнуть, что в некоторых сюжетных сти-
хах 30-х годов ("Калгасу "Слабада", "Загібелька" и др.) Я. Ко-
лас, следуя прозаическим традициям, с успехом использовал мест-
ные топонимические названия, бытовые и психологические детали
для воспевания богатства и неповторимой красоты родного края.
Правда, по сравнению с поэзией 20-х годов сфера использования
региональных основ несколько уже, по преимуществу она носит
локальный характер. Но даже в такой функции региональные тра-
диции оказались достаточно эффективными и художественно оправ-
данными.

Достижения Я. Коласа в области использования региональных
элементов становились живой и плодотворной традицией всей мно-
гонациональной советской литературы, утверждая живую связь пи-
сателя с народными истоками.

Т.Н.ДАСАЕВА (Минск)

ПОЛЕСЬЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ КОЛАСА (На материале трилогии "На росстанях")

Трилогия "На росстанях" (особенно ее первые две части
"В полесской глуши" и "В глубине Полесья") дает богатый ма-
териал для раскрытия региональных особенностей художественно-
го творчества Я. Коласа. Трилогия "На росстанях" - произведе-
ние автобиографическое. С Полесьем связан важный этап в жиз-
ни писателя. "Первые годы учительства прошли на Полесье - в
Люсино и Пинковичах. Люсино - ужасная глушь. Описана в "По-
лесской глуши" (Я. Колас). По свидетельству самого писателя, в

первые годы учительства здесь, на Полесье, проснулось в нем национальное самосознание, и слова "Беларусь", "белорус" приобрели реальный смысл. Этому, думается, способствовало то, что Я. Колас, увлекшись необычным по своей нетронутой первородности "глухим уголком Полесья", его природой, историей, людьми, делал этнографические записи, собирал устное народное творчество. Годы жизни на Полесье оказали сильное влияние на формирование Коласа как художника и гражданина. Это нашло отражение в образе главного героя трилогии Андрия Лобановича, в котором воплотился жизненный опыт писателя.

Таким образом, можно говорить о воздействии региональных особенностей полесского края (его природы, истории, быта, нравов людей) на формирование личности Лобановича.

Полесская природа сыграла важную роль в формировании философских взглядов героя. В творчестве Я. Коласа органическая связь героя с природой — залог высокого потенциала духовности человека. Писатель прослеживает эволюцию отношений Лобановича к полесскому краю. Сначала дикая нетронутая природа Полесья с его бесконечными лесами и болотами вызывает у героя ощущение "оторванности от жизни и мира", но постепенно, наблюдая за этим самобытным краем, где "жизнь создала своеобразные формы", Лобанович приходит к философскому пониманию смысла жизни. Природа Полесья заставляет его задуматься над вечными проблемами человечества и дает ощущение прочной связи с жизнью.

Патриотизм Лобановича проявляется в его отношении к самобытной природе Полесья. В душе героя рождается протест против национального и социального угнетения белорусского народа.

Живой интерес вызывают у Лобановича люди Полесья, очень близкие к природе, с их мудростью, наблюдательностью, рассудительностью. Лобанович открывает богатство духовного мира полещук, ощущает силу этого народа, в котором живет дух сопротивления всякому насилию над своей естественной природой. Об этом свидетельствуют исторические реалии и легенды полесского края (легенда о Яшуковой горе).

Национальные и социальные проблемы, с которыми столкнулся Лобанович, живя на Полесье, обострили его самосознание, ускорили гражданскую зрелость героя, содействовали формированию его революционных взглядов. От абстрактных рассуждений переходит Лобанович к конкретным делам, становится человеком активного общественного действия.

Региональные особенности полесского края, отраженные в произведении, придают ему неповторимый колорит.

И.Колас в своем художественном творчестве опирается на мироощущение народа, на философию его бытия, поэтому на основе локально ограниченного жизненного материала (Полесье и его люди) он пришел к осмыслению общечеловеческих проблем в их конкретно-социальном наполнении.

Г.Н.ДАШКЕВИЧ (Минск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЗЫ ШАМЯКИНА

Если говорить о региональных особенностях в творчестве И.Шамякина, то прежде всего надо сказать о его сыновней преданности родным местам, гомельскому Полесью. Многие герои его произведений живут именно здесь, на берегах Сожа, Днепра и Припяти, недалеко от Гомеля, Речицы, проходят дорогами его юности и зрелости. Прототипами их являются его земляки, друзья, знакомые, он сам, ибо "биография писателя не может не отражаться на его творчестве".

То, что дорого каждому белорусу, дорого писателю и его героям. Нейзыбкие зарисовки у него скуповатые на "цветистость", сдержанные, как и характеры людей Полесья. Но сколько в них глубинной красоты! Остатки своих героев наедине с природой, писатель всесторонне и точно передает в форме внутренних монологов, раздумий их духовный мир. Почти все любимые герои Шамякина находят огромную радость в общении с рекой, полем, лесом. Лес не только "успокаивает, разгоняет тревогу, нервность", лес стал надежным помощником народа в годы войны. Хозяйской заботой о лесу, поле, чистоте родных криниц, чувством гражданской ответственности за их сохранение наделяет автор и своих героев.

Региональные особенности — это не только язык, топонимическое богатство, песни и обычаи того или иного края. Они должны проявиться в самом пульсе жизни. И.Шамякин как опытный мастер может уловить этот пульс, охватить его напряженность, силу и слабость.

Реальную жизненную основу его произведений составляют события, факты, характерные как для отдельных регионов Белоруссии, так и для всей нашей страны. Каждое его произведение — это своеобразная страница истории родного края, всего народа.

Автор стремится обратить внимание общественности на решение злободневных проблем современности, о которых идет речь на колхозных собраниях, на заседаниях райкомов и обкомов.

Современность, "оригинальность в лучших национальных традициях, "национальная самобытность характеров" достигается в результате глубокого исследования жизни и человеческой психологии. И если И.Мележ, благодаря этому исследованию, создал типический образ полесского крестьянина 20-х – начала 30-х годов, то И.Шамякин смог раскрыть характер представителя своего поколения, нашего современника.

Представители белорусской интеллигенции в произведениях Шамякина – почти все – деревенские люди. И даже если некоторые из них стали городскими жителями, в душе они – крестьяне. Связь с "родными корнями" придает новый прилив сил, покой, уверенность.

Нужно отметить, что И.Шамякин никогда не стремился к идеализации своих героев. "...Историю нельзя приукрашивать. Нельзя приглаживать и самого себя", – так считает писатель. Он по-принципиально правдив, бескомпромиссен в борьбе духовного и бездуховного, прекрасного и безобразного.

Запоминающимися, убедительными предстают перед нами образы колхозных тружеников, земледельцев и среди них образ белорусской крестьянки-матери в романе "Атланты и кариатиды", наделенной высокой внутренней культурой, женским обаянием, мягкостью и глубоким человеческим достоинством.

И.Шамякин часто даже в своих мирных произведениях затрагивает тему войны. Это закономерно. Он прошел по ее дорогам. Война и теперь, через 40 лет, каждому белорусу напоминает о себе сожженными деревнями, партизанскими землянками, материнскими слезами. Его произведения создают облик своей нации, народа, раскрывают его мужественный, непреклонный характер. Ту боль и тот протест, который писатель несет вместе с матерью Максима Карнача, потерявшей сына, с Иваном Батраком, на глазах которого убиты его близкие, поймет и разделит каждый человек.

В своей Лениниане И.Шамякин использует то, что ему "ближе по материалу, по географии, по творческим склонностям, он перечитывает множество документов, связанных с зарождением революционного движения* в Белоруссии, находит новые "яркие и глубокие проявления ленинского гуманизма".

Читатель теперь имеет возможность увидеть еще новые страницы истории, тех незабываемых дней, где "судьба народа, судьба государства показана на примере жизни простых людей", сыновей и дочерей Белоруссии, где убедительно отображение, рост их революционного сознания, трудности этого роста.

Таким образом, использование региональных особенностей родного края в произведениях И. Шамякина подчиняется главному — правдивому изображению жизни. Эта правдивость, убедительность добывается повседневным трудом писателя, его огромным желанием раскрыть сущность своего героического времени.

П. К. ДЮБАЙЛО (Минск)

ВЗАИМОСБЛИЖЕНИЕ, ВЗАИМОБОГАЩЕНИЕ ЛИТЕРАТУР И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРО- БЛЕМЫ)

Главная закономерность в развитии современной советской многонациональной литературы — взаимосближение, взаимообогащение. Из этого вытекает настоятельная необходимость рассматривать национальные литературы в контексте общесоюзного и даже мирового литературного процесса.

На современном этапе наблюдается "угасание" тенденций регионализма, они приобретают иной характер — от региональных особенностей творческой индивидуальности (в мировосприятии, например), к региональным особенностям в художественном произведении (тематика, географическая среда, язык героев и т. д.).

В свое время и М. Шолохова пытались отнести к разряду областнических писателей. По существу же оказалось, что "Тихий Дон" не только о казачестве, а о путях трудового народа к новой жизни. Писатель через конкретно-историческое вышел к общечеловеческим проблемам, стал классиком с мировым именем.

И. Мележ — современный советский писатель. "Полесская хроника" вошла в общее русло современной советской литературы, поставила проблемы общечеловеческого значения, хоть в ней ярко проявились региональные особенности Полесья, и прежде всего в местном колорите, характерах и языке героев.

Это можно сказать и о творчестве В. Козько. В романе "Черуш" (тоже Полесье) региональные особенности ярко проявились даже в проблематике, в драматизации взаимоотношений человека

и природы.

Иные региональные особенности в произведениях, например, И. Пташникова (северные районы Минской области), И. Чигринова (восточные районы Могилевской области) и т.д.

Можно сделать выводы: региональные проблемы в литературе, становясь менее острыми на современном этапе в плане методологическом (изучение творческой индивидуальности писателя), остаются важными в анализе художественных особенностей произведения, в раскрытии характеров героев.

Н.И.ЗИМОМРЯ (Ужгород)

К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА, ШЕВЧЕНКО И КУПАЛЫ

Проблема концепции человека является, в частности, на уровне конкретно-исторического многообразия предмета, его всеобщей важности и масштаба, одной из первостепенных предпосылок художественного познания жизни. В разных плоскостях идейно-эстетической характеристики, структуры и поэтики она отражает призвание человека на земле, являясь, в свою очередь, определенной "визитной карточкой" назначения художественного творчества писателя как подлинного творца духовных ценностей.

Могучий дар А.С.Пушкина, Т.Г.Шевченко и Я.Купалы запечатлел открытие тех основ бытия человека, которые в многоязычном и многоликом мире наиболее соразмерны чаяниям, надеждам и стремлениям восточнославянских народов. Пушкин, Шевченко, Купала и их художественное прочтение типичных характеров и жизненных обстоятельств, интернациональное видение человека как "совокупность всех общественных отношений" (К.Маркс. Тезисы о Фейербахе. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 3, с. 3), осмысление социального и нравственного опыта русского, украинского и белорусского народов-ратьев. Твердо опираясь на активный гуманизм, истоки которого определяют квинтэссенцию борьбы за мир, свободу и счастье трудового человека, они в высшей степени способствовали всестороннему решению этой задачи в историческом контексте развития русской, украинской и белорусской литератур. Идейно-эстетическая ценность наследия А.С.Пушкина, Т.Г.Шевченко и Я.Купалы состоит прежде всего в том, что их творчество основывается на концепции общечеловеческого значения. Ее исконные ходы органически связаны с новыми

восприятием действительности, в которой то или иное явление может стать обобщающим объектом, многоплановой локализацией пространства и времени, неиссякаемым источником художественного преобразования. Отсюда исходит ценностный комплекс неповторимого многообразия мощных предметных ситуаций, заключающих в себе подлинные образцы жизненных реальностей и их медитаций: "Я вас любил: любовь еще быть может..." (А.С.Пушкин); "Возвеличу Малих отих рабів німих! Я на сторожі коло їх По-ставлю слово" (Т.Г.Шевченко); "А хто гэта Іх, не адзін мільён, Крыўду несць наўчыў, разбудзіў іх сон? Бяда, гора" (Я.Купала). Таким образом, поэтами дана трактовка. Каждая из них дана расширяющимся значением, осуществляя при этом безграничные смысловые потенции художественного видения (поэтическое овеществление мотивировок, скрепление представлений, структурная целостность, конкретность "избранных слов" (выражение А.С.Пушкина - Н.З.), поэтика событийных реминисценций и т.п.).

Концепция человека, воплощенная в произведениях А.С.Пушкина, Т.Г.Шевченко и Я.Купалы, убедительно демонстрирует социально-историческую содержательность времени, совершенство гуманистических критериев, сущность ценности человеческого характера. Здесь можно и должно говорить о типологических параллелях, к примеру, пушкинской лирики, с одной стороны, шевченковской и купаловской - с другой; а шире - о взаимодействии русской, украинской и белорусской литератур, процессе их становления в неразрывной связи. Система образов, выразителями которой суждено было стать Пушкину в русской, Шевченко - в украинской и Купале - в белорусской литературах, утверждает величие человека-труженика, его красоту как личности; на фоне социального беспорядка явственно различима сила хлебопашца, его революционный потенциал ("Я б патрапіў сказаць, Што і я - чалавек, Што і мне гараваць Надаела ўвесь век", - к такому выводу приходит, например, Я.Купала в замечательном стихотворении "Я мужык-беларус..." (1907). В творчестве Пушкина, Шевченко и Купалы закономерной является общность изображения подневольной жизни простого человека с проекцией на судьбу родины как народной судьбы. В этом смысле знаменитые слова о Т.Г.Шевченко принадлежат перу Н.А.Добролюбова: "Он - поэт совершенно народный". Классическое наследие А.С.Пушкина, Т.Г.Шевченко и Я.Купалы органически сочетает начала народности и гражданственности, целостно охватывая понимание мира и человека. Оно

поражает разноязычных читателей исключительно глубоким проникновением во внутренний мир человека, необычайным благородством великих художников слова, призывающих "глаголом жечь сердца людей", очищая и объединяя их в борьбе за торжество правды и социального прогресса на земле.

Благодаря искусству художественного перевода – важнейшего фактора взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур – интерес к творчеству А.С.Пушкина, Т.Г.Шевченко и Я.Купалы растет во всех странах мира, открывая народам планеты неповторимые пласты духовной жизни – сокровищницы восточнославянских народов. Поэтому ни в коей мере не вызывает недоумение, скажем, тот факт, что еще в 1959 году в Лейпциге увидел свет сборник под общим названием "Новые стихотворения Пушкина и Шевченки", в котором впервые было напечатано ныне всемирно известное "Завещание" великого Кобзаря. Или иной пример – уникальная книга, состоящая из одного стихотворения "А хто там ідзе?" в переводах на восемьдесят три языка (Янка Купала. А хто там ідзе? на мовах свету, Укладання В.Рагойшы, Я.Раманоўскай. Минск, Мастацкая літаратура, 1983). Картины жизни и судеб русского, украинского и белорусского народов, развернутые гением Пушкина, Шевченко, Купалы с огромной верой в человека, всегда служили и служат великим идеалам интернационального единения трудящихся, идеям братства и дружбы народов.

Л.В.КАРАБАНОВА (Мозырь)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОЛОРИТ ПРОЗЫ ГОЛУБКА

Реалистический принцип творчества, кроме правдивого показа типических характеров в типических обстоятельствах, требует адекватного отображения жизненных деталей, в том числе социально-психологических, этнографических, непосредственно связанных с региональной спецификой того или иного народа. Безусловно, нельзя преувеличивать роль национальных факторов, считать их определяющими в процессе формирования творческой индивидуальности, однако их роль в развитии художественной литературы мы должны понимать в контексте всеобщих, наиболее характерных общественных и эстетических явлений.

Богатый материал для раскрытия региональных особенностей художественного творчества дает проза В.Голубка. Жизнен-

близости являются непосредственным источником его творчества, теми истоками, на основе которых и возникает художественное произведение.

Важное значение в творческой лаборатории Голубка приобретает народная языковая стихия, которая материализует художественную мысль, своеобразно преломляя ее. Особенность такого проявления опирается на эмоционально-смысловой колорит диалектизма, на его содержание в каждом конкретном случае. Автору чрезвычайно важно сохранить стихию родного наречия для создания колорита народной жизни. Примером может служить рассказ "Журавінка", в котором встречаются такие диалектизмы, как "ухляпаўся" (закахаўся), "разбохалася" (расхварелася), "знібыткаваўся" (стаміўся), "брыкалаўка" (гарэлка, и др. Если мы попробуем заменить любой из данных примеров литературным словом, мы сразу почувствуем, что произведение утратит свою первоначальную идейно-эмоциональную окраску.

Поскольку в творчестве Голубка ведущее место занимает крестьянская тематика, жизнь трудовой массы в дореволюционное время, использование региональных особенностей, ориентация на традиции народной этики и морали позволили автору раскрыть своеобразный мир главного героя — крестьянина. Ориентируясь на фольклорную традицию, писатель чаще всего создает образ "хитрого мужичка", который только кажется простачком, но оказывается всегда умнее, хитрее и изобретательнее представителей господствующего класса ("Марымонавы сабакі", "Адвакат", "Вясковья астраномы" и др.).

Большую роль в рассказах Голубка играет прония и народный юмор. Достаточно вспомнить, как убедительно высмеивает писатель крестьянскую жизнь в условиях угнетения и социальной несправедливости, как показывает те насмешки и издевательства, которые чинились над мужиком. Примером тому может служить рассказ "Абмылка вучонага".

Художественно воссоздавая атмосферу крестьянской жизни и быта, Голубок широко опирается на этические традиции и оценки своего народа, своеобразно преломившиеся в жанре пословиц и поговорок, народных речений. Отображая народный идеал, народное мировоззрение, они существенным образом углубили идейно-философскую концепцию писателя, оказывали своим воспитательным содержанием благотворное влияние на читателей. Приведем наиболее характерные из них: "пугай абуха не пераб'еш",

"аплакалі лес, а па нас ні водзін бес", "пакуль сыты пахудзе, дык худы памрэ" и др. В них нетрудно заметить отголосок социально-исторического опыта народа, резко отрицательное отношение к представителям высшего света.

В.Н.КИВАТЫШКИЙ (Минск)

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЛИНГВО-СЕМАНТИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ РЫГОРА БОРОДУЛИНА

1. Творчество Рыгора Бородулина, отмеченное Государственной премией БССР и премией Ленинского Комсомола БССР, — заметное явление современной советской поэзии. Лирику поэта всегда отличали и отличают тонкое чувство народного слова, яркость и самобытность образного мышления. Высота художественного осмысления сложных проблем нашего общества, проникновенность поэтического анализа мировосприятия современного человека составляет суть страстной публицистичности лирики Бородулина, наполняют произведения поэта глубокой, органичной гражданственностью.

Формирование творческой индивидуальности Р.Бородулина шло нелегкими путями поиска новых средств и форм лирической типизации. Качественная перестройка закономерностей художественного мышления поэта на рубеже 60–70-х годов явилась следствием глубоких внутренних изменений в образной структуре данной поэтической системы, изменений, затронувших все слои и уровни лирического образа. Для выяснения причин и характера данных изменений в поэтическом мышлении Р.Бородулина важным представляется изучение соотношения лингво-семантического и художественного в лексическом строе произведений поэта.

2. Изучение соотношения лингво-семантического и собственно-художественного в произведении словесного искусства — одна из центральных проблем современной филологической науки (М.Б.Храпченко). Слово в его лингвистической трактовке художественное слово противопоставляется тем, что последнее всегда несет на себе печать целого (Н.К.Гей), что определяющим для художественного слова является не только и даже не столько собственное (пусть даже и самое глубинное) семантическое значение, а то новое художественное содержание, основой для которого служит прежде всего поэтический контекст

Гамбург). Поэтический контекст при этом часто и обоснованно воспринимается не только в его "узком" – лингвистическом – значении (как законченное предложение или смысловая фраза), но и как особым образом организованное художественное целое – сведение словесного искусства во всем его живом, непосредственном бытии (А.В.Чичерин). Проблема соотношения лингвистического и художественного в лексике поэтического произведения состоит в том, что "это "более широкое" или "более узкое" содержание не имеет своей собственной раздельной звуковой формы, пользуется вместо нее формой другого буквально понимаемого содержания. Таким образом, формой здесь служит содержание. Одно содержание, выражающееся в звуковой форме, служит формой другого содержания, не имеющего особого звукового выражения" (Винокур Г.О.).

3. Проблема соотношения лингво-семантического и художественного в поэтическом мышлении Р.Бородулина – это проблема уточнения родовых основ его поэтического образа. Поэтический взгляд лирического героя Р.Бородулина как бы полностью замыкается в слове (он лиричен) и в то же время он постоянно больше этого слова, находится и внутри слова и вне его, за его смысловой оболочкой. Постоянное стремление лирического героя Бородулина отменить "словесную однозначность" своего миропонимания не является развитием эпических тенденций художественной типизации, а свидетельствует лишь о том, что лирика поэта находится в каких-то особых художественных условиях своего существования. Бородулинский образ двойственен. Он противоречив и целен одновременно, статичен и неуловим, устремлен к своей завершенности и тут же – в рамках самого себя! – отвергает эту претензию на завершенность как мнимую и бесплодную. Органичная устремленность бородулинской лирики к подчинению предметности мира внутренней поэтической логике лирического образа является, как нам кажется, истоком широкой метафоризации поэзии Бородулина.

4. Образ в структуре лирики Р.Бородулина более всего стремится к многозначности. Но постепенно число метафорических словосочетаний (как наиболее многозначных, "исуетойчиво многозначных") в его лирике уменьшается. Метафоризация, столь необходимая в бородулинской лирике на начальном этапе ее эволюции, постепенно утрачивает в ней ведущую конструктивную роль. Причина здесь – внутренняя динамика самой художественной си-

системы, когда метафоричность, как показатель определенных содержательных процессов, не отменяется, не устранивается полностью, не уступает место абсолютно новому, а видоизменяется, трансформируется на своей собственной художественной основе. Такой новой художественной основой бородулинской лирики 70-х годов является глубинная народность мировосприятия лирического героя, а общая стилевая эволюция данной системы заключается в переходе, перерастании метафорического ("субъективно"-лирического) слова поэзии Р.Бородулина в амбивалентность "народного слова" (термин М.Бахтина).

В.П.КОВАЛЕНКО (Гомель)

НАРОДНАЯ ОСНОВА РАССКАЗОВ САЧЕНКО

Использование региональных элементов как сложного "комплекса социально-бытовых, языковых и этнографических факторов", выявление с их помощью специфически национального характера, психологии, философии человека является важнейшей частью творчества белорусских прозаиков, пришедших в литературу в 60-е - 70-е годы. Значительное место среди них принадлежит Б.Саченко. Лучшие рассказы писателя, которые принесли автору известность, как и произведения его коллег (И.Шамякина, И.Чигринова, Вл.Кароткевича, И.Пташникова, В.Адамчика и др.), выросли на глубоко народной основе, в которой региональные особенности отыгрывают далеко не последнюю роль. "Великий Бор - сказка моего детства, первая моя радость, первая печаль и боль", - так вспоминает Б.Саченко близкий и дорогой его сердцу уголок белорусского Полесья.

Многие темы и образы ранних и более поздних рассказов автора подсказаны историей родной деревни, природой, богатыми устно-поэтическими традициями Хойникского района Гомельской области. Детство и юность Б.Саченко приходится на трагическое и тяжелое время в жизни народа - Великую Отечественную войну и послесовское десятилетие. Здесь добывался тот личный опыт, который лег в основу эмоционального, психологического, философского мира будущего писателя. Большое значение в этом, бесспорно, принадлежит устно-поэтическому творчеству повзрослевших: "Чего только не наслушался я, спавшая на комельке дымную лучину! Так как вечерами (на поезде) ходили к нам женщины пожилые, которые много чего знали, видели на своем веку.

Одна сельская быль связывалась с другой, другая с третьей. К былям прилетались незаметно сказки – и тек, тек разговор, слова цеплялись за слова, и уже нельзя было разобрать, где оканчивалась быль и начиналась сказка”.

Многие темы, сюжеты, образы подсказаны Б.Саченко историей родной деревни, судьбами великоборцов, богатыми фольклорными традициями края. Однако влияние устно-поэтических традиций на его новеллы более глубокое и сложное, чем простое использование определенных художественных приемов, поэтических средств. Мифологические, притчевые, сказочные формы, если они и встречаются в чистом виде, являются сложной литературной трансформацией народного мировоззрения, современной философии жизни и всегда тесно связаны с плодотворным решением злободневных проблем, основных тенденций развития национальной прозы 60-х – 70-х годов. Уже на этом этапе замечается глубокая народная основа творчества Б.Саченко: выдвигаются идеи вечности человеческого существования на земле, живучести самых элементарных, твердых и непобедимых моральных, психологических основ деревенской народной жизни. В этом смысле рассказы писателя в чем-то очень близки к прозе К.Чорного, опыт которого помогает молодым авторам”... в творческих поисках, делает более легкими эти поиски, показывая ориентиры к высотам мирового искусства”. Б.Саченко творчески воспринял главный наказ К.Чорного – раскрыть значительность человека как личности, сложность его внутреннего мира. Первые сборники новелл прозаика “Дорога ішла праз лєс” (1960), “Барвы ранній восені” (1962) впечатляли читателя непосредственностью, искренностью и правдивостью отображенных в них жизненных конфликтов. Чувствовалось большое внимание писателя к обыденному, которому Б.Саченко придавал значительное человеческое содержание. Однако при всех положительных качествах на раннем периоде творчества рассказы прозаика имеют некоторые недостатки, вызванные новизной, по меньшей мере Б.Саченко придать конкретным фактам обобщающее значение (“Урок”, “Сляды”, “Слепет”, “Мой лєс”). Аналитизм, углубленный психологизм станут неотделимым качеством следующих сборников автора (“Зямля маіх продкаў”, “Пакуль не развінела”, “Аксеня”, “Памяць”, “Ваўчыца з Чортвай Ямі”). Здесь региональные элементы (большой частью пейзажного характера) выступают в качестве внешнего фона или “экологический” обстоятельство (“Каналляны чай”, “Кошык маіўн”, “Поч на балюце”, “Балота”, “Дарогі”). Новеллы Б.Саченко 60-х годов по-

казывают, что в них не всегда ярко очерчена авторская концепция, которая иногда сводится к мысли: так нельзя, так не должно быть, а вот это великолепно!

Произведениями "переходного" характера следует считать зарисовки из книг "Вол-фігурыст" ("Ну і людзі", "Адным словам", "Халасцяк", "Алешынка і хмель", "Два арэшкі", "Жывы корань"). Здесь картины белорусской природы хотя и имеют самодавлеющее значение, "ведут" за собой развитие сюжета произведения, но хорошо "работают" на идейно-эстетическую концепцию автора. Вот, к примеру, заключительные строки с аллегорической новеллы "Жывы корань": — Не бойцеся жыць! — не забываеца сказаць на дарогу сваім дзецям куст. — Авоць і каровы вас не стопчух і чалавек не з'еў мяне!".

К началу 70-х годов Б.Саченко постепенно приходит к аналитическому рассказу, в котором он опирается на собственно-эмоциональное, автобиографическое. В этом смысле выделяются новеллы книги "Памяць" ("Мара", "Ліст да маці", "Акопы", "Соль"). В этих произведениях региональные элементы (природа, язык, топонимика, неповторно-психологическое), говоря словами Н.М.Гринчика, "становятся непосредственной сферой выявления человеческой природы, ее контактов с интеллектуальным, моральным опытом той или иной социальной, чаще всего крестьянской среды". В этом смысле особенно выделяется рассказ "Навальніца", где автор глубоко анализирует человеческую душу, ее самые тонкие проявления. Одарка, героиня произведения, никак не может согласиться с тем, что скоро Гиблое болото будет осушено мелиораторами: "Прывыкла Одарка да балота. Вясною, перад вялікаднем, хадзіла ў балота рваць лотаць — надта ж ёмка фарбаваць квеценню яйкі. А па шчаўе куды ж, як не ў балота, пойдзеці? Ды і травы цяляці ўжаць, нарваць свінням бабоўніку... Зімою ж, калі пазамярзае ўсюды, вада лёдам возьмеца, і па дрывы на саматужках з'ездзіць можна ў алешнік, лазняк, што параслі месцамі тут і там на балоце, асабліва дзе канавы старыя... Не, балота трэба... Без яго ... Як жа жыць, калі не будзе балота?!"

Еще большим богатством использования региональных элементов характеризуются рассказы со сборника "Ваўчыца з Чортавай Ялы" (1978). Нельзя не согласиться со словами С.Андреюка, который совершенно справедливо считает, что "в литературе существует в определенном смысле парадоксальная законо-

мерность. Чем дальше во времени писатель отдаляется от своей "малой" родины, тем больше в творчестве к ней приближается... То же видно и в творчестве Бориса Саченко, который от публицистически-лирического очарования родным уголком земли, его прошлым и современным идет к глубокому историческому, социально-этнографическому, да и философскому его пониманию".

Добавим от себя: прозаик, находясь в общем течении развития современной национальной прозы с ее настойчивыми жанрово-стилистическими поисками, стремится закрепить в ярких художественных формах мысль народную, современную философию жизни человека, типического представителя сегодняшнего социалистического Полесья.

А.В.КОЗЕЙКО (Минск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ

Проблема взаимоотношений человека и природы — одна из наиболее актуальных проблем современной литературы. Она глубоко волнует прогрессивных писателей всего мира. Вечной теме взаимоотношений человека и природы отведено важное место в современной белорусской прозе. По-граждански обостренно, драматично она зазвучала в произведениях таких писателей, как И.Мележ, И.Пташников, В.Карамазов, В.Козько, А.Жук и др.

Белорусские прозаики взволнованы тем, что в век НТР отношения между человеком и природой приобрели особый драматизм. Писатели охвачены тревогой о судьбе природы, а вместе с тем и человека, ибо неразумное отношение к природе приводит к уничтожению всего живого на земле, в том числе и самого человека.

В решении глобальной проблемы современности белорусские прозаики обращаются к накопленному опыту родной литературы, к классическим традициям и к тому, что лично им дорого, что входит в понятие "родной порог". Это тот дорогой сердцу уголок земли, память о котором всегда с человеком, потому что здесь, как говорит В.Карамазов, "живет та сила, которая с далеких и близких дорог снова и снова зовет на родной порог".

Тепло родного очага всегда согревало. Совсем не случайно в творчестве И.Мележа, И.Пташникова, В.Карамазова, В.Козько,

А. Жука так много места отведено милым образом родного края. Их произведения несут читателю свет любви к своей земле, к людям, труд которых преобразует ее. Глубоко ощущая родную природу, сельскую жизнь как исток всех начал, они взволнованно, с огромной любовью пишут о той земле, на которой выросли, которая дала им силы.

Родные пейзажи помогают писателям более проникновенно высказать живое чувство Родины, глубоко раскрыть душу своего народа. Описания природы в их произведениях географически точны, они включают много характерных для данной местности деталей. Так, в "Полесской хронике" И. Мележа, в романе В. Козько "Неруш", в повести А. Жука "Охота на последнего Журавля" описывается Полесье, край, в котором происходят сейчас грандиозные события: осушаются болота, создаются многоотраслевые комплексные хозяйства, меняется в целом характер хозяйственной деятельности и облик края. Все это не может не оказать влияния на людей, живущих здесь, на их взаимоотношения с природой.

"Герои моих романов — полесские крестьяне, и это во многом определило характер и значение картин природы в книгах", — отмечал И. Мележ.

Картинны природы в "Полесской хронике" органически связаны с душевным состоянием героев, являются одним из важнейших средств их характеристики. Параллельность картин природы и переживаний широко используется писателем.

Пейзажная живопись в произведениях И. Мележа является не только одним из средств создания масштабных человеческих характеров. Природа — "важная тема" произведений И. Мележа. Она помогает создать ощущение полноты человеческого бытия, вместе с тем она — свет поэзии и красоты.

Географически точными являются описания природы и в романе И. Пташника "Мстижи". Философские по содержанию, они созвучны настроению героев, вызывают у них патристическое восхищение богатством и красотой родной природы. Разнообразные бытовые и пейзажные детали помогают ярче и полнее представить себе сельскую жизнь, ее природу, людей северной части Минской области.

О привязанности писателей к родным местам свидетельствует и топонимика их произведений. Названия Курени, Мстижи, Князьбор, Ольховые Криницы и другие, которые употреблены в их романах и повестях, совпадают или перекликаются с насто-

и названиями населенных пунктов, вносят характерные особенности национальной неповторимости.

произведениях И.Мележа, И.Пташникова, В.Карамазова, Козышко, А.Жука нашли свое отражение и диалектные особенности языка. Писатели сохраняют особенности местного говора. Катится, — пишет про полесских жителей В.Козышко, — у лесов они взяли свое слово. Про тех же карпов они никогда не пишут, что это карпы, а только карпу-у-у. И их мягкое, деликатное "у-у-у" долго висит в воздухе, мягко округлит губы и глаза того, кто говорит. И одновременно со словом перед тобой выступает и сам человек. Катится, катится над землей его любимое слово, как та речка тихо, но непрерывно катит свои воды среди белых песков, коричневых и зеленых бодот, плакучих тополяков, как шумят их боры, роши, дубровы: Поле-ээ-ссия-аа".

Прочная связь с родными местами, ощущение стихии народного языка, обычаев, быта — все это существенно расширяет жизненную основу современной белорусской прозы, придает ей настоящую реалистическую глубину и значительность. Важную роль в этом отношении играют картины родной природы. Они помогают создать местный колорит, дают возможность ощутить красоту родных уголков белорусского края, поднимают общий уровень эмоционально-психологического раскрытия характеров и обстоятельств.

Э.П.КРАВЧЕНКО (Ужгород)

О ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ БЛИЗОСТИ СТИЛЕЙ БЫКОВА И ТЕНДРЯКОВА

В.Быков — писатель военной темы. Вл.Тендряков пишет о бегущем дне. Одни из них белорусский писатель, другой русский. И все же, в стиле этих советских прозаиков есть немало точек соприкосновения. Стиль мы понимаем как художественную закономерность, которая проявляется на всех уровнях творчества. Эти точки соприкосновения обусловлены общим во многом миропониманием, близостью эстетических идеалов этих писателей, а также творческой установкой на художественное исследование жизни путем предельного заострения характеров, обстоятельств и конфликтов.

Эстетический идеал В.Быкова и Вл.Тендрякова — это человек, способный перешагнуть через свои эгоистические чувства.

Положительные герои этих писателей воспринимают общественное как глубоко личное. Социалистическая этика вошла не только в их сознание, но и в строй чувств, стала естественным, спонтанным проявлением их натуры. Любая деятельность для них имеет смысл лишь в том случае, если она полезна людям. Для этих героев народное благополучие — глубоко личное счастье, а народное горе — своя беда. Народ для них не умоглядная абстракция, а окружающие люди, будь то бойцы батальона или труженики колхоза. И в этом реальность и действенность их гуманизма и патриотизма. Гуманизм и патриотизм этих персонажей проявляется прежде всего в заботе о людях, в борьбе за достижение конкретных военных или хозяйственных целей с возможно наименьшими человеческими или социально-нравственными потерями. Таковы, например, у В.Быкова — Мороз, Миклашевич, Сотников, Волошин; у Вл.Тендрякова — Бирюков, Махотин, Тулупов, Крохалев.

Творчество обоих писателей близко по проблематике. Нравственные проблемы белорусского прозаика также обращены в сегодняшний день, как и проблематика произведений Вл.Тендрякова. "И меня интересует, — говорит В.Быков, — в первую очередь не сама война, даже не ее быт и не технология боя (...), но главным образом нравственный мир человека, возможности его духа". Говоря о повести "Сотников", он заметил: "А разве это повесть о партизанской войне?" И в этом вопросе слышится авторское возражение. Он считает проблематику повести очень современной.

Некоторые черты поэтики повестей В.Быкова и Вл.Тендрякова также имеют много общего. Их произведениям характерна сознательная обнаженность, обращенность к современной жизни, к ее "тугим узлам", глубокий анализ взаимодействия характеров и обстоятельств, выявление нравственных побуждений героев в крайне острых, нередко пограничных ситуациях. Оба художника стремятся строить свои повести так, чтобы между фактами и выводами было кратчайшее расстояние, чтобы изображаемое сразу же будило у читателя мысль, требовало объяснения. В их произведениях обычно исследуется уже сложившийся характер на крутом жизненном повороте.

Резкое и неожиданное заострение сюжетной ситуации дает возможность глубоко раскрыть жизненные противоречия и характеры на небольшом художественном пространстве. "Нужна ти-

личность характеров, как и связанных с ними типичных обстоятельств, — пишет Вл. Тендряков, — но если и то и другое не будет заострено, выделено до степени какой-то исключительности, реализма не получится... .. типизация в искусстве — это характерное, доведенное до размеров исключительности". Такая творческая установка близка и В.Быкову.

И В.Быков и Вл.Тендряков, подобно Достоевскому, изображают своих героев в переломные моменты их жизни, в момент "выбора", определяющего их судьбу. У В.Быкова это, как правило, выбор между жизнью и смертью. Оба художника, как и Достоевский, изображают самый процесс качественного сдвига в психике, сознании героя, процесс нравственного восхождения, "выпрямления" или падения, прослеживают способность характера противостоять крайне неблагоприятным обстоятельствам. Поэтому в их произведениях так много внутренней и несобственно-прямой речи, в которой раскрывается нравственное движение героя.

Такая творческая установка, естественно, сказывается и на сюжетно-композиционной организации произведения. Во многих повестях В.Быкова и Вл.Тендрякова ("Круглянский мост", "Обелиск", "Его батальон", "Ухабы", "Суд", "Короткое замыкание", "Расплата", и другие), действие начинается с какого-то казуса: неожиданной неполадки, чрезвычайного происшествия, несчастного случая с трагическим исходом и т.д. Так взрыв моста и гибель подростка Мити ("Круглянский мост") вызывает острый нравственный (и не только нравственный) конфликт между партизанами Степкой и Бритвиним. Сталкиваются два взгляда на жизнь, две жизненные позиции.

Несчастный случай и вызванная им острая конфликтная ситуация заставляет действующих лиц принимать нестандартные и ответственные решения, мобилизовать всю волю, проявить свою подлинную сущность. Нередко такая ситуация приводит к возникновению драматических противоречий в сознании персонажа. Духовные движения героев образуют как бы внутренний сюжет произведения, внутренние и внешние коллизии развиваются, взаимно обуславливая друг друга, и образуют двухслойный сюжет. Под сюжетом мы понимаем совокупность не только внешних, но и всех внутренних проявлений, указывающих на состояние и изменение людей и вещей.

И, наконец, в творчестве В.Быкова, как и в прозе Вл.Тендрякова, преобладает жанр короткой социально-психологической повести с острым нравственным конфликтом, своеобразной прозаикой

ческой драмы или трагедии. Этой повести присуща некоторая заданность идеи, жесткий каркас которой иногда просматривается сквозь художественную ткань произведения. Именно поэтому часть исследователей творчества В.Быкова и Вл.Тендрякова относят их к виду "притчеобразных", с чем трудно согласиться.

Но при всей типологической схожести отдельных элементов стиля творчество и В.Быкова и Вл.Тендрякова глубоко самобытное и неповторимое. Точки же соприкосновения в проблематике и поэтике свидетельствуют о том, что их творчество находится в русле одного стилевого течения социалистического реализма, хотя пишет один из них о войне, а другой — о мирной жизни.

М.П.КУЗЬМИЧ (Витебск)

ЯНКА СКРИГАН И ТРАДИЦИИ БЕЛОРУССКОЙ НОВЕЛЛИСТИКИ

Янка Скриган — явление в белорусской литературе интересное и самобытное. Он — один из талантливых мастеров "малой прозы", которые пришли в нашу литературу в послеоктябрьский период. Написал прозаик не очень много, но все, что принадлежит его перу, отмечено самостоятельными поисками и находками, своим отношением к человеку и миру.

Писатель проявил завидную верность жанру (его литературное амплуа — рассказ), показал героя новой советской действительности, героя-труженика, земляка. Очерки (сборники "Недодісаны профіль" (1932), "Сустрэчы" (1935), "Сонца шугас" (1932), повесть "Затока ў бурях" (1929), рассказы как довоенного, так и послевоенного времени, собранные в сборниках "Скажы адно слова", "Свая аповесць", "Кругі" и других, выделяет идейное и художественное единство. Их автор всесторонне раскрыл глубокое понимание конкретных задач социалистического строительства, передал патриотическое чувство великого созидательного труда советских людей.

Для рассказа Я.Скригана характерно разнообразие форм. Его творческое приобретение — приключенческий и психологический рассказ, лирическая импрессия и психологический этюд, рассказ-зарисовка. Им присущи художественно-эстетическая натуральность, органичность творческой манеры писателя, который экономно пользуется словом, создает запоминающиеся образы.

Исследуя социально важные явления жизни, прозаик имеет собственный почерк, что помогает ему показать новые ракурсы

человеческого бытия, подает настоящее и прошлое компактно, на высоком художественном напряжении, энергично и завершено.

Проблема показа нового человека – волнующая проблема. Я.Скриган раскрыл сущность событий и явлений общественной жизни на разных этапах нашей истории. Более всего его волновали изменения в психологии людей – важнейшая в системе социально-духовных ценностей, сложная диалектика взаимоотношений линий "человек-человек", "человек-общество". Через отражение отдельных черт характера, его особенностей, а также многих проявлений общественной жизни писатель воплотил в своем творчестве образ нового человека. Немаловажную роль здесь сыграли описания родной природы и народно-разговорный язык Слутчины. В этом Я.Скриган продолжает традиции К.Чорного, своего известного земляка, по использованию региональных элементов.

Анализ стиля, композиции произведений, приемов и способов рассказа дает возможность увидеть концепцию человека, созданную писателем. Герой прозы Я.Скригана, если рассматривать в собирательном аспекте, – наш современник, создатель. Он ставится в центр всего, что совершается вокруг, а судьба его – в биографии совсем определенного человека. Он – носитель здоровых морально-этических норм, узаконенных советской действительностью.

Замысел рассказов писателя заключается в широком показе положительного, идеала через красоту человеческих отношений, отрицание негативных явлений, всего того, что компрометирует систему наших моральных ценностей.

Я.Скриган – не только практик "малого жанра", но и его теоретик, о чем свидетельствует книга "Ранішнія росы" (1965) и другие статьи, написанные позже.

Е.К.НЕРОНСКАЯ (Гомель)

ПРОЗАИЧЕСКАЯ МИНИФОРМА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ

В современном развитии эпической прозы особое место принадлежит миниформе. Жанровая специфика этого художественного явления сегодня не определена, как не обозначен и сам факт существования его в системе жанров. Определения типа "фраг-

ментарная проза", "стихотворения в прозе", "записные книжки", "дневник писателя" и т.д. или исключают это явление из системы жанров, или оказываются неполными, игнорирующими особенности жанрово-стилевой характеристики эпической миниформы. Если исходить из понимания жанра как синтеза сюжетно-композиционной и изобразительно-стилевой форм, то эпическая миниформа отчетливо обнаруживает свою автономность по отношению к таким малым формам эпоса, как рассказ, очерк, притча и др.; она обнаруживает тенденцию к контоминации жанровых разновидностей и выступает в многообразных жанрово-видовых проявлениях.

Как отмечал Бахтин, "...жанр живет настоящим, не всегда помнит свое прошлое, свое начало. Жанр — представитель творческой памяти в процессе литературного развития" (Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972, с. 179). Очевидно, не только такая закономерность, как цикличность в развитии прозы — малая форма — большая форма — малая форма, но и определенные социально-общественные состояния влияли на активизацию прозаической минижанровой структуры в литературе разных эпох и народов.

Творческая интуиция Л.Толстого предсказала новый этап в истории миниформы именно в тот период, когда в русской литературе она фактически исчезла. Толстой говорил о потребности художника писать "вне всякой формы: не как статьи, рассуждения и не как художественное, а высказывать, выплывать, как можешь, то, что сильно чувствуешь" (Л.Н.Толстой о литературе. М., ГИХЛ, 1955, с. 602). Этому состоянию души писателя, может быть, в большей мере соответствует прозаическая миниатюра, в жанре которой в свое время выступал и М.Горький афоризмами и максимами, а сегодня читателю широко известны книги Я.Брыля, Ю.Бондарева, А.Далчева, И.Андрича, Ф.Абрамова, М.Танка, З.Залуского, И.Знедониса, П.Хандке, Р.Гамзатова, В.Солоухина, В.Астафьева и многих других. Эта форма, как отмечает Ю.Бондарев в "Мгновениях", "открывает возможность на маленькой площади... сказать нечто важное для меня... Экономная эта форма дисциплинирует мышление... Давно в литературе наступила пора соединения двух художественных диктатур — образа и интеллекта".

Стремление раскрыть диалектику чувств и настроений, глубоко личное переживание или раздумье о смысле жизни, роли искусства, специфики творчества, проблемах нравственности и многое другое сориентировало обращение писателей различных регионов

повествования "не связанной ни сюжетом, ни той или иной связательной композицией", представив, может быть, единственную возможность "преодолеть поучительность и нравоучительность а следовательно, и некоторую оторванность от читателя" (Густовский). Так, Ю.Бондарев в своей книге "Мгновения" действительно стремится к тому, чтобы раскрыть духовную глубину внутреннего мира современного человека в соотносительности его с широким внешним миром социальных сдвигов и перемен, следовательно приближение читателя к личному писательскому мироощущению — минимальным.

Философская глубина фрагментарной прозы достигает особой степени убедительности, если она выражена так эмоционально-напряженно, как это сделал Я.Брыль в "Жмені сонечных промислів" і "Якія жудасна і щаслівія гады і дні нашої любові, дружби, як жа часто ми марнуем їх на пустое! ..." Афористическая проза старейшего болгарского поэта А.Далчева выразила философские раздумья о жизни и литературе несколько в иной стилиевой манере: как констатацию сущего с бесстрастностью или пониманием необратимости процессов жизни (фрагменты "Потомство", "Бессмертие", "Поэзией надо жить").

Таким образом, в целом книги прозаических миниатюр писателей различных стран создают глубокий и выразительный психологический портрет художника, своеобразную художественную автобиографию писательской личности, писательской индивидуальности — человека, гражданина, нашего современника.

"Во всяком большом художнике лишь толика правды своего народа, родной своей страны, в великом гении — правда общечеловеческая. Однако без частей правды нет правды целостной, глобальной" (Ю.Бондарев). Именно эту художественную задачу решает сегодня эпическая миниформа в национальных литературах.

О.Г.ОХРИМЕНКО (Сумы)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКИХ И УКРАИНСКИХ ПЕРЕВОДНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУ1-ХУШ ВВ.

До ХУ1 века переводные произведения, появившиеся на Руси, имели в основном церковно-религиозный характер и поступали к нам преимущественно из Византии и Болгарии. С ХУ1 в. характер восточнославянской переводной литературы заметно ме-

няется. Появляется все больше светских произведений западноевропейского происхождения. Среди них видное место занимают повести, в том числе переводы-переработки рыцарских романов.

На первых порах (в ХУ1 – первой половине ХУП вв.) в области переводной советской письменности среди восточнославянских литератур наиболее активными были белорусская и украинская литературы. Долгое время, вплоть до последних десятилетий ХУШ в., они развивались в целом в одинаковых условиях, что отразилось на их характере, содержании и языке. В частности, языки древних белорусской и украинской литератур были настолько близкими, что их национальные различия почти не замечались читателями, да и ученые долгое время не придавали им значения, считая эти языки одним – “западнорусским”. Благодаря в значительной мере такой региональной особенности, многие произведения древних белорусской и украинской литератур активно взаимопроникали, распространялись среди читателей и Белоруссии и Украины.

Сказанное касается не только оригинальных, но и переводных произведений. Для примера можно взять повести Познанского сборника, возникшего во второй половине ХУ1 в., как полагает большинство исследователей, благодаря белорусским литераторам. Этот сборник заключает в себе три переводные повести: об Аттиле, Тристане и Бове. Они являются первыми известными нам восточнославянскими переводами-переработками западноевропейских рыцарских романов (о Тристане и о Бове) и образцов воинско-исторической литературы с оттенком рыцарства (об Аттиле). Их содержание соответствовало новым веяниям, появившимся в Белоруссии и на Украине в связи с интенсификацией процесса обмирщения быта и культуры, а в литературе – со всевозрастающим вниманием к светской тематике. Вследствие этого такие переводные произведения, отличающиеся во многом общим и вполне доступным и для белорусских и для украинских читателей языком, бытовали среди них в равной мере.

Язык переводных произведений Познанского сборника отличается простотой и доступностью для читателей своего времени. В нем много общего для белорусского и украинского языков слов и выражений. Например, “коли прыехали”, “даровал... королю”, “маши... дяковати”, “много доброго вчыни”, “ни стар, ни мей”, “сам бог прыйшоу” и т.д. Разумеется, такая региональная особенность повестей Познанского сборника способствовала их рас-

ню и в Белоруссии и на Украине.

Еще же характерные черты отличают "западнорусский" перевод "Истории троянской войны" сицилиец Гвидо де Колумна, сделанный во второй половине XV в. Он осуществлен, очевидно, украинским литератором (в этом переводе отражены некоторые черты украинского шляхетского быта), но язык его был для нас не доступным и белорусам. Кстати отметить, что в Белоруссии были и свои переводы повестей о Троянской войне, но ее читателями пользовались и "Историей Троянской войны".

Это же следует сказать о повести о семи мудрецах, рассказанных из "Римских деяний", фацетиях, переводы которых в древнее время, вплоть до начала XIX в., были известны и на Украине и в Белоруссии. Ряд таких произведений в XVI в. перешел в русскую литературу, а из нее на Украину и в Белоруссию стали проникать переводные повести о Бове-королевиче, отдельные рассказы из "Великого Зеркала" и "Римских деяний" и др.

Тесные литературные взаимосвязи в области переводных произведений белорусской и украинской литератур XV–XVI вв. в свое время имели важное общественно-культурное значение. Они вполне соответствовали тенденциям обмирщения древних восточнославянских литератур, в чем отчетливо отразились веяния гуманизма.

П.П.ОХРИМЕНКО (Сумы)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКИХ И УКРАИНСКИХ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XV–XVI ВВ.

Восточнославянское стихотворство, генетически восходящее к словесно-художественному творчеству Киевской Руси, как самостоятельный вид литературы начало свой путь с XV в., в значительной мере вследствие обмирщения древней письменности. Вначале оно имело досиллабический и силлабический характер, а с середины XVI в. стала все более укореняться силлаботоника. В развитии всех видов древнего стихотворства немаловажную роль сыграли межлитературные связи.

Первые образцы восточнославянской виршевой поэзии появились в XV в. в белорусской и украинской литературах. К ним относятся две стихотворные вставки в предисловиях к библейским книгам, переведенным и изданным Ф.Скориной, панэгирические вирши Г.Смотрицкого, приложенные к "Острожской библии" (1581 г.) и "Хронология" Андрея Рымши, изданная в Остроге в 1581 г.

Дальше, вплоть до начала XIX в. на Украине и в меньшей мере в Белоруссии появилось довольно много пантегирических, исторических, дидактических, лирических, юмористических (в том числе бурлескных) и сатирических стихотворений. Между этими белорусскими и украинскими произведениями наблюдаются тесные взаимосвязи, что зачастую объясняется их региональными особенностями, проявляющимися в общности или близости языка и содержания.

Следует помнить, что Белоруссия и большая часть украинских земель до конца XVIII в. находились в составе одних государственных организмов — вначале под властью феодальной Литвы, а затем (вместе с ней) — Польши. Это обусловило единение в освободительной борьбе и тесные культурные связи белорусского и украинского народов. В частности, язык их древних литератур имел много общего, особенно во второй половине XVIII — первой половине XIX вв., а также и во второй половине XVIII—XIX веков. Это же касается и идейного содержания собственно белорусской и украинской литератур древнего этапа.

Многие древние белорусские и украинские стихотворные произведения настолько близки по языку, что их до Октября обычно не различали по национальным признакам, называя "западнорусскими". Характерно, что в языке этих произведений встречаются в большем или меньшем количестве элементы разговорной речи белорусов и украинцев. Благодаря во многом этому, такие произведения, независимо от их принадлежности, распространились и в Белоруссии и на Украине.

В качестве характерного примера можно взять "Хронологию" Андрея Рымши, скорее всего белоруса по национальности, который, очевидно, учился на Украине, в Острожской школе (академии), где и опубликовал свой ранний стихотворный опыт. В его "Хронологии" излагаются важнейшие библейские события, которые якобы происходили в определенные числа всех месяцев, причем названия последних даются на старославянском, древнееврейском, а также на живом разговорном языке белорусов и украинцев: "вресень", "паздерник", "грудень", "просинец", "стычень", "лютый", "марец", "кветень", "май", "чырвец", "липец", "серпень". Эта региональная особенность данного произведения делала его доступным и украинским и белорусским читателям. Не случайно "Хронология" А.Рымши рассматривается в истории как украинского, так и белорусского стихотворства.

Сказанное характерно для ряда стихотворений церковно-ре-

лигиозного содержания, созданных украинскими и белорусскими авторами древнего времени, а также светских стихотворных произведений, в частности историко-патриотического характера. Последние во многих случаях были направлены против гнета польских панов-захватчиков и унии, что особенно волновало украинский и белорусский народы, непосредственно задевая их жизненные интересы. Такие региональные особенности широкого масштаба, касающиеся идейного содержания, усиленные близостью языка произведений, активно содействовали их взаимопроникновению: белорусских — проникновению в украинскую литературу, а украинских — в белорусскую. Примером этого могут служить белорусские историко-патриотические стихотворения-песни "Быв на Руси Чорны бог", "Из-за Слуцка, из-за Клецка", "Ой колы б, колы" и "Заклятие на душу", получившие в конце XVШ в. распространение и на Украине.

Во второй половине ХУП-ХУШ вв. на Украине в процессе обмирщения древней литературы появились бурлескные стихотворения и многочисленные образцы любовной лирики. Подобный процесс происходил и в Белоруссии, в связи с чем ряд бурлескных и лирических стихотворных произведений в то время более развитой украинской литературы проник (чаще всего в переводах-переработках) в белорусскую литературу, примером чего являются "Уваскрэсенне Хрыстова", "Правда" и др. Такие произведения составляют характерную особенность древних украинской и белорусской литератур последнего периода их развития. Эта особенность способствовала активизации их контактных, контактно-генетических и генетических связей.

Следовательно, региональные особенности белорусских и украинских стихотворных произведений ХУ1-ХУШ вв., свидетельствуя об их близости, а в ряде случаев и общности, явились важным фактором межлитературных связей. Они активно содействовали развитию и укреплению белорусско-украинского литературного единения.

А.М.ПЕТКЕВИЧ (Гродно)

ГРОДНЕНСКИЕ КИРИЛЛИЧЕСКИЕ ДРУКИ ХУП-ХУШ ВВ.

Во второй половине ХУШ в. в Гродно широко развывается книгопечатание. Здесь издают свои книги старообрядцы — противники церковной реформы, проведенной в России в середине

ХУП в. патриархом Никоном. Они жестоко преследовались официальной православной церковью и давно искали убежища за пределами Российской империи, в том числе и в Белоруссии. Здесь старообрядцы начинают выпускать религиозную литературу, как полагают, с начала ХУШ в., постепенно расширяя географию и масштабы издательской деятельности.

А.Зернова считает (400 лет русского книгопечатания т.1. — М., 1964, с. 230), что в Гродно книжная продукция старообрядцев стала выходить с 1781 года. Исследовательница восточнославянского книгопечатания опирается здесь, видимо, на тот факт, что именно с этого времени начинается в Гродно интенсивное издательское творчество сторонников старой веры. Действительно, с 40 зарегистрированных в разных источниках гродненских кириллических изданий ХУП-ХУШ вв. большинство относится к 80-м годам ХУШ в. Старообрядцы выпускают в Гродно свою литературу, не исправленную официальной церковью, перепечатывая в основном православные книги, изданные еще до реформы Никона московскими и киевскими типографиями. На то, что это переиздания и что выпускались они именно старообрядцами, обращали внимание многие специалисты, от В.Сопикова до Е.Орловского и современных авторов.

Показательно, что В.Сопиков в ряду гродненских печатных изданий 90-х годов зачисляет к продукции старообрядцев сборник "Цветник священнопока Дорофея", датирующийся 1796 годом (Сопиков В. Опыт российской библиографии... Ч.1. — СПб, 1813, с. 261). Это был год, когда Гродно в результате 3-го раздела Речи Посполитой было присоединено к России. Но уже книгу "Поучения Иоанна Златоуста" (1798), последнюю с гродненских кириллических изданий ХУШ в., не относят к производству старообрядцев. И это понятно: они вряд ли могли издать книгу своей веры теперь, в новых религиозно-политических условиях.

Вместе с тем, и В.Сопиков, и вслед за ним другие исследователи высказывают сомнение в том, печатали ли в Гродно вообще свои книги старообрядцы, была ли здесь типография с кирилловским шрифтом. Что касается шрифтов, то они, безусловно, в городе были, потому что кириллицей печатались отдельные светские издания этого времени, к которым старообрядцы не имели отношения. Это, например, "Слово, говоренное при случае открытия верховного Литовского Правления в 28 июня 1795 года в Гродно" (1795). Насчет же изданий староверов давно уже допу-

скается мысль, что в исходных данных своих книг они называли Гродно, как и некоторые другие города, ради конспирации, чтобы скрыть настоящее местонахождение собственных типографий. Мнение такое исключать нельзя. Однако и принять его нет достаточного основания.

Вопрос этот сложен еще и потому, что кириллические друки в Гродно появились задолго до 1781 года, с которого будто бы и начинается здесь деятельность староверов на книжной ниве. Так, В.Сопиков приписывает им издание "Вера православная...", выполненное в Гродно еще в 1735 году. Этим же годом датируется также книга старообрядцев, зарегистрированная М.Вишневым, — сборник казаний игумена киевского Николаевского монастыря А.Радивиловского "Венец ... с проповедей недельных..." Издание это, как утверждает М.Вишневецкий, было впервые выпущено в Киеве в 1694 году, а в 1735 перепечатано старообрядцами в Гродно. В.Сопиков присоединяет к их продукции еще "Почучения Дорофея", вышедшие в Гродно в 1767 году. Через год эта книга снова вышла под гродненским адресом. Но это не все кириллические друки, рано родившиеся в городе над Неманом. А.Миловидов учитывает книгу 1686 года — "Служба в Великую субботу", выпущенную в Гродно (Миловидов А. Старопечатные славяно-русские издания, вышедшие из западно-русских типографий ХУ1-ХУШ вв. М., 1908, с. 21). Немного позже, в 1691 году, здесь вышла "Кириллова книга", которую зафиксировал В.Барвинок (Бібліологічні вісти, січень-березень. — Київ, 1924, с. 135). Так назван был замечательный памфлет белорусского и украинского писателя, проповедника С.Зизания "Казанье святого Кирилла", впервые изданный в Вильно в 1596 году, затем переизданный в Москве (1644) и Гродно (1786, 1791) под названием "Кириллова книга". Все ли три переиздания книги С.Зизания, выполненные в Гродно, сделаны старообрядцами? Им ли принадлежат гродненские кириллические друки ХУП века? На эти вопросы нельзя пока дать однозначного ответа. Требуются дальнейшие исторические, палеографические, филологические изыскания.

Можно с уверенностью сказать, что заказы староверов появились в 80-90-е годы гродненская (королевская) типография А.Тизенгауза, выпускавшая самую разнообразную печатную продукцию. Происхождение же более ранних гродненских друков ждет своего всестороннего освещения.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА
В ТРИЛОГИИ НАУМЕНКО "САСНА ПРЫ ДАРОЗЕ", "ВЕЦЕР
У СОСНАХ", "СОРАК ТРЭЦІ"

Отвечая на анкету кафедры белорусской литературы Гомельского университета, И.Науменко заметил: "Не представляю себе литературного труда, если не вижу зрительно родных мест, пейзажей, деталей обстановки, хотя подробно, кажется, всего этого не описываю". Слова писателя – подтверждение большой эстетической значимости принципа творческой трансформации региональных элементов в литературно-художественное произведение.

Как известно, жизненная и художественная правда должны иметь связь, которая проявляется не столько через внешние реалии, сколько через их внутреннюю обусловленность, эстетический идеал писателя и социально-психологическую жизненность созданных им художественных характеров. Творческое овладение такой традицией идет у И.Науменко от Я.Коласа, К.Чорного, М.Льнянкова, их всемирно известных Лобановича, Леопольда Гушки, Сокола, в основе которых – реальные люди и факты.

Художественное воссоздание отдельного, регионального как общезначимого и типического – эстетическая основа создания художественного характера в трилогии. Из богатого автобиографического материала, истории жизни и борьбы на временно оккупированной территории Полесья И.Науменко отбирает и вводит в романы трилогии реальные факты и события, помогающие глубже раскрыть размах всенародной борьбы, восславить патриотизм и мужество советского человека, его высокую духовность и гражданственность. Каждый региональный факт приобретает обусловленную значимость, раскрывается через конкретное проявление исторического события в местных условиях, которыми являются родные места Гомельщины – местечко, деревня, уголок леса, поле, а также индивидуализированные картины семейного быта, хаты, двора, усадьбы.

Создание внутренней согласованности характера с регионально-бытовым колоритом – эстетическая забота писателя, исходящая из стремления раскрыть глубинную сущность личности человека, его нравственный облик и те жизненные корни, откуда исходит преемственность духовных качеств. Отсюда – повышенный интерес писателя к местности, людям, которых он хорошо знает, к событиям, которые там произошли. При этом художест-

их осмысление настолько приближено к соответствующим, настолько регионально детализировано, что не составляет труда узнать в Бетьковичах, Горбылях Василевичи и Калинине в Мите Птахе, Степане Птахе – самого писателя и его персонажей в Павле Бондаре, Иване Лобике, капитане Мазуренко – прототипов: К.М.Бокуна, И.И.Довжика, Ф.С.Манзиенко (см. документальную книгу В.И.Мамонтова, И.Я.Науменко "Капитан Птаха уходит в разведку". – Мн., 1982).

Сказанное, однако, не отрицает художественного вымысла, фантазии как эстетической исходной основы творческой лаборатории писателя. Не случайно в трилогии нет абсолютной идентичности художественных характеров с прототипами, хотя таковой она выразительно видится здесь. Последнее достигается умением автора найти у прототипа такие индивидуально-человеческие черты, которые дают возможность воплотить их в убедительный художественный характер.

Глубокое воплощение духовного облика военного поколения на примере Мити Птаха и его товарищей как раз и обеспечено сохранением на протяжении всей трилогии их существенных характеристических черт, гармоничных обстоятельств. Такое художественное решение находит И.Науменко благодаря созданию диалектического равновесия общего и регионального – показа жизни страны через местное проявление. Поэтому как вполне закономерное воспринимается включение в сюжет трилогии многочисленных деталей, подробностей, региональных элементов. Ибо все они, как ничто другое, более полно характеризуют народную жизнь, ее национальный образ, подъем социально-политического сознания народа, его возросшую культуру. А значит дают возможность глубже показать атмосферу времени, характер человека. В трилогии, вместе с другим, подробно описывается усадьба, домашняя обстановка, в которой живут литературные герои – Шелег, Драгун, Степан Птах, Иван Лобик, Евтушик, а также Лубан, Крамер. Их семейный быт проливает свет на характер хозяев, их социальность, отношение к жизни.

Для всестороннего раскрытия облика героя, его социальной активности широко используются возможности разговорно-бытовой речи, национально-этнографических реалий, которые в совокупности углубляют народный взгляд на жизнь, характер человека-труженика.

Синтез регионального, местного с общезначимым, создание выразительного регионального колорита, а через него картин жиз-

ни и борьбы всего советского народа – эстетическая основа художественных характеров в трилогии, как и вообще во всей прозе И.Науменко.

В.П.РАГОЙША (Минск)

ЯЗЫК – РИФМА – ПЕРЕВОД

1. Рифма и ее функции (эвфонические, смысловыразительные, ритмико-интонационные, архитектурные, мнемонические) в поэтическом произведении.

2. Близость рифменных традиций в русской и белорусской поэзии, своеобразие этих традиций.

3. Рифменные возможности русского и белорусского языков, обусловленные местом ударения в слове (сопоставительные статистические подсчеты). Явное преобладание в белорусском языке слов с женскими окончаниями (66,68%; с мужскими – 19,9%, с дактилическими – 12,64%, с гипердактилическими – 0,78%). Относительная "выровненность" русского ударения (24,47% слов с мужскими окончаниями, 36,69% – с женскими, 34,82% – с дактилическими, 4,02% – с гипердактилическими; все подсчеты сделаны на основе "Русско-белорусского словаря" для средней школы, в котором сопоставлено свыше 17 тысяч лексем). Реализация рифменных возможностей языка в поэтической практике (каталектика).

4. Принцип рифменной адекватности в переводе с близкородственных языков. Обусловленность этого принципа 1) рифменными традициями воспринимающей литературы и 2) рифменными возможностями воспринимающего языка.

5. Свообразие рифмы (клаузулы) и практика русского-белорусского поэтического взаимоперевода.

Э.В.САДОВНИЧИЙ (Минск)

ТРАДИЦИИ ГАЩЕКА И БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Я.Гашек – один из выдающихся сатириков всех времен и народов. Вместе с тем его "Приключения бравого солдата Швейка" – такое же уникальное художественное явление, как "Божественная комедия" Данте и "Дон Кихот" Сервантеса. Авторы этих произведений на переломе великих исторических эпох отобразили движение действительности во всей ее сложности и диалектическом

стве, органически соединив в художественно завершенное целое взаимоисключающие друг друга черты.

Так, Швейк в романе Гашека — выразитель официальной идеологии Австро-Венгерской монархии, но одновременно образ гениальный и решительное ее отрицание и осмеяние. Писатель достигает такого эффекта благодаря метонимическому принципу построения произведения. Оказывается Швейк в тюрьме — среди друзей и он преступник. Попадает в госпиталь — среди симулянтов и он симулянт. Во время анабазиса все его принимают за дезертира. Постепенно образ его становится воплощением сложного и противоречивого сознания народных масс в переходный исторический период.

Раскрывая объективное состояние народной души накануне революционного взрыва, Я.Гашек в образе Швейка отразил и сильные и слабые стороны психологии "маленького человека", выходящего на историческую арену в качестве главного действующего лица, в их нерасторжимом единстве. Послеоктябрьская эпоха вместе с резким размежеванием основных социальных сил нарушила и целостность "швейковского" облика. Теперь он выступает или героем-борцом (в прогрессивной литературе), или пассивной жертвой капиталистического строя, которая, сопротивляясь мощному давлению буржуазной среды, упорно сохраняет внутреннюю честность (типичная позиция положительного героя современного критического реализма), или выразителем консервативных взглядов в новых исторических условиях (преимущественно в социалистической по всему характеру литературе, где приобретает комическое освещение; этот же герой в антидемократической литературе Запада выступает как доложительный).

Мировая литература XX в. с традициями Я.Гашека имеет историко-генетические или историко-типологические связи, не считая прямого воздействия этих традиций на творчество отдельных писателей в разных странах. В белорусской литературе генетическое родство с образом Швейка, противостоящего габсбургским порядкам, обнаруживается в тех произведениях, где герои из народа активно борются за свое человеческое достоинство, например, как дед Талаш из "Трясины" Я.Коласа, превращающийся в революционных условиях из заурядного "маленького человека" в олицетворение пробудившегося к новой жизни могучего народного духа. Своеобразно развивает парадоксальность обстоятельств, используемых Гашеком, в пьесе "Трибунал" А.Макаенок. Определенные швейковские черты наблюдаются у персонажей комедий того же

драматурга "Извините, пожалуйста" и "Левониха на орбите".

Более наглядной является типологическая близость и преемственность сатирических элементов, связанных с обличением выразителей старых взглядов в новых исторических условиях. Такой "герой" в белорусской литературе выступает носителем отживших жизненных принципов в условиях социалистического строительства и терпит сокрушительное фиаско. К подобным персонажам относятся, скажем, Брызгалин из комедии Е.Мировича "Карьера товарища Брызгалина". Очевидно его родство со Швейком — выразителем имперских идеалов. В одной из лучших советских пьес своего времени "Кто смеется последним" наблюдается непосредственное влияние гашикевских традиций на ее автора — такой вывод подкрепляется тем, что К.Крапива был одним из переводчиков "Приключений бравого солдата Швейка" на белорусский язык. Ситуация, положенная в основу сюжета комедии, отношение "Горлохватский — Туляга" напоминает всеобъемлющую ситуацию романа Гашика "начальник — Швейк". Только в комедии белорусского драматурга эта коллизия имеет локальный, частный характер, как и вообще в советской действительности.

Другие варианты такого "героя", связанного с теми или иными чертами образа Швейка, можно найти, например, в произведениях "В круговороте дней" ("Бацька у калаўроце") Г.Семашкевича и "Не плачь, душа моя" В.Дубинки. В первом — это образ горе-ученого, с помощью которого раскрываются некоторые отрицательные стороны вузовской жизни. Во втором — высмеиваются неудачные попытки мещанина найти себе жену в соответствии со своим узко ограниченным миропониманием.

Многие очень разные по характеру произведения белорусской литературы свидетельствуют о плодотворном усвоении и развитии в ней традиции великого чешского писателя, по общему признанию, во многом предопределившего пути развития мировой литературы XX века.

Т.Г.СИМОНОВА (Гомель)

ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ В БЕЛОРУССКОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ

Важнейшей задачей литературной биографии является воссоздание духовного облика выдающегося человека, своеобразно преломленного в его общественно-значимой деятельности. Это тем

более необходимо, если объектом изображения становится личность, сферой деятельности которой является художественное творчество. Биографии писателей, художников, композиторов, собрав ряд сведений об их жизненном пути, непременно показывают его результаты. Творческий вклад героев биографических произведений в сокровищницу искусства несет на себе отпечаток особенностей их мироощущения и мировосприятия. Писатель-биограф раскрывает значение комплекса жизненных впечатлений в творческом процессе, прослеживает закрепление их в результатах творческой деятельности. Одним из распространенных поэтому мотивов литературной биографии стало влияние региональных особенностей на личность и творчество художника.

Литературная биография в белорусской прозе жанр относительно новый, во многом только ищущий возможности создания образа выдающегося человека, опробующий ряд средств, призванных отразить как внешнюю линию его жизни, так и особенности духовного склада. Преимущественное внимание белорусская биография уделяет изображению национальных писателей, чье творчество неотделимо от народной жизни. Созданы биографические повести о Татке (Л. Арабей "Стану песней"), Я. Коласе (С. Александрович "От родной земли...", "От гомона боров"), Я. Купале (О. Лойко "Янка Купала"). Несмотря на неодинаковый подход к освещению темы, различное восприятие авторами биографического материала, общей чертой этих произведений является показ творческого начала в человеке, которое формируется в значительной степени под влиянием местного фольклора, бытового уклада жизни.

Акиншчы, Ласток, Альбуть, Николаевщина — места, где прошли детство и юность Я. Коласа, — подробно и красочно изображены в повести С. Александровича "От родной земли". Здесь Кастусь Мишкевич открывал для себя мир, о котором поведал в своих произведениях:

... От родной земли, от гомона боров,
От сказок вечеров,
От песен пастухов
.....
Собрал я клад...

В повести нашли отражение особенности быта белорусского крестьянства: обстановка жилищ, обряды, праздники, занятия, связанные с прикладным искусством и одновременно обеспечивающие материальные потребности человека; точно воспроизводится топография родных мест Коласа. Народные песни, сказки, в том чи-

сле созданные исключительно на местном материале предания и бывальщины, заговоры, присловья, приметы органично вплетаются в повествование, раскрывают интеллектуально-психологические свойства их неведомых создателей, вводят в круг интересов белорусского крестьянина и стоящих перед ним проблем. Фольклорные жанры являются составным элементом сюжета, естественно звучат в устах персонажей.

Тесное соприкосновение со стихией народного творчества в большой мере обуславливает чуткую восприимчивость Кастуся к искусству, любовь к родному языку, посредством которого закрепляются в памяти создания ума и таланта народа. Жизненные впечатления ребенка, затем подростка и юноши служат импульсом к пробуждению в нем поэтического таланта, являются важным условием формирования его как человека и художника. Одушевление природы в песнях и сказках позволяет ощущать окружающий мир как единый живой организм (земле больно, когда ее распахивают плугом), фантастика фольклора заставляет думать о расширении возможностей человека (он может научиться летать). Тема подневольной доли, классового неравенства, которая отчетливо выражена в одном из вариантов местного предания о Чертовом Камне, в сказках нищего старика и плотника Никодима Кухарчика и подтверждается реальными условиями народной жизни, — источник представлений Кастуся о социальных представлениях между людьми.

С.Александрович показывает сильное влияние образа жизни и культуры белорусского народа на становление личности Я.Коласа. Эта тема является основополагающей в его произведении о великом поэте. Несколько иначе отражена она в документальной повести О.Лойко "Янка Купала". Задача представить возможно полнее весь жизненный и творческий путь героя подчиняет себе все иные мотивы и темы. О.Лойко включает в книгу обширную информацию, в числе которой (всего лишь как отражение одной из сторон биографии поэта) и рассказ о преломлении региональных особенностей Минщины в его произведениях. Прослеживается творческое использование местных бытовых реалий в ранних стихах Купалы, мотивов белорусской мифологии, сюжета одного из преданий Яхимовщины. "Эпос народа становится эпосом Янки Купалы", — делает вывод писатель.

Книга О.Лойко своеобразно продолжает повесть С.Александровича, убеждая, как глубоко врастает в сознание художника народная жизнь в ее исторически сложившихся национальных региональных формах.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ ТРИЛОГИИ МЕЛЕЖА "ПОЛЕССКАЯ ХРОНИКА"

Творчество народного писателя Белоруссии, лауреата Ленинской премии И.Мележа – явление глубоко самобытное, обусловленное как социально-историческим опытом страны и народа, так и органической связью художника с региональной полесской стихией – исторической, социальной, психологической, бытовой.

Закономерным можно считать стремление прозаика отобразить в своей трилогии "Полесская хроника" конкретные места, хорошо ему знакомые и близкие, написать о том, что "особенно дорого душе, что ее волновало и волнует, что стало дорогой частью... личной биографии". Глинищи, Курени, Олексичи, Юревичи... с детства любимая, родная Мележу земля. Глубокое авторское восхищение этой землей, краем отцов своих пронизывает многочисленные страницы романа. И тогда, когда Мележ описывает выезд куреневцев на сенокос, и когда повествует о болотах и песчаниках, что окружают со всех сторон остров, о который "не плескались ни морские, ни даже озерные волны", и когда пишет о грозном дыхании и о самой грозе, когда изумлен тихой, невидной в августовском расцвете рябиной, – везде выявляется его умение передать региональный колорит Полесья, поэзию родной природы. И хотя зачастую природа этого края предстает у Мележа суровой и угрюмой, созвучной судьбе его героев, что выросли на ее фоне, в мележевском романе взволнованно звучит мысль не только о связи человека с родной землей, с родной природой, но и о его большом назначении на земле. Глубокое сыновнее уважение писателя к многовековому опыту родного народа, к судьбе этих "болотных людей" чувствуется в каждой строке, каждой сцене его романа. С каким увлечением пишет Мележ о первом коллективном труде полешуков на строительстве гати, первой кохозной жатве, сенокосе, о каждодневных заботах и нуждах народа-труженика.

"Мне очень хотелось, – признавался Мележ в связи с присуждением ему Ленинской премии, – чтобы наши внуки и правнуки узнали тех людей, ту жизнь, чтобы не забыли, с чего мы начинали, каким нелегким был наш путь к сегодняшнему дню. Не дуги, крутой, великий путь...".

Со страниц трилогии предстает перед нами в многоликом

движении жизни, в заботах и стремлениях большой народ маленького Полесья, люди, которых называют простыми: завоевавший уважение и доверие народа Апейка, преданные колхозному делу сельские активисты Миконор и Хоня, красавица Ганна Чернушка, сложный и противоречивый по характеру Василь Дятел, представители старшего поколения куреневцев Чернушка, Сорока и др. Все они, как и в жизни, очень не похожи друг на друга в своих помыслах и устремлениях, хотя живут на одной суровой, богатой и нищей полесской земле. И когда Мележ говорил о том, что все они одинаково дороги ему, потому что в них "мое сердце, мои самые сокровенные мысли, чувства", он был далек от умиления и простого любования этими героями. Прозаик показывает, что существование человека один на один с болотом наложило свой отпечаток на формирование мировоззрения и сознания полешука. И в этом смысле многочисленные этнографически-бытовые сцены (рождества, свадьбы, вечеринки и т.д.), в которых предстает перед нами эта многоликая масса, для Мележа не просто "замысловатая этнография", полесская экзотика, а один из действенных приемов показа национального уклада жизни народа, исконно национальные черты характера которого (трудолюбие, гостеприимство, врожденный юмор, глубокая человечность, чувство солидарности и взаимопомощи) Мележ исследует обстоятельно и всесторонне. Показывая то светлое, что было в жизни полешука, он стремится раскрыть богатство народной души, убежденно отстаивая здоровые начала народной морали, этики, народного мировосприятия, сознательно соотнося отображаемые явления и факты с этнографически-бытовым укладом. Поэтому, говоря о национальной самобытности И. Мележа и его "Полесской хроники", мы видим эту самобытность не только в тематике произведения, его художественной структуре, в самом национальном региональном колорите, но прежде всего в воссоздании живого национального характера белоруса-полешука, особенностей его психологического склада.

А тот факт, что отображая жизнь Полесского края, белорусский прозаик не ограничился узко региональными рамками, а поднялся к большим художественным обобщениям явлений и процессов, характерных для многих народов нашей необъятной страны, дает возможность назвать "Полесскую хронику" главной, заветной книгой писателя, высшей точкой на пути, которым шел многие годы.

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ

В советском литературоведении четко сформулирована мысль о том, что в событиях октября 1917 года возродилось то состояние мира, которое Гегель применительно к поэмам Гомера называл героическим. И поэтому мощное эпическое начало — отличительная черта многонациональной советской литературы. "Тихий Дон" М.Шолохова, "Жизнь Клима Самгина" М.Горького, "Хождение по мукам" А.Толстого, "Последний из Удэге" А.Фадеева, "Полесская хроника" И.Мележа, "Потерянный кров" И.Авижюса, "Кровь и пот" А.Нурпеисова — таков далеко не полный перечень лучших произведений советской эпики. Столь же убедительно наша критика доказала, что эту галерею открывает роман Толстого "Война и мир". Но великое творение Толстого — о событиях весьма отдаленных и написание его отделено полувековой дистанцией от 1917 г. А форма романа об этом периоде истории русского народа предвосхитила многие открытия советской эпики. В таком случае можно говорить о том, что ситуация, описанная Толстым, несла в себе черты сходства с тем новым, что пришло в жизнь после Великой Октябрьской революции.

На наш взгляд, путь к пониманию проблемы дают мысли Маркса о древнегреческом искусстве. Маркс считал, что древнегреческое искусство и эпос и по сей день сохраняют значение нормы и недостижимого образца потому, что в них отражено детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее. В этом определении, на наш взгляд, — центральная идея для понимания направления путей развития эпоса. Историческая ситуация, послужившая материалом для гомеровских поэм, сложилась у истоков развития человеческого общества. Маркс подчеркивает, что героический эпос никогда не может быть создан в его классической форме (К.Маркс и Ф.Энгельс об искусстве, т.1, М., 1957, с. 134-136).

Роман-эпопея наследует внимание классического эпоса к тем периодам истории, когда возникали исходные для дальнейшего развития человечества ситуации. Для современного, романного эпоса очень важно в конкретной исторической ситуации и то, что движение человека к новым социальным горизонтам начинается как бы спонтанно. Обретение личностью единства с народом, самостоятельность в выборе пути, общечеловеческое содержание

деятельности индивида — эти качества Гегель считает важнейшими в гомеровском эпосе. Но ведь постановка тех же проблем обусловила обаяние и всемирно-историческое значение детища Толстого. Произошло то счастливое совпадение субъективных (талант и объективных (жизненный материал) начал, которое дало мировому искусству на новом этапе его развития качественно новую форму художественного исследования судьбы человеческой как судьбы народной. В борьбе русского народа за свою независимость Толстой увидел гораздо большее значение. "Война и мир" как бы вопрошает читателя любой страны и любого времени: что мы, только в состоянии остановить иноземное нашествие или способны и на большее — избавиться от собственных угнетателей? История России дала ответ на этот вопрос восстанием декабристов. Таким образом, объективно эпос Толстого отразил формирование и истоки русского освободительного движения, которое дало обществу первое в мире социалистическое государство.

Дальнейшее развитие романа-эпопеи подтвердило плодотворность толстовской традиции. "Тихий Дон" М. Шолохова — произведение об отсталой окраине царской России. Проще всего объяснить успех творения Шолохова отличным знанием материала, ведь жизнь писателя протекала на Дону. Труднее понять, почему Шолохов описывает не войну красных с белыми, а войну белых с красными. Формирование единства людей труда — такова центральная проблема "Тихого Дона". А жизнь казачества — народности в известной степени обособленной, противопоставляемой политикой царизма другим народам России, была подлинно эпическим материалом, воплотившим в себе в сфокусированном виде одну из важнейших всечеловеческих проблем революции. Казакам волею истории весь путь раскрепощения — от первых и несмелых шагов в борьбе за освобождение от всех видов угнетения до окончательного принятия правды революции пришлось пройти за считанные годы. Таким образом, жизненная ситуация, изображенная в "Тихом Доне", вновь обращена к исходному моменту формирования личности нового общества.

Классические произведения советского эпоса "Последний из Удэге" А. Фадеева, "Полесская хроника" И. Мележа, "Потерянный кров" И. Авижюса, "Кровь и пот" А. Нурпенцова объединены стремлением исследовать пробуждение самосознания народа, формирование в широкой народной массе социалистического мировоззрения.

Вот почему роман-эпопея выступает как произведение, раскрывающее истинный гуманистический потенциал переломных

в жизни народов в эпоху социалистической революции. Почему, на наш взгляд, толстовско-шолоховская форма повествования об истории возникает впервые на материале русской истории. Истории, давшей человечеству первое в мире социалистическое государство.

Н.В.ТАРЕЛКИНА (Гродно)

БЕЛОРУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ ПОЭМЫ В.И.ДУНИНА-МАРЦИНКЕВИЧА

Для изучения региональных особенностей развития славянских литератур интересный материал может дать творчество В.И.Дунина-Марцинкевича — наиболее крупного представителя белорусской литературы первой половины XIX века, который работал в весьма специфических условиях двуязычия, т.е. писал одновременно и на белорусском и на польском языках. Понятно, что все его произведения объединяются индивидуальным художественным восприятием, характером таланта и особенностями авторского мировоззрения. В то же время сопоставительный анализ белорусских и польских поэм Дунина-Марцинкевича показывает, что поэтика, стиль, вся система выразительных и изобразительных средств, даже идея и тематика каждого отдельного произведения зависят и от того, на каком языке оно написано.

Так, главным героем белорусских поэм является крестьянин, простой мужик, причем его образ идеализируется и романтизируется. Все польские поэмы посвящены шляхетскому сословию, которое изображается двупланово. Сатирически изобличая посетителей светских салонов, поэт противопоставляет им патриархально-добродетельных дворян. Тем самым конфликт оформляется как чисто моральный, тогда как в белорусских поэмах уже само обращение к образу крестьянина предполагает усилие социального момента, иногда наперекор воле автора. Классовым неравенством героев определяется развитие действия в поэмах "Галон", "Купала", "Халимон на коронации". Характеры главных персонажей этих произведений наиболее полно раскрываются в те моменты, когда они выступают за свои классово-сословные интересы.

В то же время авторские характеристики более последовательны и логичны именно в польских поэмах, где их выявлению способствует вся совокупность художественных средств. Отношение поэта к героям белорусских поэм не всегда определяется однозначно, что отнюдь не связано со сложностью поэтического ви-

дения (напротив, Дунин-Марцинкевич подчеркнуто делит своих персонажей на положительных и отрицательных). Смещение возвышенных и сниженно-грубоватых характеристик вызывается действием национальной стилиевой традиции, тем, что в белорусской литературе ХУШ-ХІХ веков жанр поэмы существовал в сниженной, бурлескной разновидности. Присущая бурлеску грубоватость и резкость способствовали сгущению сатирических красок, но их нетворческое применение заметно снижало романтизацию и патристический пафос, характерный для всех поэм В.И.Дунина-Марцинкевича.

По сравнению с белорусскими польские поэмы выглядят более профессиональными, отшлифованными, так сказать, более литературными. Почти к каждой написано посвящение, начинаются они небольшими авторскими вступлениями, а завершаются выводами-эпилогами. Поэт допускает и заигрывание с читателем, и прямое обращение к нему, часто ссылается на сюжеты из античной мифологии, может прокомментировать классиков и обсудить новинки современной ему польской и западноевропейских литератур. Очевидно, не случаен и тот факт, что проблемам художественного творчества в условиях эксплуататорского общества Марцинкевич посвящает свою польскую поэму — "Литературные заботы".

В польскоязычном творчестве В.И.Дунина-Марцинкевича личность автора проявляется более полно, чему способствует как введение отдельных биографических моментов, так и лиризм, исповедальность. Поэт не просто высказывает свое отношение к происходящему, а выражает личные чувства и переживания, не ограничиваясь сюжетными рамками. В белорусских поэмах эту функцию целиком выполняет объективизированный образ рассказчика, а об авторских эмоциях мы можем судить только по системе экспрессивных языковых средств.

Являясь важной особенностью польских поэм, лиризм усиливает в них идиллические мотивы. По своему характеру это сентиментальная, чувствительная лирика, а основное чувство, которое она выражает, — это восторженное умиление (красотой природы, неспорченностью деревенских нравов, патриархальным образом жизни и т.д.).

Если польские поэмы В.И.Дунина-Марцинкевича более литературны, то поэтика белорусских восходит к народному творчеству. Фольклорные эпитеты и сравнения в них являются главным средством литературного возвышения; в художественный текст вводятся целые припевки, поговорки, прибаутки; часто можно встретить стилизацию под народную песню или частушку; почти в

каждой белорусской поэме дается описание того или иного этнографического обряда. Все это делает произведение более свежим, колоритным, помогает разнообразить ритмический рисунок. Традиционная силлабика здесь соседствует с более выразительной силлаботонической и тонической системами стихосложения. В то же время существование многочисленных вставок разрушает композиционную стройность белорусских поээм, отвлекает читателя от развития сюжетного действия.

Таким образом, белорусские и польские поэмы В.И.Дунина-Марцинкевича, сохраняя особенности его индивидуального художественного стиля, значительно различаются как по идейно-тематическим, так и чисто эстетическим показателям. Это является важным свидетельством того, что творчество писателя определяется не только степенью его личной одаренности, но и общим состоянием национальной литературы, художественной традицией, степенью разработанности литературного языка.

Л.И.ТОЛЧИКОВА (Гомель)

СИНТЕЗ НАЦИОНАЛЬНОГО И ОБЩЕНАРОДНОГО В РОМАНАХ МЕЛЕЖА И ПРОСКУРИНА

У каждого самобытного художника, как правило, свой особый подход к изображаемым явлениям, национально-бытовому укладу жизни народа, региональным основам народного бытия. В этом плане показательна творческая манера И.Мележа и П.Проскурина, художественная индивидуальность которых выявилась прежде всего в решении проблемы национального характера. И в "Полесской хронике" И.Мележа и в "Судьбе" П.Проскурина этот характер прослеживается скрупулезно в его истоках, становлении и развитии. Белорусского писателя в этом плане больше интересует изменение психологии крестьянина под влиянием новых условий, эволюция национального характера в нелегких испытаниях труда и быта полесской действительности. Отсюда обстоятельность и правдивость рассказа о 20-х годах, когда коллективизация на Полесье только начиналась. Время изображается автором неторопливо, плавно, ритм повествования соответствует размеренному ритму самой жизни полешуков. Этим самым подчеркивается однообразие сложившегося и устоявшегося уклада, воспроизведенного в мельчайших подробностях, скрупулезно, пластично. Замедленное, архаическое движение сюжета выносит на поверхность и обнажает процессы, совершающиеся в глубине народной жизни. Поэтому так

велико у Мележа значение не внешнего проявления сюжета, образа, а их внутреннее содержание. Писателя интересует в национальном характере то коренное, основополагающее, что может служить основой для дальнейшего его развития в исторической перспективе. Отсюда анализ и поэтизация жизненных первооснов: радость труда земледельца, любовь к земле и отчому краю, счастье и тревога любви, материнские чувства, нравственная стойкость, душевная красота и т.д. Оригинальность художника проявилась в том, что в "Полесской хронике" глубоко, на широком эпическом фоне раскрывается процесс социального приобщения полесского крестьянства к новой революционной действительности. Прозанка интересовала мысль о проявляющейся в крестьянской среде тенденции к сохранению извечного порядка жизни, о мучительных изменениях в крестьянской, цепкой, как болотные корни, заскорузлой собственнической натуре, недоверчивой и подозрительной ко всему новому, что нарушает привычный ход жизни. С одной стороны, Мележ говорит об этом как о региональных особенностях процесса мучительного перехода полешука к новым социальным формам бытия. С другой стороны, писатель утверждает, что процесс этот исторически закономерен и ведет к изживанию многочисленных предрассудков, косности, которые, как яска, пытаются затянуть живое течение жизни. Автор придает большое значение нравственным, духовным традициям в жизни своих героев, обращает внимание читателей на отдельные корни, истоки современного народного характера. Мысль о преемственности крестьянского бытия выражена Мележем в подтексте, воплощена в образах героев, в содержании романа, приводит к открытию огромных запасов внутренней энергии, накопленных в недрах народной жизни и до поры "дремавших" там.

Проскурин в "Судьбе" обратился к тому же сложному и драматическому периоду в жизни нашего общества на материале русской действительности и русского национального характера. Но самобытная писательская концепция народного характера обусловила и новаторский подход писателя к исследуемой проблеме. В отличие от Мележа для него главным стало раскрытие эпических событий, изображение человека в "панораме" эпохи, а бытия как движения истории. Поэтому проскуринский национальный характер прослеживается не в каждодневном бытии, как у белорусского романиста, а в ключевые моменты истории, когда внимание акцентируется на самом типичном, самом существенном для изображаемой эпохи. Сложность показа национального характера для Про-

ескрина заключалась еще и в том, что в поле его зрения попал более сложный по сравнению с 20-ми годами в психологическом плане период в жизни русского крестьянства – эпоха 30-х годов. Поэтому в концепции жизни для писателя главное – ускорение исторического процесса, в результате которого Россия из патриархальной страны стала крупнейшей индустриальной державой мира. В то же время это ускорение создавало огромные нравственно-психологические перегрузки, возможность ломки характеров, психологических срывов, приводило, по словам П.Палиевского, “к поллярному сгущению, человеческих свойств”. В связи с этим в отличие от белорусского прозаика одновременно с эпической неторопливостью в развертывании сюжета в дилогии наблюдается пристальное внимание к событийности, большое значение придается фабульной стороне произведения. Поэтому у Проскурина основная идея его романа высказывается и с точки зрения художественного воплощения замысла несколько иначе: более открыто публицистически, что ведет к усилению эпической событийной структуры повествования, драматическому накалу событий и судеб героев. В основе проскуринского отбора материала лежали, естественно, и требования жанра – его дилогия не столько бытовая хроника жизни крестьянства, а скорее эпос народной жизни.

Однако при всей своей национальной самобытности, обусловленной и спецификой идейного замысла и специфическим регионально-бытовым укладом жизни народа, оба писателя смотрят на национальный характер не как на нечто абстрагированное. Они постепенно ведут нас от исконно-национального к общенародному. Сама проблема национального характера вырастает в проблему народно-го характера как наиболее полное выражение возможностей народа, строящего коммунизм.

Г.П.ХОРОШКО (Гомель)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ

Региональные традиции имеют большое значение в процессе создания произведений, посвященных жизни и деятельности наиболее выдающихся представителей нашей. Это касается не только произведений, представляющих собой художественную биографию того или иного деятеля искусств, литературы, национально-освободительной борьбы, но и тех, в которых обращение к выдающейся личности используется главным образом для глубокого фило-

софского исследования нравственных устоев жизни, осмысления уроков истории и современного бытия. Это подтверждает, например, структура драматических поэм М.Танка "Мікалай Дворнікаў", А.Кулешова "Хамуціус", в которых региональные мотивы занимают значительное место.

Каждая из этих поэм историческая. И потому, стремясь к наиболее возможному реалистическому углублению произведения, народные поэты Белоруссии сознательно "привязывают" свои поэмы к определенной местности или региону в целом. Это достигается путем их максимального приближения к местным социально-бытовым, географическим, историческим реалиям. Так, в поэме М.Танка "Мікалай Дворнікаў", посвященной подвигу нашего земляка-революционера, именем которого названа одна из улиц Гомеля, значительное место отведено описанию тех мест, где происходит становление героя как пламенного революционера-подпольщика, а затем бойца-интернационалиста. Стремясь передать трагизм и героизм той эпохи, М.Танк проводит героя по шумным улицам послереволюционной Вильни (описание фирмы "Пеликан", художественное воссоздание панорамы города, ставшего центром борьбы против Польши), через польско-чехословацкую границу (описание Закопане, Татр), знойные просторы героической Испании.

Несколько иная задача стояла перед А.Кулешовым, поэма которого представляет собой эпос народной жизни и борьбы во всем ее неповторимом колорите и масштабности. Однако и он щедро использует региональные особенности. Прежде всего это заметно в самом названии поэмы, которая основана на одной из кличек К.Калиновского (как известно, сам герой подписывал свои произведения псевдонимом "Яська гаспадар з-пад Вільні"), в описании реалий жизни белорусского народа в середине XIX в. ("Наш бедны край", "Народ обрабаваны", "З маўклівых курганоў і дамавін"), в использовании некоторых полонизмов (стшэменнэго, пекнаше, спудлаваць, васпанэ), которые наиболее точно передают исторический колорит данной эпохи.

Использование вышеперечисленных региональных элементов значительно углубляет убедительность художественных образов, в основе которых лежат действия реальных личностей, способствует утверждению пафоса освободительных идей, значительному усилению присущей белорусской поэзии драматически-эпической тенденции.

БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ КОНТЕКСТ (БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЮГОСЛАВИИ)

Осмысление роли отдельных национальных литератур во всемирном литературном процессе – задача сложная и многогранная. И, несомненно, на первом плане стоят вопросы о взаимосвязях и взаимодействии систем, близких генетически.

Белорусская литература создавалась и развивалась в неравном единстве с русской и украинской, а также и с другими славянскими литературами. Поэтому возникла необходимость определить место нашего национального художественного слова как в контексте восточнославянском, так и в общеславянском.

Интересный и важный аспект подобной проблемы – восприятие белорусского художественного слова в Югославии. Факты и материалы, обнаруженные нами в последнее время и пока что не введенные в литературоведческий контекст, дают основания говорить и об общетеоретическом значении этого аспекта, о его непосредственном отношении ко многим конкретным, общим проблемам нашей национальной литературы.

Внимание югославов к культуре белорусского народа активизировалось после Великой Октябрьской социалистической революции. Уже в 20-е годы в югославской печати появляются материалы о Белоруссии и ее культуре, в которых исторический путь нашего народа к независимости и социалистическим преобразованиям определяется как пример другим народам. Это статьи А.Будало, Я.Шедивого, Ф.Гришкевича, А.Вознесенского.

В 20-30-е годы на языки народов Югославии переводятся произведения Янки Купалы и Якуба Коласа и уже тогда осмысливаются в общеславянском и всемирном контексте.

Общая судьба белорусов и югославов во время второй мировой войны, общие цели в социалистическом строительстве обусловили определенное типологическое сходство в развитии литератур, а также и расширении контактов.

На сербохорватском, словенском и македонском языках издавались произведения более 20 белорусских писателей, появились критические и литературоведческие материалы.

Однако нельзя не отметить того, что некоторые переводы белорусских произведений и до сих пор исполняются через русский язык. Даже разделы, посвященные белорусской литературе в солидных научных изданиях, писались не белорусскими и не

югославскими учеными. Это, безусловно, остается препоной в чрезвычайно важном процессе наших взаимосвязей и особенно — распространении, пропаганде белорусской литературы в СФРЮ.

В настоящее время трудно создать единую картину белорусско-югославских литературных взаимосвязей. Пока что идет процесс накопления фактов. Но даже в данных координатах выделенный аспект заслуживает внимания и убеждает в необходимости серьезного исследования.

О.К.ШИНКОРЕНКО (Гомель)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРОЗЕ КОРОТКЕВИЧА

Особенности биографии писателя находят, как правило, отражение в его творчестве. Достаточно глубокое знание истории, культуры, природы, топонимики и этнографии родной Белоруссии, пристальный интерес к человеку и его внутреннему миру воплощаются в произведениях В.Короткевича и приносят им заслуженный успех. Речь идет не только о книге-очерке писателя "Земля под белыми крыльями", но и о многих других его рассказах, повестях, романах.

Читатель имеет возможность ощутить неповторимость созданного художником сказочного, и в то же время конкретно-реалистического мира белорусского Полесья, познакомиться с местными жителями, их обычаями, бытом, природой ("Дерево вечности", "Голубизна и золото дня", "Калядная рапсодия"); открыть неизвестные ему ранее страницы истории средневековой и дореволюционной Гродненщины ("Христос приземлился в Городне", "Цыганский король"); почувствовать своеобразие культуры и местный колорит восточных областей и родного для писателя Приднепровья ("Колосья под серпом твоим", "Ладыя Отчаяния") которые подарили В.Короткевичу немало интересных тем, сюжетов, образов.

Все это достигается писателем не только через достоверное изображение природы и бытовых деталей, "схватывание" языковых особенностей. Его интересует весь уклад жизни народа, а также то, как он влияет на мировоззрение, характер, поведение отдельного человека. По мнению автора, даже юмор жителя Могилевской области отличается от аналогичного качества того же полешука, а акцент в произношении не уничтожат ни Балтика, ни Север ("Око тайфуна").

Такие наблюдения В.Короткевич черпает из устного народно-

творчества, местных преданий и легенд. Понятно, что связь писателя с фольклорным наследием опосредованная, иногда усложненная своеобразным авторским толкованием тех или иных устно-поэтических образов, фабул. Тем не менее она очевидна и находит свое выражение в сходстве эстетических идеалов, сюжетно-композиционного построения, ориентации на песенно-балладную и легендарную традиции, использование малых прозаических форм.

1. Близость эстетического идеала писателя к народному.

Главный герой произведений В.Короткевича – человек-борец, защитник бедных и слабых. Его личностное становление связывается с многовековым интеллектуальным, эстетическим, моральным опытом народа. Он всегда самоотверженно служит Родине и своему правому делу, духовно богат. Таковы Гервасий Выливаха из "Ладьи Отчаяния", Роман Ракутович из "Седой легенды", Андрей Белорешкий из "Дикой охоты короля Стаха", Алесь Загорский и Юрась Братчик из романов "Колосья под серпом твоим" и "Христос приземлился в Городне".

2. Сходство сюжетно-композиционной структуры в произведениях В.Короткевича и фольклоре.

В основе многих прозаических произведений писателя лежит принцип контраста, особенно распространенный в устно-поэтических жанрах. Для него характерны острый конфликт, полярность позиций действующих лиц, противоположность идеалов. Традиционные сказочные или песенные зачины, драматизм ситуации, основанный на антогонизме добра и зла, правды и лжи, некоторая заданность характеров, благополучные развязки – все это свидетельствует об ориентации автора на фольклорные принципы.

3. Использование песенной устно-поэтической традиции в прозе писателя.

Введение автором песни в повествовательную ткань произведения несколько не нарушает его жанрово-стилевой целостности. Скорее напротив: несет определенный идейно-эмоциональный заряд, значительную смысловую нагрузку. Довольно часто вставные фольклорные структуры перекликаются с мыслями героев, уточняют авторскую позицию.

4. Отражение героико-романтического пафоса народных баллад, легенд, преданий в творчестве В.Короткевича.

Постоянный интерес писателя к жанрам баллады, легенды, предания, героических по содержанию и торжественных по звучанию, объясняется близостью их к мироощущению художника. Романтическая возвышенность поступков героев, драматизм, даже

трагизм, действия привлекают писателя в балладах о дочери Андрея ("Колосья под серпом твоим"), о шипшине ("Ладья Отчаяния"), легендах о белом жеребенке, святом мужицком Николе ("Колосья под серпом твоим"), красном воине ("Седая легенда").

5. Обращение писателя к малым прозаическим формам.

Хороший знаток жизни народа, его быта и культуры, В.Короткевич достаточно часто обращается в своем творчестве к описанию календарных и семейно-бытовых обрядов, обычаев, поверий. В отдельных случаях он вводит в произведения полные тексты заговоров ("Корней — мышьяная смерть"), считалок ("Синяя-синяя"), голошений ("Страна Цыгания", "Цыганский король"). Автор умело использует меткое народное слово, поговорку, фразеологизм.

Таким образом, имеются основания сделать вывод о заметном влиянии на творчество писателя региональных особенностей и ориентации автора на фольклорные традиции.

И.Ф.ШТЕЙНЕР (Гомель)

РЕГИОНАЛИЗМ СБОРНИКА СИПАКОВА "ВЕЧЕ СЛАВЯНСКИХ БАЛЛАД"

1. Стихотворный сборник Я.Сипакова "Вече славянских баллад" — книга глубоко своеобразная по своему содержанию, композиции, жанровой специфике и стилю исполнения. Являясь истинно белорусским по духу самовыражения автора, по его отношению к каждому слову и образу, сборник, несомненно, стал явлением, которое с полным правом принадлежит всему славянскому свету.

2. Используя наиболее значительные достижения устной поэзии славян, фрагменты летописей и преданий, отталкиваясь от важнейших исторических событий, кардинально изменивших их судьбы, по-новому осмысляя трагические и героические факты становления наций, Я.Сипаков создал цикл баллад, объединенных духом славянского родства, их кровной и исторической близости, одновременно удивительно точно передающих своеобразие и основные черты характера каждого из народов.

3. Янка Сипаков придает большое значение форме каждого произведения, наделяя ее значительной композиционно-смысловой нагрузкой. Практически каждая баллада в сборнике — неповторимое, законченное, отшлифованное произведение, звучащее в стиле древних восточнославянских летописей ("Пыл"), в форме русской народной песни, позволяющей передать широту и размах

русской души, ("Ростань"), в кипящей манере юнацких песен славян ("Кароль", "Навальница", "Валы"), в эпической медитации украинских дум ("Козаки") и т.д.

4. Поэту удается удивительно точно передать наиболее существенные черты характера славянских народов, своеобразие художественно-образительных средств фольклора, характер местных социально-бытовых, географических, исторических реалий, специфику структуры и версификации конкретной национальной поэзии. Изображение социально-бытовых, языковых, этнографических особенностей славянских народов существенно углубляет реалистическую достоверность событий и образов, придавая им как национально-фольклорный колорит, так и общечеловеческое звучание.

И.И.ЯНУШКЕВИЧ (Минск)

ПОЛЕССКИЙ КОЛОРИТ В КОМЕДИИ ДУНИНА-МАРЦИНКЕВИЧА "ПИНСКАЯ ШЛЯХТА"

В произведениях зачинателя новой белорусской литературы Викентия Ивановича Дунина-Марцинкевича, особенно в его стихотворных повестях ("вершаваная проза"), нашли яркое отражение повседневный быт народа, легенды, предания, связанные с десятками городов, местечек, деревень, таких как Борисов, Бобруйск, Вильно, Минск, Могилев, Воложин, Жодино, Орша, Раков, Люцинка, Холопеничи, за описанием которых у автора выразительно проступает облик единой земли — Белоруссии. В своем творчестве писатель обращался и к самобытной культуре Белорусского Полесья. Фольклорное, этнографическое знание данного региона Дуниным-Марцинкевичем подтверждается его бессмертной комедией "Пинская шляхта". При этом мы обращаем внимание на следующее:

1. "Пинская шляхта" написана драматургом на пинском наречии в 1866 г. Впервые была напечатана в газете "Вольная Беларусь" (1918, № 30-31), причем редакция газеты сочла необходимым отметить, что язык пьесы "выпраулены на сучасны лад" Я.Лесиком. Первопечатный вариант "Пинской шляхты" послужил для ее дальнейшего распространения основным текстом, которым пользуемся в настоящее время.

2. В 1965 г. в статье "Першыя беларускія апавяданні" С.Миско упомянул о найденной им в Центральном историческом архиве Литовской ССР "рукописи перевода на украинский язык" пьесы Дунина-Марцинкевича "Пинская шляхта" ("ЛіМ", 25.У.1965).

Подробное описание рукописи сделал П.Охрименко, подтвердив, что она является переводом на украинский язык. Данное мнение прочно утвердилось в белорусском и украинском литературоведении; перевод пьесы, сделанный задолго до ее первой публикации, представлялся во многом "загадочным фактом белорусско-украинских литературных связей прошлого" (П.Охрименко).

3. Поступь белорусской исследовательской мысли разрешила этот загадочный факт. Рукопись перевода на украинский язык пьесы В.Дунина-Марцинкевича оказалось оригинальным произведением. Более того, графологическая экспертиза установила, что вильнюсский список комедии "Пинская шляхта" вышел из-под пера самого драматурга.

4. В свете представленных фактов, требующих во многом по-новому взглянуть на наиболее значительное достижение Дунина-Марцинкевича по пути к реализму, не следует игнорировать сказанного о вильнюсской рукописи предыдущими исследователями (в частности, ценные выводы, сделанные П.Охрименко при языковом анализе "перевода" комедии). Только теперь их следует адресовать не "неизвестному переводчику", а автору произведения.

5. Полесский колорит пьесы наиболее интересен с точки зрения ее языка. При этом следует помнить замечание, высказанное ученым И.С.Шпаковским о том, что наречия, на котором говорят герои "Пинской шляхты", не существует "в чистом виде". Оно — своеобразная стилизация Дунина-Марцинкевича "под пинский говор". Вместе с сюжетной фабулой драматург блестяще разыграл и язык своих персонажей, сочетающий в себе черты полесских диалектов белорусского и украинского языков ("ЛІМ", ЗОУП, 1982).

6. Исследователям Дунина-Марцинкевича новые факты расширяют горизонт во взгляде на вершину его творческого пути. Полесский колорит комедии не должен ограничиваться ее одними языковыми особенностями. Наряду с бытовавшими на Полесье фольклорными песнями ("Дэрэ коза у лісе лозу", "Гвэтая мое сырце до красэнкой розы"), в пьесе есть куплеты литературного происхождения ("Гдэ унадыцца юрыста", "Хто на старосьць прыскуе"), автором которых, разумеется, является Дунина-Марцинкевич. Вот, к примеру, частушки Куторги из "Явления последнего", в гротесковом плане рисующие реалии быта шляхетского сословия Полесья (подаются как и выше приведенные названия песен с сохранением всех языковых особенностей комедии):

Наши пынски околышы
Жыцц:о хоть пару, царышы,
Здволь всего - подывыса!
Ешь, пы, - разпыражыса!...
Исть горылка, ломоть хлиба,
Вьюны дый сушона рыба,
Чого жь боли людям треба;
То жь пынчуку дау богъ нэба!

7. Заслуга В. Дунина-Марцинкевича в том, что писатель не просто продолжил, несомненно, известные ему традиции литературной жизни Полесья ХУП в., но силой многогранного таланта к историко-литературному процессу развития новой белорусской литературы в период ее становления подключил и Белорусское Полесье с его оригинальной и самобытной культурой.

П.И.МАЛЯВКО (Гродно)

ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМЕДИЙНОГО ТВОРЧЕСТВА МАКАЕНКА

Каждый драматург отличается от других своей творческой индивидуальностью, а драматургическая поэтика дает ему богатые возможности в проявлении творческой индивидуальности, в его поисках в пределах определенных жанров. Богатое наследие комедийных пьес оставил в белорусской советской литературе Андрей Макаенок, с именем которого связаны значительные достижения белорусской советской комедиографии 60 - 70-х годов.

1. Макаенок обогатил белорусскую комедиографию многими разновидностями комедийного жанра (трагикомедией, комедией, репортажем, "опасной" комедией), создавая замечательные произведения в традиционных комедийных формах, как социально-бытовая комедия, сатирическая комедия.

2. Всестороннее отражение нашей действительности - характерная черта творчества Макаенка. В своих пьесах автор исходит от действительной жизни, дает глубокое философское осмысление происходящих событий. Комедиограф написал серию пьес, в которых решает нравственно-этические вопросы в масштабе всей планеты.

Более того, в произведениях "Затюканный апостол", "Святая простота" в острых сатирических образах он не только показал систему буржуазной демократии с ее хваленой свободой личности, но и убедительно отразил непреодолимую пропасть, разделяющую образ жизни советских людей от буржуазного образа жизни в мире капитала.

3. Использование информационных средств (телевидения, радио), способствующих еще глубже понять жизнь буржуазного общества, характерно для творчества Макаенка, что выгодно выделяет его среди некоторых других писателей-комедиографов.

4. Комедийные произведения Макаенка отличаются и своеобразным сюжетно-композиционным построением. Традиционной стилистической особенностью всех его пьес 70-х годов являются авторские вступления и прологи в начале произведения, которые становятся как бы вводным обобщающим моментом изначального действия перед последующим развитием основных событий пьесы.

5. Новаторский шаг в творчестве Макаенка заключается в использовании приема условности, что позволяет ему глубже показать действительность, использовать публицистические заостренные ситуации.

6. Положительные персонажи комедий, в отличие от отрицательных, находят выход из своего "внутрихарактерного" противоречия, избавляются от сниженной формы выявления своей нравственной сути, обретают гармоническое состояние.

7. Макаенок идет в ногу со временем в поисках нового героя, с желанием создать многомерный характер нашего современника. Комедиограф всегда стремится найти острый, общественно-значимый конфликт посредством борьбы ярких, выразительных характеров в жизненно-правдивом и стройном сюжете, начиная активное развертывание его с начала действия. Все его комедийные пьесы в значительной степени избавлены от посторонних эпизодов и случайностей, авторского произвола.

8. Слово для Макаенка в монологе или диалоге комедийного произведения — это мысль и действие. Сам комедиограф талантливо использует языковое богатство разговорной речи, употребляя метод отбора наиболее интересного, характерного, правдивого. Пьесам автора свойственно удачное сочетание слов бытовой и политической лексики, элементов публицистики, использование в речи персонажей пословиц, фразеологизмов; он талантливый худож-

ник в создании индивидуальных речевых характеристик.

Благодаря творчеству Макаенка белорусская комедия пользуется заслуженной популярностью не только в Белоруссии, но и далеко за ее пределами.

Ш. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ФОЛЬКЛОР ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

И.Н.АФАНАСЬЕВ, В.В. КОЗЛОВ
(Гомель)

ВРЕМЕННЫЕ КООРДИНАТЫ В БЕЛОРУССКОЙ ПОЛЕС- СКОЙ СКАЗКЕ

Несмотря на этнографическое своеобразие и даже определенную уникальность белорусского Полесья, оно не является исключением в развитии фольклора на современном этапе. Стремительность социально-экономических преобразований, новые возможности выявления эстетических вкусов и потребностей человека через литературу, профессиональное искусство повлияли на бытование фольклора. Это касается, в первую очередь, прозаических жанров и сказки, в частности, распространение которых сильно ограничилось. Тем не менее, сказка продолжает бытовать во всех районах полесской территории.

Секрет жизнеспособности сказки в немалой степени объясняется социально-эстетическими функциями этого жанра. Вся полифония народной жизни на протяжении столетий, сложные процессы формирования социальных, этических и эстетических идеалов народа нашли свое отражение и воплощение в сказочном эпосе белорусов-полешуков.

Точное место и правильная оценка белорусской сказки в си-

стеме культурных ценностей народа немислимы без временной координаты, указывающей, пусть даже приблизительно, на некоторые приметы ее рождения, бытования, определенную изменяемость, осмысление той средой, в которой она жила, степень воздействия на развитие культуры нации.

Значительная словесная устойчивость не исключает временных отметин на фольклорных произведениях. В фольклорной прозе белорусского Полесья эти временные приметы проявляются во взаимодействии и взаимопроникновении традиционных элементов одного жанра в другой. Это вызвано особенностями общественно-политической и духовной жизни белорусского народа, связанными с несвободным развитием национального языка, литературы, всей национальной культуры на протяжении нескольких столетий. Поэтому белорусский фольклор более длительное время синтезировал в себе идейные и эстетические функции художественной литературы и народной философской мысли. Не случайно поэтому многие социально-бытовые да и героические сказки по своей структуре и поэтике близки к устным рассказам. Даже такой известный собиратель фольклора Полесья как А.К.Сержпутовский издавал собранные им сказки и рассказы без четкой их градации.

Время, несомненно, накладывает отпечаток на смысловую и эстетическую стороны жизни произведения, усиливая или ослабляя определенные социальные, моральные и дидактические моменты. Это наиболее ярко проявляется в судьбе сказок о животных, эстетика которых проявляется не в социальной, как ранее, а в морально-этической сфере жизни.

Подобный процесс происходит и с рядом социально-бытовых сказок. Несомненно, актуальность социального обличения в сказках о попах и ксендзах (СУС 1725-1730) в период их создания не уступала силе нравственного осуждения клерикалов. В дальнейшем происходит, с одной стороны, усиление этической направленности подобных сюжетов, а с другой — расширительное понимание фигуры попа-женолюба.

Соединение сюжетного сказочного времени с настоящим достигается различными художественными приемами. В одном случае это обращение к слушателю в зачине: "Бачыце, якая тут нетра, якая тхлань: цэлы тыдзень ідзі, то да краю не дацягнешся. Даўней тут была чыстая вада" ("Чортава балота"). "Гэта было яшчэ за паншчыну. Вы ўжо не памятаеце, бо, пэўна, яшчэ не радзіліся на свет" ("Жаласлівая пані"). В других сказках в зачине, без сращения к слушателю, указывается время действия. Причем,

Таким временным рубежом как и в первом, так и во втором случае выступает "паншчына": "Не вельмі даўно тое было. Яшчэ за паншчыну" ("Пану навука"). "Гэта было яшчэ пры паншчыне" ("Як мужык асмеліўся проці пана сказаць"). Подобная временная координата выделяет белорусскую полесскую сказку среди других восточнославянских сказок.

Можно предположить, что вышеприведенные обращения выполняли на определенном этапе функции усиления достоверности рассказа, затем, на более поздних стадиях бытования, они стали одним из элементов художественной структуры без заметно выраженных утилитарных целей. При оценке подобных элементов художественного произведения нельзя не учитывать того непреложного факта, что на протяжении многовекового общения человека с искусством последнее служило ему, кроме прочего, и источником информации. Поэтому каждое конкретное произведение или жанр несди для разных поколений различные оттенки информативного и эстетического воздействия. Зачины-обращения в этом свете были, по-видимому, своеобразным мостиком от одной эпохи к другой. Косвенным подтверждением вышесказанного являются концовки сказок подобного типа: "Ну, вось і ўся казка. Але ж вы ўсё роўна не паверыце, што так было" ("Девушка и лебедь", зап. в д. Заболотье Мозырского района в 1975 г.).

Временные отметины на словесной ткани сказки оставляла эпоха в виде вкрапления в текст новых явлений и понятий. К более позднему времени относится концовка сказки "Няшчасны Егар", рисующая расправу с царем: "Тады, доўга не думаючы, на штыкі поднялі яго да ў воду".

Современные записи дают и более близкие к нашей действительности детали: "Ёсць у канцы горада магазін. Вось там знойдзеш што шукаеш" ("Кукушка, соловей и крапива", зап. в д. Глушковичи Лельчицкого района в 1974 г.).

Отмеченные особенности выражения временных границ или примет дают основания сделать вывод о том, что время, являясь эстетической категорией в сказочном эпосе Полесья, выполняет различные идейно-художественные функции в каждом конкретном сюжете и может служить одним из показателей сложной жизни сказки в пространстве и времени.

БЕЛОРУССКИЕ НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ ОБ ОКЛЕВЕТАННОЙ ДЕВУШКЕ (АТ 883А) И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ СКАЗОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ

С.Томпсон в своем исследовании "Народная сказка" (Нью-Йорк, 1946), рассматривая сказки-новеллы о верности, высказал сомнение, можно ли вообще некоторые сказки этой группы (среди которых он называет и сказки об оклеветанной девушке) считать народными, настолько тесно они связаны с литературной традицией и в фольклорных записях встречаются довольно редко. С подобным предположением ученого трудно согласиться.

Во-первых, литературные произведения, которые дали новые сюжеты для восточнославянских новеллистических сказок, во многих случаях сами возникли на фольклорной основе, включают в себя отдельные сказочные мотивы и сюжеты. Так, литературная история сюжета "Оклеветанная девушка" (883А) связана со сборником "Пентамерон", первым в Европе сборником народных сказок, обработанных итальянским писателем ХУП в. Д.Базиле, и, следовательно, сюжет имеет сказочное происхождение.

Во-вторых, заимствованные сюжеты усваивались творчески. В процессе устного бытования в новеллистических сказках появляются новые эпизоды, характерные для народной сказочной традиции, которые отсутствуют в литературных произведениях-первоисточниках, но встречаются в сказках разных видов. Богатая сказочная традиция восточнославянских народов способствовала прочному усвоению заимствованных сюжетов. В творчестве белорусов, русских и украинцев в то время уже сформировались сходные темы и образы, без чего заимствование было бы невозможно.

Записи сказок типа 883А есть у всех восточных славян. За последнее десятилетие сотрудниками ИИЭФ АН БССР во время фольклорных экспедиций записано три новых варианта на сюжет "Оклеветанная девушка", причем записи сделаны в разных районах республики (Светлогорский район Гомельской области, Несвижский район Минской области, Оршанский район Витебской области), что позволяет говорить о распространении сюжета практически по всей территории Белоруссии.

Архивные тексты белорусских сказок-новелл типа 883А не только уточняют сведения о территории бытования этого сюжета, но и расширяют возможности сравнительного изучения.

Анализ белорусских сказок-новелл типа 883А показывает, что они обладают всеми основными признаками, которые определяют специфику новеллистических сказок, и что в них представлены все мотивы, характерные для сюжета "Оклеветанная девушка". Здесь и многочисленные приключения героини, попытки соблазнить ее, клевета, бегство, переодевание в мужской костюм и, наконец, наказание виновных.

В русском сказочном материале (20 опубликованных текстов) наравне с развернутыми повествованиями есть варианты, где только приблизительно отражены основные моменты развития сюжета. Таких записей немного. Чаще наблюдается пропуск одного или нескольких мотивов сюжета. Это же можно сказать и об украинских сказках типа 883А (6 опубликованных записей), где сокращения в основном касаются второй части сказки.

Для сказок-новелл об оклеветанной девушке белорусов, русских и украинцев характерна не только связь с волшебными сказками. Наиболее явно она прослеживается в тех случаях, когда сюжет "Оклеветанная девушка" контаминируется с сюжетом "Волшебное зеркальце" (709). В белорусском варианте из Несвижского р-на есть эпизод, только приблизительно соответствующий сказкам типа 709, хотя связь его с сюжетом "Волшебное зеркальце" бесспорна (героиню стремится известить свекровь, которая раньше сама считалась первой красавицей).

В сказках-новеллах типа 883А всех восточнославянских народов постоянно используется и эпизод, характерный для других народных сказок: девушка как сказку рассказывает о своих приключениях и тех, кто перебивает ее, наказывает (сравн. сказки типа 706 "Безручка", 707 "Чудесные дети").

В белорусской сказке из Оршанского района отмечена интересная контаминация с сюжетом "Свиной чехол" (510В) — девушка вынуждена бежать, так как отец хочет жениться на ней (только дочери подошло платье умершей матери). Дальше в сказке развивается сюжет "Оклеветанная девушка".

Использование в белорусских, русских и украинских сказках-новеллах типа 883А сказочных мотивов, характерных и для других сюжетов, устойчивая контаминация основного повествования с другими сказочными сюжетами дают основание говорить о прочной связи новеллистических сказок на сюжет "Оклеветанная девушка" с восточнославянской сказочной традицией, подтверждают предположение, что сказки-новеллы этого типа — органическая составная часть сказочного эпоса. Количество записей, многие из

которых сделаны в середине XX века (большинство белорусских — в последнее время), свидетельствует о их широкой распространенности в фольклоре белорусов, русских и украинцев.

Таким образом, восточнославянский сказочный материал вносит существенные коррективы в выводы С.Томпсона.

Г.А.БАРТАШЕВИЧ (Минск)

НОВЫЕ ЗАПИСИ НАРОДНОЙ ДРАМЫ

Богатая история белорусского народного театра до этого времени изучена недостаточно полно. Внимание исследователей было направлено преимущественно на батлейку — театр кукол, которую с полным основанием можно отнести к специфическим явлениям белорусского фольклора. Менее исследован театр живого актера, его репертуар, особенности драматургии, взаимосвязь с батлейкой, обрядом, художественные средства выражения. Среди причин, обусловивших такое положение, не последнее место занимает ограниченность фактического материала, имеющегося в распоряжении исследователей. По существу, до недавнего времени мы имели единичные записи как в дореволюционной литературе (Е.Д.Романов, А.Е.Грузинский), так и в послеоктябрьских изданиях. Общее число текстов "Царя Максимилиана", "Лодки", "Ирода" и описаний представлений этих пьес не намного превышало десятков. Поэтому понятно, какую ценность приобретает каждая новая запись, каждый новый вариант текстов и все сведения о постановке этих пьес. Послевоенное время, особенно последнее десятилетие, несколько изменили общую картину в собирании народной драмы, которая хоть и прекратила свое бытование, но продолжает жить в памяти тех, кому приходилось участвовать в ее постановках или быть свидетелями ее активной жизни. Зафиксированные в центральных и южных районах Белоруссии начиная с 1955 г. тексты и описания постановок "Царя Максимилиана", "Ирода" (Н.И.Савушкина в докладе на УШ Международном съезде славистов "Вопросы поэтики народной драмы в сравнительном изучении" — см. в кн. "История, культура, этнография и фольклор славянских народов", М., 1978, оперирует 21 белорусским текстом народных драм), уточняют их ареал, выявляют специфические черты образной системы, изменения в структуре. В этом смысле интерес представляют записи народной драмы на Гомельщине, сделанные автором сообщения.

Как свидетельствуют печатные и архивные источники, полевые

наблюдения, на Гомельщине бытовали все известные в Белоруссии типы народного театра: колядные представления с козой, конем, "жоравам"; "звезда"; батлейка, театр живого актера. Некоторые из них сохранились до настоящего времени (хождение с козой, конем, "звездой"). Что касается народной драмы, то отдельные пьесы ставились еще в 20-е годы XX ст. ("перед организацией колхозов, в 1927 г." – по свидетельству одного из информаторов). Тесная связь с обрядовой средой, приуроченность к калядным праздникам довольно прочно сохранялись на протяжении всего периода бытования народной драмы. Разнообразие форм театрализованных представлений, характерное для южнобелорусского региона (тут уместно привести такие разновидности дотеатральной игровой деятельности, как обрядовая: колядное ряжение, многочисленные весенние игрища с персонажами-масками типа проволов русалки, разыгрывание бытовой сценки мнимыми "паном" и "панею" во время шествия на вознесение и т.п.), содействовало, с одной стороны, сохранению традиции народного театра, а с другой – взаимодействию и взаимопроникновению этих форм, их трансформации.

До последнего времени на Гомельщине были известны единичные записи драмы "Царь Максимилиан". Это довольно полные тексты Е.Р.Романова, А.Е.Грузинского, Ф.Деденко. Эти записи значительно дополнены новыми, сделанными в разных местах области. Их характер и качество различны: в одних случаях это воспоминания о постановках, впечатления о них, в других – перечень действующих лиц и пересказ отдельных реплик, в третьих – описание реквизита, большие отрывки из пьес, дающие возможность реконструировать текст и всю атмосферу постановок. Интересны сами местные названия постановок: "Конь", "Як у цары гулялі", "Як з канем хадзілі", "Залаты конь", "Цары". Определенным образом они связывают относительно новое художественное явление с древнейшими обычаями.

Сопоставление новых записей драмы "Царь Максимилиан" с текстами Е.Р.Романова из того же региона свидетельствует о преемственности традиции, сохранении ее общей идеи и отдельных фрагментов и в то же время позволяет проследить пути неизбежных изменений, вызванных новыми историческими условиями и общим состоянием фольклорной традиции. Вычленение в самостоятельное существование фрагмента драмы, который условно можно назвать "Марац і княгіня Кацярына", пассивная роль коня, дающего название представлению и далее в нем никак не участвующего

шего, сведения о интерпретации сюжета, когда кроме царя Максимилиана и его сына Адольфа или вместо них действуют безымянные цари, числом до 10, могут быть свидетельством разрушения традиции драмы сложной конструкции; они дают основание и для предположения о местных видоизменениях народной драмы, о влиянии на нее традиционной обрядности.

Учитывая большую научную ценность новых сведений о белорусском народном театре, мы продолжаем экспедиционные поиски в этом направлении.

В.К.БОНДАРЧИК (Минск)

ПОЛЕСЬЕ КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ И ПРОБЛЕМНОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕЕ ГРАНИЦ

В современных теоретических разработках советских этнографов большое место уделяется историко-этнографическим областям как смешанным и контактным зонам взаимодействия двух или нескольких этносов-народов. В Восточной Европе одной из таких зон является Полесье, которое, начиная с раннего средневековья, являлось областью взаимодействия различных восточнославянских этнических образований. Однако в общей иерархии форм этнических общностей статус Полесья не во все периоды истории соответствовал понятию "историко-этнографическая область".

В период колонизации ранними славянами ряда полесских территорий, где проходили процессы взаимодействия различных славянских и неславянских племенных образований, Полесье уже представляло собой историко-этнографическую область, общей этнической основой которой являлся доминирующий и постоянно усиливающийся славянский элемент.

Аналогичная интерпретация Полесья характерна и для последующего времени, когда в этой историко-этнографической области проходили процессы интеграции восточнославянских так называемых союзоплеменных этнических объединений (дреговичей, радмичей, древлян, вольнян). Несколько позже их консолидация в рамках Киевской Руси, сопровождавшаяся складыванием древнерусской народности, несколько изменила статус Полесья. Составляя одну из территориальных и демографических единиц Древней Руси, население Полесья представляло собой в этот период уже внутреннюю этнографическую группу древнерусской народности, правда группу сложного, многомерного и разноориентационного типа.

После распада древнерусской народности Полесье являлось периферийной областью контактирования главным образом трех крупных этносов — русских, украинцев и белорусов. К этому же времени также следует, очевидно, отнести и становление историко-этнографических связей в самой западной части полесского региона — в так называемом Любельском Полесье и Подляшье (современная ПНР), где начали сказываться результаты этноисторического взаимодействия польского, украинского и белорусского этносов.

В период формирования и развития капиталистических, а позже и социалистических наций русских, украинцев и белорусов полесское население было охвачено новыми более мощными консолидационными процессами, ориентированными на различные этнические центры.

Специфика различных периодов этнической истории Полесья самым тесным образом отражалась на его историко-этнографических границах, определение которых в настоящее время не возможно без учета исторического аспекта. Предварительное изучение исторических материалов показало, что как специфическая восточнославянская зона в XV—XVIII вв. Полесье осознавалось современниками в границах между Мазовией, Подляшьем и Литвой (на западе) и Поднепровьем (на востоке), а также между Белой и Черной Русью (на севере), Волынью и Киевской землей (на юге).

Анализ историографического наследия XIX—нач. XX в. и современных полевых материалов, а также сопоставление их с более ранними историческими данными позволяет сделать вывод о постоянно действующей тенденции сокращения границ историко-этнографической области Полесья*. Хотя в этот же период исследователи отметили присутствие специфических полесских лингво-этнографических комплексов на восток от Днепра, например, в бассейнах Десны и Сейма. В настоящее время в пределах всего полесского региона осуществляются новые этнические процессы, свя-

* Следует отметить, что этот процесс не касается действия другой тенденции, функционирующей с XIX в. по настоящее время и определяющей постоянное расширение границ Полесья в физико-географическом аспекте.

занные с национальной консолидацией и межнациональной интеграцией, что безусловно влияет на характер определения историко-этнографических границ Полесья. Поэтому в своих наиболее традиционных исторических ареалах историко-этнографическая область Полесья представляется в настоящее время в виде ряда отдельных этнически смешанных зон – белорусско-украинского Полесья, русско-украинско-белорусского Полесья и польско-украинско-белорусского Полесья. Наиболее стабильные границы первой из этих зон – поприпятской белорусско-украинской историко-этнографической области – проходят в виде широкой полосы приблизительно по линии – Любомль–Ратно–Пружаны–Ружаны–Береза–Ивацевичи–Старобин–Любань–р.Птичь–Мозырь–Ельск–Чернобыль–Дымер–Коростень–Ракитное–Березено–Ровно–Ковель–Любомль. Однако границы эти весьма динамичны и колеблются в ряде районов до нескольких десятков километров. Кроме того, межэтнические связи, миграции населения обуславливают появление вне этого ареала периферийных и экстерриториальных комплексов полесских элементов, что несколько расширяет данные границы. В то же время существующий внутри этих границ лингво-этнографический комплекс, наиболее стабильно определяемый как “полесский”, также весьма дифференцирован на лингвистическом, этнографическом и этнонимическом уровнях.

Н.В.ГРИЦАК (Ровно)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В “НАРОДНЫХ ОПОВІДАННЯХ” МАРКО ВОВЧОК

1. Записанные Марко Вовчок в 1850-х годах украинские народные сказки имели исключительное значение для формирования ее повествовательной манеры. Будущая писательница собирает произведения фольклора в ряде городов Черниговщины, на Полтавщине, в окрестных селах Киева, Немирова, записывает большое количество сказок от Текли Дончихи – уроженки г.Джуньков Бердичевского уезда. Эти образцы устного народного творчества преимущественно принадлежат правобережнополесским говорам и среднеднепровским наречиям. Таким образом, характерные особенности языка сказки именно этих территорий оказали наибольшее влияние на стиль “Народних оповідань” Марко Вовчок и некоторых других произведений, написанных на украинском языке.

2. Изучая произведения народного творчества, писательница усваивает манеру повествования сказителей, широко использует

стилистические приемы народной сказки для воспроизведения регионального колорита.

Стойкие словесные комплексы, которые создают орнаментовку сказки, или являются наименованиями специфических сказочных реалий, выступают арсеналом для образования фразеологии современного украинского языка. Они утрачивают признаки словосочетаний, качественно перевоплощаются только вне сказки.

3. Марко Вовчок в "Народних оповіданнях" широко использует характерный для полтавских сказок зачин ("Жив собі старий козак Задорожко з жінкою..."), но употребляет его не в начале произведения, как это свойственно сказкам, а в основном в середине рассказа, вводя новый персонаж, или делая паузу перед повествованием о дальнейших событиях.

Среди номинативных сказочных словесных формул зафиксировано сорок а-б і л о б о к а, ж и в а в о д а и др.: "Посилала я сороку-б і л о б о к у, а вона мені принесла дві вісті під правим крильцемі одну про Данила, а другу про Кирила" (63), "Пила вона хоч от гіркої, та от живої води" (258). Широко используются сказочные словесные формулы угрозы и заклинания: "Я в двері, а вона за мною в саді" "Я тебе на шматки розірву! Задушу тебе, гадино!" (113), выражения сопоставительного характера: "Він собі то коней заведе таких, що як змії, то то коляску купить новеньку, то у місто поїде – там стратиться" (68), описания красоты сказочного героя: "А може його на чоли – місяць, а на потилиці зорі сяють?" (195). Зафиксирована также описательная форма неопределенного времени ("Чи довго вона йшла, чи не довго, коли дивиться – стоять два прівисоченні дуби, а поміж дубами сидить стара жінка, старезна, аж мох і: покрив" (55).

Сказочного происхождения выражение живуть, хліб жують ("і ми колись були добрі, а ось же довелось зйти на ледашо, да таки ж яось у світі живемо і хліб жуємо" (46). Этот устойчивый словесный комплекс характерен для правобережнополесских сказок, где выполняет функцию концовки.

4. Некоторые устойчивые словесные формулы сказок употребляются в "усеченной форме". Например, не сказати, не описати вместо ні в казці сказати, ні пером описати, "Та такий же хороший, та такий вже гарний – і не сказати, і не описати" (194).

5. В "Народних оповіданнях" наиболее употребительны глагольные фразеологизмы, распространенные в полтавском фольклоре

реї кризь землю пійти; спалити і попіл розвіяти; солодко з'їсти, п'яно спити и др.

6. Некоторые изречения настолько органически вплетаются в повествование, что трудно определить: бытовало ли данное выражение в живой речи и встречается в сказках благодаря тому, что сказитель создает их, пользуясь выразительными средствами языка, или словесный комплекс сказочного происхождения.

7. Используя особенности фольклора правобережнополесского и среднеднепровского регион в, писательница тем самым способствовала обогащению фразеологического фонда украинского литературного языка.

Л.Л.ДЕМЕНТЕЙ (Гомель)

ЖАНРОВЫЙ СОСТАВ ПОЛЕССКИХ КАРАВАЙНЫХ ПЕСЕН

1. Белорусские каравайные песни относятся к особой разновидности свадебных песен. Для них характерны своеобразные условия исполнения и устоявшаяся направленность.

2. Известно, что песни, исполняемые во время изготовления и раздела свадебного каравая, сохранили древнейшую привязанность к своему культурно-этнографическому комплексу. Функция каравайных песен определяется, как правило, их местом и ролью в данном обряде.

Понимая жанр как исторически сложившуюся относительно устойчивую содержательную форму, обусловленную единством функции, тематики, структуры и поэтики, мы выделяем песни величальные, корильные, ритуальные и заклинательные.

3. В первоначально единой, нерасчлененной системе духовно-практической деятельности, которую представляет собой первобытный мифологическо-обрядовый комплекс, органически включавший таинства языческого брака, главная роль принадлежала заклинательным песням. Обеспечение заступничества предков, богов и других сил особенно необходимо было при создании новой семьи. "Расці, каравай, пшынёй, Буль, кавалі, румяной, Дай пчасці, долі маладым, Каб гора яны не зналі", — и сегодня поет каравайница на Полесье.

Традиционные каравайные заклинания представляют собой своеобразное сплетение фантастических представлений о природе, религиозных верований и трудового опыта. По своей целенаправленности они отражают стремление древнего человека подчинить себе магические силы. Достигалось это с помощью особых словес-

ных формул и построений, в основе которых лежала вера в силу сказанного слова. Главной и определяющей функцией стала функция заклинательная.

Заклинательные каравайные песни представлены тотемистическими заклинаниями, заклинаниями-молитвами и заклинаниями-уподоблениями.

3. Второе место по количеству зарегистрированных на территории Полесья текстов занимают песни обрядового содержания. Ритуальные песни дают возможность представить весь каравайный обряд от момента приглашения на каравай и до его раздела: "Сабірайся род к роду, А старыя мужы на параду, Маладыя маладзіцы к караваю..."; "Стаўце дзяжу цісовую, Нясіце ваду крынічную, Сыпце муку ішанічную"; "Няхай пойдзе ў камору ды прынясе вошчыку Ды Іванку на свечачку"; "Няхай глядзіць па памельніка і лашаты – Ужо час і пара каравай саджаці"; "Ой, не садзіся да на покуце, Сядзь сабе на парозе, Штоб хлопцы не наклілі, Да й каравай не ўхапілі"; "Бярыце меч, рубайце печ – каравай з печы не лезе"; "Ой, мядзведзю кашлаты, Гаспадару багаты, Ой, выкаць тую бочку, Што ў свірні пры куточку"; "Ой, дайце нам свечкі, Пайдземо да рэчкі Да каліны ламаці – Каравай убіраці"; "Да будземо музыкі наймаці, Да будземо муравачку таптаці, Караваю месца шукаці"; "Трэба каравай дзяліць, На свет божы распусціць"; "Выце, маршалку, сорам знайце Нам караваю дайце". Выполняя важную функцию по нацеливанию на реализацию обрядового действия, каравайные ритуальные песни также стремятся закрепить в сознании присутствующих акт совершения того или иного этапа обряда в строгом соответствии с установленным этикетом: "Удача, удача, Як каравай убраўся, Шырокім лісцем услаўся, У чырвоныя кветкі ўбраўся".

Анализ собранных нами материалов позволяет говорить о наличии двух подгрупп песен, тесно связанных с обрядовыми действиями: во-первых, предваряющих совершение действия и заключающих в той или иной степени сведения по его организации, указывающих на необходимость совершить данный ритуал с участием конкретных лиц; во-вторых, поясняющих совершенное ритуальное действие, закрепляющих его результаты путем оповещения о них в кругу родных и соседей. Таким образом, ритуальные песни состоят из песен-оповещений (среди которых особо выделяются новостовательные песни с эротическим содержанием) и церемониальных песен.

4. Величальные каравайные песни относятся также к числу

магических. Величание каравай, а вместе с ним и древнего бога-предка РАЯ-ВОРОПАЯ, объяснялось стремлением людей заручиться помощью и поддержкой сверхъестественных сил. Задабривание, умиротствление, восхваление духов и богов знают все первобытные народы.

Помимо величания каравай, с усилением роли исполнителей обряда, появляется необходимость выразить отношение к каравайницам, так как от их умения, мастерства, душевных качеств и физического здоровья, как казалось нашим предкам, зависело качество каравай: "Ой, хорошы каравай, хорошы, Бо хорошы каравайніцы гібалі. Каравайніцы прышлі, Так як зоранькі зышлі. Каравайніцы красны, Так як зоранькі ясны". Величательные каравайные песни тематически представлены песнями-величаниями каравай и песнями-величаниями каравайниц.

5. В противовес величальным песням в каравайной обрядовой поэзии отчетливо просматриваются тексты, высмеивающие участников обряда: "Ой, вы, сванькі-сарокі, сарокі, Спякли каравай бязбокі, бязбокі...", "Каравайніца-нераха, Нямытая рубаха...", "Каравайніцы п'яны Да ўсе цеста пакралі. Да ўсе цеста пакралі У пазуху да ў кішэню... У кішэні цеста падышло, А кішэня адарвалася, Я сорамна набралася". Осмеянию нередко подвергаются действия, которые могут, по мнению окружающих, нанести ущерб караваю, а значит, и молодым.

В шуточно-сатирическом осмеянии отчетливо просматривается гротескное начало. Объектом насмешек становятся каравайницы, дружка, свашка, хозяйка дома, редко сам каравай.

6. Границы между отдельными жанрами достаточно подвижны. Это позволяет говорить о межжанровых образованиях. В потоке каравайных песен вычленяются, например, ритуально-заклинательные и величально-заклинательные песни.

А.С.ЕМЕЛЬЯНОВ (Витебск)

ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОПИСИ РОДИЛЬНОЙ ПОЭЗИИ ВИТЕБЩИНЫ

При исследовании поэтики того или иного жанра народного творчества необходимо учитывать местные особенности языка. В общем единстве сложной системы художественного отражения действительности в фольклоре не последняя роль принадлежит звукописи.

Белорусская родильная поэзия, возникшая в далеком прошлом

и не имеющая себе равных произведений не только во всем славянском, но и мировом фольклоре, — яркий пример чуткого отношения народа-певца к звучанию слова, к его эвфонической инструментровке, которая характеризуется богатством и разнообразием приемов.

Остановимся на наиболее характерных примерах из собственных записей песен, сопровождающих родильные обряды на Витебщине.

Важную идейно-эстетическую функцию выполняют аллитерации и ассонансы, особенно если они сочетаются одновременно и образует полную аллитерацию. При этом главная роль принадлежит аллитерациям, поскольку именно согласные определяют основное смысловое направление. Вместе с тем песенный строй родильной поэзии белорусов выделяется исключительным богатством гласных звуков, что обусловлено специфическим национальным полногласием. Ассонансы в родильных песнях Витебщины редко встречаются в "чистом" виде, чаще они усиливаются совпадением некоторых предударных и послеударных согласных. Причем часто встречаются строчки, в которых аллитерации и ассонансы возникают благодаря мастерскому подбору фонетически близких слов, первое из которых естественно вызывает к жизни последующее. Обращают на себя внимание повторы отдельных одинаковых слов, производных от одного корня, часто выраженных разными частями речи: "Чухі, чухі, чуханечкі", "А гусь гусаком гусей паганяць, а індыкі, перандыкі песенькі спяваюць", "Дуб мой, дубу, дубу дубянк."

О большом умении простого народа чувствовать дыхание родного слова свидетельствуют и звуковые параллелизмы ("Бабка по саду хадзіла, бабука расаду садзіла"). Благодаря им каждое слово в родильных песнях как бы "перезванивается" с предыдущим, "подготавливает" следующее. И возникает цепная интонационно-звуковая и эмоционально-смысловая взаимосвязь строчек.

Значительная роль в идейно-эстетической жизни родильных песен Белорусского Поозерья принадлежит и разнообразным звукоподражаниям — одному из интереснейших элементов звуковой организации народной лирики. С их помощью имитируются разные чувства и действия главных героев и персонажей родильных обрядов, а также довольно правдиво передаются эмоциональные реакции непосредственных исполнителей песен и их художественных образов на окружающих. Причем народ использует звукоподражания очень осторожно, всегда в меру, никогда не перенасыщает ими поэтический текст. На наших записях видно, что особенно

широкое распространение приобрели звукоподражания в шуточных песнях про кума и куму, бабушку-повитуху, молодого отца, проникнутые незлым юмором, жизнеутверждающим смехом, а случается, — и мягкой иронией: "Нядужа бабка, нядужа, А ў залёты дасужа. Таўчы, малоць — а хці мне! А намётачку дайце мне! Таўчы, малоць — кох, кох, Па намётачку — скок скок".

По своему идейно-художественному назначению к звукоподражаниям близки разнообразные междометия-восклицания, также широко распространенные на Витебщине в народной поэзии, которая сопровождает родильные обряды: "У-х а — х у, х а — х у, ха-хоначя, дрэнна жыць без жоначкі".

Довольно самобытны междометия, которые естественно вклиниваются в песенный стык (акромнограмму). Так, записанная нами в д. Старый Двор Поставского р-на песня "Папрасілі мяне ды у хрэсьбіны", вообще вся выдержана в этом ключе: "Папрасілі мяне ды ў хрэсьбіны, Уханькі, хаханькі, ды ў хрэсьбіны. А мне, маладой, нет у што прыбрацца, Уханькі, хаханькі, нет у што прыбрацца. Як пайду жя да суседачкі, Уханькі, хаханькі, да суседачкі. Яна не дала, а толькі лаяла, уханькі, хаханькі, а толькі лаяла".

Для многих родильных песен нашего края характерны звуковые эпифоры и анафоры. Широко используется также нанизывание союзов и предлогов. Благодаря мастерскому отбору этих служебных слов, талантливой разговорно-живой расстановке их в строчках усиливается и мелодичность песенного текста и акцентируется внимание слушателей на тех или иных наиболее важных в идейно-образном замысле произведения предметах, явлениях, понятиях, чувствах и т.д. ("Ен за ручаньку, за падручаньку Сваю Валечку вядзець").

Музыкально-мелодической организацией поэтического языка объясняется и наличие во многих песенных строчках разговорно редуцируемых слов, что обычно обусловлено быстрым исполнением произведения: "Выдзі, Манічка, з-за пасцілкі, Палядзі свае ўсе радзінікі".

Проведенный анализ звуковой организации художественного текста многочисленных родильных песен Витебщины дает все основания утверждать, что фоника народных произведений этого специфического раздела национальной семейно-обрядовой поэзии чрезвычайно содержательна и разнообразна. Звуковые повторы, комбинации и сочетания согласных и гласных играют важную роль в идейно-образной и эмоционально-эстетической жизни песни. Причем богатейшая гармония звуковых элементов в художественном тексте

те чаще активно участвует в раскрытии поэтической мысли не открыто, непосредственно, а как бы изнутри, подтекстно, почему она так естественно и живо воспринимается нами.

К.П.КАБАШНИКОВ (Минск)

СОБИРАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА ГОМЕЛЬЩИНЫ В ИИЭФ АН БССР

1. Фольклор Гомельской области является неотъемлемой органической частью белорусского национального устнопоэтического наследия с характерной для него системой жанров, сюжетным репертуаром, системой средств образного отражения действительности. Вместе с тем, тут есть немало специфических черт, которые в своей совокупности придают своеобразие народному творчеству.

2. Внимание исследователей издавна привлекали богатство отдельных циклов обрядовой поэзии и сказочного эпоса Гомельщины, особенности фольклорного процесса, который характеризуется активным взаимодействием и взаимообогащением фольклора трех братских народов. Фольклористы ИИЭФ АН БССР неоднократно в послевоенные годы обращались к фольклору Гомельской области, но планомерный характер изучения устнопоэтического творчества этого региона приобрело с 1977 года. Ежегодно сюда выезжают фольклорные экспедиции, которые за это время обследовали 17 районов, работали в 130 населенных пунктах и записали свыше десяти тысяч единиц фольклорно-этнографических материалов. Кроме того, сделано более восьми тысяч фонозаписей, представляющих несомненную ценность. Значительная часть записей уже вошла в отдельные тома многотомника БНТ. Все экспедиции работали по единому плану, использовали одну программу, которая направляла участников на выявление фольклорных произведений всех жанров, бытующих или бытовавших и теперь сохраняющихся в памяти, на изучение современного состояния устнопоэтического творчества.

3. Первые результаты работы экспедиций последних семи лет подведены в научных статьях (Известия АН БССР, серия «общественных наук», 1980, № 5; 1981, № 4; "Народна творчість та етнографія", 1981, № 4), тезисах докладов, выступлениях на конференциях.

Новые записи значительно расширили наши представления об особенностях жанрового состава фольклора Гомельщины. Уточняются ареалы некоторых обрядов и обычаев, в первую очередь

обрядов и поэзии весеннего цикла, который тут имеет ряд особенностей. Изучение обрядовой поэзии соприкасается с проблемой этногенеза славян.

4. Много интересного для характеристики фольклорного процесса дают записи лирической поэзии. Они проливают свет на особенности взаимодействия и взаимообогащения фольклора братских народов, на характер ассимиляции произведений в иноэтническом окружении как в прошлом, так и в наши дни.

5. Как обрядовая поэзия, так и внеобрядовые песни свидетельствуют о прочных связях с эпической традицией, берущей начало со времен Киевской Руси. Новой интерпретацией древнего мотива змеборства отличаются так называемые постовые песни о Цмоке; эпические черты сохраняют варианты песни о споре орла с конем, сюжет которой до последнего времени был неизвестен в нашей фольклористической литературе.

6. Большую ценность представляют записи прозаических жанров. Они не только обогащают наши фонды, но и дают интересные факты для характеристики сюжетного репертуара белорусских сказок, их межэтнических взаимосвязей, судьбах жанра в наши дни. Выявлена преемственность сказочной традиции, передача сказочного репертуара из поколения в поколение.

7. Собрание и изучение фольклора Гомельской области ведется несколькими учебными и научными учреждениями. Собран значительный и в отдельных случаях — уникальный материал. Продолжая дальнейшие экспедиционные поиски, целесообразно уже сейчас готовить сборники и теоретические исследования устнопоэтического творчества Гомельщины. В связи с этим возникает необходимость разработки единых принципов региональных изданий устнопоэтического творчества, которые были бы приемлемы при публикации фольклора всех областей республики. Необходимость в региональных изданиях уже давно назрела.

И.И.КРУК (Минск)

СКАЗОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ ПОЛЕССКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО СКАЗОЧНОГО ЭПОСА (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ)

Среди ряда ученых-этнографов, лингвистов, фольклористов — уже давно бытует мнение о Полесском регионе как об исключительной своеобразной зоне традиционной духовной культуры белорусского народа. Основой для подобных предположений послужили географическо-ландшафтные особенности ареала, тормозившие раз-

итие миграционных процессов среди коренного населения, а также сдерживавшие культурно-исторические контакты с другими народностями. Попытаемся взглянуть на проблему своеобразия духовной культуры полешуков, используя в качестве материала исследования сказочный эпос.

Опыт научных исследований убедительно показывает, что самобытность, специфичность или даже исключительность того или иного явления становится очевидной при сравнении этого явления с одноплановыми явлениями более широкого ареала. В нашем случае — это сравнение сказочной традиции Полесья со всем массивом эпоса белорусов, а также — восточных славян в целом. При этом сравнительный анализ проводится на разных структурных уровнях, начиная с исследования сюжетного состава, отдельных сюжетов и их контаминаций (макроструктура) и кончая определением границ функционального спектра поэтических тропов и лексических средств образности (микроструктура).

Во время многолетней фольклорной практики автор этих строк записал более 300 произведений сказочной прозы. Фронтальное обследование ряда районов Полесья выявило существование богатейшей сказочной традиции. Среди записанных фольклорных сказок оказались такие, которые, во-первых, составляют ядро не только белорусского, но и восточнославянского эпоса в целом.

Во-вторых, удалось записать сказки, известные в репертуаре русских или украинских сказочников, но не зафиксированные ранее у белорусов: СУС 170 (За скалочку — гусочку), СУС 156 (Заноза в лапе медведя), прил. СУС 86 (Скупая белка), прил. СУС-218С (Курица и глупый мужик).

Исследование макроструктуры животного эпоса Полесья показывает, что подавляющее большинство сюжетных типов этого ареала имеет полные или частичные соответствия в сказках всех восточных славян. Хотя при внимательном рассмотрении композиционного строения каждого в отдельности сюжетного типа, естественно, обнаруживается некоторая вариативность в развитии сказочного действия, в компоновке отдельных мотивов, выявляются локальные типы контаминаций, например СУС 2025 + 158 + 1 + 2 + прил. 21 + прил. 88 В.

Особенный интерес для нас представляют конечно же записи сказок, аналоги которых вообще не отмечены в фольклорных сборниках трех восточнославянских народов. Но даже располагая уникальными записями сказок, мы не склонны преувеличивать роль

Полесского ареала как консерванта фольклорной традиции, сохранившего до нашего времени поэтические предания глубокой старины, ибо фольклористы-сказковеды еще далеко не полно обследовали и архивные фонды и среду устного бытования культурных ценностей каждого восточнославянского народа.

Анализ сказочного эпоса на уровне медитативной структуры дает, пожалуй, больше всего оснований говорить об органическом единстве фольклорного материала Полесья и других регионов Белоруссии. Для всего животного эпоса белорусов характерна одна и та же система образов, одинаковая идейная наполненность каждого образа в отдельности. Самобытность может быть отмечена лишь на низовых уровнях этой структуры — это раскрытие главных черт персонажей в новой ситуации, в столкновении с нетрадиционными противниками.

Региональные особенности сказочной традиции Полесья в наибольшей мере проявляются при исследовании ее микроструктуры. И если комплекс поэтических тропов в целом устойчив и типичен для любой сказочной традиции, то их лексичная реализация происходит при самом активном участии различных элементов локальной языковой традиции. Это и обширное наполнение сказочного повествования диалектизмами (лексическими и фонетическими), украшение диалога персонажей областными устойчивыми фразеологическими сращениями (поговорками и пословицами), элементами ландшафтно-географического характера, бытовыми реалиями. Здесь же особенно ярко проявляются и стремления сказочников активно использовать диалог, "внутренний" монолог, звукоподражание и наделение каждого персонажа индивидуальным голосом, а также почти постоянное сопровождение словесной части произведения паралингвистическими средствами выражения.

Таким образом, проследивая диалектику взаимосвязей особенного (регионального) и общего (белорусского, общевосточнославянского) на пути от макроструктуры к микроструктуре, мы должны отметить наличие следующей тенденции: в соотношении двух полярных точек указанной бинарной оппозиции, как правило, в макроструктуре доминирует общее и, напротив, в микроструктуре более четко прослеживаются региональные особенности фольклорной традиции.

БЕЛОРУСЫ-ПОЛЕШУКИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕСЕННОГО ТВОРЧЕСТВА В ОСВЕЩЕНИИ ОЖЕШКО

Одна из первых публикаций Э.Ожешко, посвященная отражению культуры и быта белорусов, была помещена в варшавском журнале "Этнографическое обозрение" (1867, т.15, № 380-381) под названием "Воспоминания о Пинщине". В ней автор рассказывает о природе и климате этой части Белоруссии, ее жителях, их характере, темпераменте, одежде, головных уборах, языке, песенном творчестве. Здесь же она делает попытку сравнить темперамент, язык, мелодии пастушьих труб местных жителей с темпераментом, языком, мелодиями таких же труб населения Понеманья и Вольни.

Приступая к характеристике народных песен полешуков, автор не сумела в них заметить ничего положительного, одни только "звонки", тоску, однообразие: "Грусть и "енкливая" тоска является общей чертой литовских (автор имеет в виду белорусских - А.Л.) народных песен, но здесь больше чем где-нибудь эти песни разливаются самыми тоскливыми тонами. Во всем тамошнем воздухе не услышишь ни одной веселой ноты, не уловишь ни одного задорного возгласа. Как бы страдальчески жалуясь, с продолжительным и унылым пением, крестьяне идут и на работу, и на свадьбу, и на гулянку в корчму, и на дожинки. Летом, когда дневная работа окончена и солнце начинает исчезать за лесами, окружающими горизонт, по широким полям плывут звучные и продолжительные, однообразные, наполненные несказанной печалью и грустью тоны народных песен".

Ожешко в некоторой степени права, когда утверждает, что на пинчуков и на характер их песен оказала определенное воздействие природа - эта "многовластная носложка еще совсем не разожженного человеческого духа". "И неудивительно, что пинский воздух грустно играет и поет: сама окружающая природа не может веселых жителей вдохновить на веселье. Бледная и туманная, ровная и однообразная не радует глаз разнообразием красок и видов...", - отмечает автор.

Хоть для творчества Э.Ожешко характерно объективное отношение к белорусам и правдивое отражение их быта и культуры, однако в данном случае она допускает крайнюю точку зрения. Создается впечатление, будто бы у белорусов отсутствуют веселые, шутливые песни вообще. Собиратели и исследователи белорусского фольклора (А.Занкевич, Е.Карский, М.Григорьев, И.Гиле-

вич и др.) указывали на наличие в посенном творчестве местных жителей множества юмористических и сатирических произведений.

А.М.НЕНАДОВЕЦ (Минск)

ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРА В ТВОРЧЕСТВЕ КОЛАСА (ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД)

Пробы пера Коласа припадают на бурный период в развитии общественной жизни Белоруссии. Он, своим творчеством, повторяет весь путь, пройденный дооктябрьской литературой. Из поэзии Коласа перед нами еще встает герой "видовой", автору не хватает опыта его нарисовать, он не может сразу порвать со сложившимися фольклорными традициями, поэтому мужик в творчестве — представитель "серой, социально не сознательной массы" ("герой родовый"). Поэта наиболее волновала проблема героя. Тот крестьянин, которого изображала наша литература до революции, поэта и его читателей уже не во всем устраивал. Надо было найти, создать образ, отвечающий запросам насущного дня. Для первого шага Коласа в литературе характерна была стигнизация своих произведений под фольклорные. Он писал народным, разговорным языком, не уделяя должного внимания духовному облику самого мужика. Его стихотворные рассказы во многом напоминают популярные белорусские анекдоты и были, забавные случаи из жизни. В некоторых произведениях использованы сюжеты народных песен, не говоря уже о заимствованиях из фольклорной поэтики. Часто еще в стихах автора создаются сказочные ситуации, образы, герои.

Первые прозаические произведения Коласа — это записи фольклора. Начинающий писатель стремится придать обработкам "литературный вид". Позже, в рассказах, автором поднимается проблема социально-исторической детерминированности и художественной психологизации, "психологической интерпретации" (выражение В.Кубилюса). Попытки разрешения этой задачи наиболее полно выявились в "Молодом дубке" и "Немановом даре". В фольклоре детерминированность можно объяснить вмешательством каких-то "сверхсил судьбы", а в литературе Колас стремится вывести все это из социальных условий. Мужик по-прежнему остается одиночкой, "крестьянская толпа" только наводит ужас своей силой, но сама ее не осознает, не знает, что делать. В произведениях нет ярких индивидуальных героев, некоторые персонажи даже не имеют имен, присутствует традиционная сказочная "перепалка" между богатыми и бедными. В образе самого эксплуататора (пана),

имеются фольклорные черты, "он черт, он бог наполовину". Колас стремится к мифологизации творчества ("Сказки жизни"). Это логично объяснять тем, что сказки, как жанр фольклора, были близки народу, да и писать в годы разгула реакции можно безнаказанно только при помощи эзоповского языка. В ранней прозе писателю не удалось создать образ духовно богатой, целенаправленной личности.

При создании широкоформатного эпоса, поэм "Новая земля", "Сымон-музыка", трилогии "На росстанях", автор по-новому подошел к заимствованиям из фольклора. Теперь он брал из устного творчества не отдельные образы и поэтические средства, не стремился к цитированию или стилизации под фольклор, а заимствовал само крестьянское миропонимание, мировосприятие. Революционные события оказали большое влияние на формирование нового героя в его творчестве. Индивидуализация психологического переживания, расширение художественного мира писателя, обострение социально-нравственной, духовной проблематики — это важнейшие тенденции творчества Я. Коласа дооктябрьского периода. Персонажи становятся обогащенными духовно, способными переживать не только за себя, но и за весь народ, за Отечество, соотносить себя с миром. Они умудрены жизненным опытом, тонко чувствуют изменения в природе и обществе (Михал, Сымон, Лабанович), могут здраво истолковать любое явление. Такой герой в легендах и поверьях принимает то, что связано с земледелием, трудом, жизнью крестьянина. Колас никогда не забывал о фольклоре, использовал его на разных этапах своей литературной деятельности. Отказываясь от стилизации, он не проходил мимо "стиля народного речения" (лаконизм, эстетика слова, остроумие). Стремился решить вечный философский вопрос устного творчества о жизни и смерти, показать мужику, что не "всевышний"; а сам человек должен ковать свою судьбу. Коласовский герой рано начинает жить в органическом единстве с природой. Для крестьянина весь окружающий мир — это живое существо, которому болит, которое может радоваться и плакать, понимать людское горе. От осмысления личного (в фольклоре герой над жизнью не задумывается), мужик приходит к пониманию острых вопросов общественного бытия: войны и мира, классового бесправия и неравенства, "верхов" и "низов". В коласовских произведениях появился образ человека-труженика, которому присущи лучшие черты народа. В жизнь вошел новый герой, до этого времени не существовавший в белорусской литературе.

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗНОЭТНИЧЕСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ

1. Усиление взаимодействия, взаимопроникновения и взаимообогащения – важная тенденция фольклорного процесса современности, изучение закономерностей которого является актуальной задачей советской фольклористики.

2. Как известно, развитию взаимосвязей между славянскими народами содействуют такие факторы, как общность происхождения, языковое родство, культурная близость, исторические традиции, территориальное соседство и др.

3. Изучение причин и особенностей возникновения сходных явлений в различных этнических средах и установление их национального своеобразия находятся в центре внимания фольклористов. Такого рода исследования дают возможность глубже охарактеризовать становление и развитие отдельных национальных культур, увидеть их различие и общность.

4. Факты взаимодействия и обогащения фольклора братских народов на Гомельшине отмечались еще в трудах дореволюционных фольклористов (Е.Романов, З.Радченко, М.Косич и др.), но систематического изучения их не проводилось, характер взаимодействия разноэтнических фольклорных традиций не исследован.

Эта проблема освещена достаточно полно лишь в музыковедческом аспекте фольклористом В.И.Елатовым.

5. Несмотря на то, что имеющиеся исследования белорусского фольклора в его межславянских взаимосвязях, выполненные в советское время, значительно расширяют и конкретизируют наши представления об общности народного творчества славян, о характере и масштабах связей белорусского фольклора с русским, все же многие задачи сравнительной фольклористики остаются пока нерешенными.

Не случаен на проходившем в сентябре 1983 г. IX Международном съезде славистов призыв, прозвучавший в докладе В.Е.Гусева, не довольствоваться только широкими обобщениями в масштабах национальных культур в целом.

6. Конкретное исследование места русской народной песни в песенном репертуаре Гомельской, где особенно выразительно проявляются русско-белорусские песенные связи, установление закономерностей, путей и форм ее распространения, трансформации и усвоения необходимо для воссоздания всесторонней и объек-

но правильной картины развития устнопоэтического творчества.

Оно покажет роль процессов взаимодействия, взаимопроникновения и взаимообогащения в дальнейшем идейном сближении братских народов, укреплении чувств единства, расширении обмена мнениями культуры.

7. Собранный фольклорный материал во время студенческих экспедиций в Чечерском, Ветковском, Брагинском, Кормянском, Хойникском районах Гомельской области свидетельствует об активном взаимодействии песенных культур белорусского и русского народов особенно в области солдатских песен. Записи таких текстов песен, как "Отправляла мац: сына во солдаты", "Не вейтесь чаечки над морем", "Тихо смотрит месяц ясный", "Знаю, вран, твой обычай", "За дикими степями, за Байкалом" и другие доказывают преобладающее воздействие русской фольклорной традиции в жанре солдатских песен.

8. В связи с этим выяснение таких вопросов, как причины, условия, характер усвоения русской народной песни, пути проникновения новых произведений, особенности среды, которая их воспринимает, сохранение исконно русских элементов, появление новых признаков в результате трансформации русской песни, сохранность этнического своеобразия исполняемых фольклорных произведений народа-соседа и т.д. представляют реально современное состояние живого фольклора в Гомельской области.

Ю.И.СМИРНОВ (Москва)

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ НА ГОМЕЛЬЩИНЕ

Гомельская область образована, как известно, в 1938 г. Ее административные границы, равно как и границы предшествовавших ей административных единиц на глубину исторического времени от наших дней и по меньшей мере до ХУШ в., совершенно условны в отношении традиционной духовной культуры ее жителей. Эти границы не менее двух столетий никоим образом не изолировали жителей Гомельщины от соседних мест и всей страны в целом и не воздействовали на изменения в их фольклорной традиции. Внутреннее административное деление в пределах единого государства, как это очевидно, вообще никогда не имело значения этноразличительного, географического или иного фактора, который мог бы оказывать влияние на фольклорные процессы. Было бы нелепым, анахроничным и алогичным занятием искать дремучие, исключительно местные корни фольклорных фактов, ру-

ководствуясь современным административным делением.

Фольклорная традиция безусловно меняется: и во времени, от поколения к поколению, и в пространстве, от места к месту. Она меняется не только по своим внутренним законам, но и под воздействием многих общественных факторов. Однако как внутренние законы изменения и бытования фольклорной традиции, так и, разумеется, общественные факторы уже в силу самого своего характера не могут действовать лишь в пределах какой-то одной деревеньки, волости (сельсовета), уезда (района), губернии (области). Полагать обратное — просто смешно. Подлинные, этноразличительные границы бытования и изменения фольклорной традиции — это границы ареала расселения всего народа, носителя этой фольклорной традиции, а ареал расселения отнюдь не обязательно совпадает даже с государственными границами, которые, в отличие от внутреннего административного деления, при определенных иных общественных обстоятельствах реально могут играть роль общественного фактора, воздействующего на фольклорную традицию.

При всей схожести с фольклорными традициями соседних районов по жанрам и жанровым разновидностям, по составу текстов, по художественным средствам, типам распевов и манере исполнения фольклорная традиция на Гомельщине все-таки обладает некоторыми особенностями. Ее специфика обусловлена главным образом окраинным положением населения Гомельщины относительно ареала расселения восточнославянских народов: оно живет на территории, где пересекаются все три ареала; эти ареалы здесь неоднократно — большим или меньшим краешком — перекрывали друг друга на протяжении истории. Миграции населения в меридианальном и широтном направлениях и открытость местных жителей в части их связей с жителями иных мест (а также служба в армии, отходные промыслы и др.) определили смешанный в этническом плане характер фольклорной традиции на Гомельщине.

Опираясь на старые публикации (З.Ф.Радченко, Е.Р.Романова и др.) и на собственные наблюдения, результаты которых частично опубликованы в сб. "Славянский и балканский фольклор" (М., 1978; 1981), мы имеем основание утверждать, что на Гомельщине нельзя найти ни одного села, "чисто" белорусского, украинского или русского по своему фольклорному репертуару. При этом, однако, чаще преобладают или даже вовсе доминируют тексты украинского происхождения по сравнению с текстами иного происхождения, вместе взятыми, что нетрудно подтвердить

ками на бытование их аналогов или же их эволюционных предшественников как в Восточной, левобережной, так и в Западной Гомельщине. Этот факт, а также фиксация поздних по своим эволюционным качествам, не ранее ХУШ в. текстов русского происхождения — показатели сравнительно позднего сложения основной части фольклорного репертуара Гомельщины. В среде, пользующейся говором белорусского типа, тексты украинского или русского происхождения зачастую не осознаются как заимствование, имеющее точный этнический адрес. Эти тексты адаптируются к нормам местного говора и нередко представляют собой более или менее удачные переводы, многие из которых выполнены, вероятно, не нынешним кругом исполнителей.

Под слудом этой массы фольклорного репертуара с трудом обнаруживаются немногие, но чрезвычайно знаменательные фольклорные формы, которые можно назвать местными именно потому, что за пределами Гомельщины и прилегающих мест найдены лишь параллельные формы, восходящие, по-видимому, к общему генетическому источнику.

Представления о фольклорной традиции на Гомельщине непременно уточнялись бы, а, может быть, и если бы существенно пересмотрены, если бы:

- 1) проводилось последовательное, планомерное и целенаправленное обследование на фольклор сел Гомельщины и соседних районов;
- 2) систематизировались фольклорные записи (печатные и архивные), когда-либо сделанные на Гомельщине;
- 3) были получены от историков подробные сведения по миграциям населения, включая внутренние миграции, и по истории сложения населенных пунктов Гомельщины.

Л.М.СОЛОВЕЙ (Минск)

ЮЖНОБЕЛОРУССКАЯ БАЛЛАДА "ПОЛОНЯНКА ГУБИТ СЕБЯ, ЧТОБЫ НЕ ОСТАВАТЬСЯ В ТАТАРСКОЙ НЕВОЛЕ"

Тема татарского (турецкого) полона в белорусском фольклоре раскрывается в довольно большом количестве сюжетов, которые, как правило, имеют близкие соответствия в фольклоре других славянских народов. Рассматриваемая баллада относится к наиболее редким, она зафиксирована только на ограниченной территории юга Белоруссии (Слущкий, Солигорский, Стародорожский районы Минской области, Речицкий, Хойникский, Лельчиц-

кий, Петриковский районы Гомельской области), один фрагментарный текст записан в прилегающей Житомирской области УССР.

Баллада о девушке-полонянке не встречается ни в дореволюционных публикациях, ни в старых рукописных собраниях. Все варианты ее записаны в послевоенное время, впервые она была опубликована в двухтомнике белорусских баллад. Исследование этого сюжета недостаточно, так как кроме наших кратких замечаний и содержательных, но сжатых заметок Ю.И.Смирнова ей не было посвящено ни строчки. Ю.И.Смирнов, рассматривавший как опубликованные варианты (три текста), так и свои собственные записи, привлек внимание к этому интересному народному произведению. Целенаправленные поиски этой баллады, предпринятые во время ежегодных фольклорных экспедиций, не дали желаемых результатов, однако несколько новых записей отыскано в архивах. Так, довольно полный и интересный вариант выявлен в записях студентов Гомельского университета. К сожалению, запись проводилась неопытными собирателями, не зафиксировавшими даже место, где этот сюжет был ими обнаружен. В 1977 году студентами ГГУ записан также прозаический текст, где начальный эпизод данной баллады — рассказ о гибели старших сестер и пленении младшей — contaminated со сказкой о девушке в плену у разбойников, где ей запрещается заглядывать в одну из комнат ("Ва ўсе пакоі хадзі, а ў гэты не заглядай"). Дальше следуют эпизоды нарушения запрета и счастливого освобождения из плена с помощью будущего брачного партнера и возвращения домой с богатой добычей — счастливое окончание, характерное для сказок, а не для баллад. Краткий, но по-своему завершенный вариант записан студентами Минского пединститута. Действие здесь обрывается тогда, когда мать плененной девушки, превратившись в кукушку, прилетает в татарский сад и видит свою дочь, которая в том саду "татарка ятак за ручкі водзіць". Обрывающаяся, неполная завершающая строка говорит о том, что певица, очевидно, забыла продолжение песни и решила наскоро ее "закруглить".

Из всех известных вариантов наибольший интерес представляет запись, осуществленная в 1948 году и только недавно обнаруженная в архиве Института искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук Белоруссии. Текст еще нигде не печатался. В нем удачно сочетается полнота, логичность развития действия и последовательность изложения с живостью рисунка, его локализмом и строгостью. Композиция баллады отличается гармоничностью, большое значение в ней приобретают тройные

ни с нарастанием, мастерски комбинируется рассказ от ав-
тора с внутренним монологом, динамичными диалогами. Трудно
найти другую белорусскую балладу, где бы идея любви к родной
земле, преданности роду была бы решена так художественно убе-
дительно и ярко. Только по одному этому тексту можно судить,
что певица Ева Баранчик, исполнительница этой замечательной
баллады, была выдающейся хранительницей традиционного народ-
ного творчества, владеющая абсолютным фольклорным чутьем, не
желающим ей допустить ни одного случайного слова, ни одно-
го лишнего звука. Все важнейшие этапы в развитии повествова-
ния — обстоятельства гибели старших сестер и пленение татарами
младшей, плач матери и оценка ею своих утрат, превращение в
птичку, прилет в татарское селение, изображение наблюдаемых
картинок быта татар, гибель дочери-пленницы — встречающие-
ся в других текстах, как правило, не в полном наборе, здесь по-
длиннее и полно развернуты.

Интересно объяснение материнской оценки утрат, из которых
самой страшной считается не гибель, а полон и насильственный
перевод в чужую землю. В балладе нет сцен жестокости, издева-
тельства над полонянкой, ее страдания глубоко душевные, вызван-
ные разлукой с родным краем, о котором напоминает ей мать-
кушка. Это понимает свекровь невестки-полонянки, когда пре-
упреждает сына, советуя быть настороже с женой, не дать ей
возможности совершить самоубийство:

“Бо зязюлька з саду не злятае,
Бо к яе сэрцу нуда прыпадае.”

Возвеличение патриотических чувств героини особенно выра-
зительно подчеркивается глубоким уважением, с которым отно-
сятся к ним ее поработители. В заключительных строках балла-
ды мать-татарка упрекает сына за невыполнение им материнских
предостережений и велит ему:

“Пахавай яе, сынок, на высокай гары,
Каб ей былі відны мацерышы краі.”

На наш взгляд, эта баллада представляет собой не слияние
в одно целое двух независимых общеславянских сюжетов, а есте-
ственное включение распространенного в Белоруссии мотива о
превращении матери в птицу в сюжет о девушке-полонянке.

П.П.ЧУБИНСКИЙ КАК СОБИРАТЕЛЬ И ПУБЛИКАТОР ФОЛЬКЛОРА БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ

В отличие от экспедиций С.Максимова и М.Дубенского, которые направлялись в 60-х годах XIX ст. Русским географическим обществом с целью фольклорно-этнографического изучения населения этого края и, фактически, не выполнили поставленных перед ними задач по причине слабой подготовленности в области народного творчества, П.П.Чубинский (1839-1884) зарекомендовал себя в научных кругах опытным этнографом.

Уже с самого начала П.П.Чубинский придавал своей экспедиции серьезный научный характер. Накануне поездки в предполагаемые районы работы было разослано несколько специально разработанных программ. Кроме того, он широко привлек к своей работе ученых, композиторов, учителей, сельскую интеллигенцию. В результате за сравнительно короткое время был собран огромный материал, среди которого значительное место занимал белорусский фольклор: 400 песен, главным образом, свадебных, 25 сказок, 5 описаний свадебных обрядов, вошедшие в его семитомное издание "Труды".

Со своей экспедицией П.Чубинский обследовал Мозырский и Пинский уезды Минской губ., Кобринский, Слонимский, Пружанский и Брестский уезды Гродненской губ.

В истории белорусской фольклористики второй половины XIX ст. деятельность П.Чубинского справедливо необходимо связать с началом действительно научного собрания устного народного творчества белорусов.

Основной песенный материал, собранный П.Чубинским на белорусском Полесье, напечатан в четвертом томе его "Трудов" и насчитывает 80 номеров. Это, за небольшим исключением, свадебные песни. Из м.Давид-Городок представлено 11 текстов из м. Туров Мозырского уезда - 13, из д.Михалково Мозырского уезда - 30, из д.Плотники Пинского уезда - 7 и из д.Мокрыни Кобринского уезда - 4.

Рассматривая эти свадебные песни с точки зрения лингвистики, академик Е.Ф.Карский заметил, что в их языке "больше малорусских особенностей, чем белорусских". Действительно, украинский элемент здесь преобладает.

Однако, это совершенно не дает никаких оснований относить собранные экспедицией П.Чубинского песни и сказки на белорусском Полесье к украинскому фольклору или видеть в этом мате-

нале украинский субстрат. Украинский элемент выразительно обнаруживает себя в фонетике текстов, однако лексический состав, сюжеты произведений красноречиво свидетельствуют, что они близко стоят к белорусскому фольклору, а во многих случаях имеют бесспорно белорусское происхождение. Варианты таких песен, как "Ой ты, вярба кудрявая", "Зелений дубочак", "Шчодры вечор, добры вечор", "Мій батько – велєк явір", "Ой, гора ж мая крутая", "Паєхлў Сямён поле араі" и другие, широко известны на всей территории Белоруссии и неоднократно печатались в белорусских дореволюционных изданиях еще до записей П.Чубинского.

Белорусское Полесье, занимая промежуточное положение между центральной Украиной и Белоруссией, образует особый этнический регион, в котором глубоко переплелись народные традиции, культура и язык белорусов и украинцев.

Два культурно-этнические и языковые течения, встретившись в одном русле, дали качественно новое явление духовной и материальной культуры этих близко родственных народов. Для компаративистского метода изучения белорусов и украинцев Полесье дает особо ценный экспериментально-аналитический материал. В этой связи наиболее плодотворным, научно-оправданным, нам представляется, будет не выискивание преимуществ элементов того или другого народа, не поиск чего-то из ряда вон выходящего, а выявление того характерного, типичного для этого региона, того общего, наконец, что объединяет эти народы, что сохранилось в нем из далекого прошлого.

Именно на этом пути стоял П.Чубинский. Своими трудами он осуществил поистине научный подвиг. В истории украинской и белорусской фольклористики имя его открывает особую страницу.

А.С.ФЕДОСИК (Минск)

САТИРА И ЮМОР В ФОЛЬКЛОРЕ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ (народной прозе и обрядовой поэзии)

Известные дореволюционные фольклористы П.В.Шейн, Д.Г.Булаковский, Р.С.Земкевич, М.Федоровский, П.П.Чубинский, М.В.Довнар-Запольский, А.К.Сергпутовский, И.А.Сербов и многие другие оставили богатое фольклорно-этнографическое наследие, собранное ими в Белоруссии, в том числе в Полесском крае. Сатирические и юмористические произведения различных жанров в этом наследии занимают значительное место.

Из прозаических сатирико-юмористических жанров особенно

популярными в народе были сказки, анекдоты и жарты, многие из которых записали М.Федоровский, А.К.Сержлутовский, а также советские фольклористы. Идеино-художественное содержание произведений разнообразно. Особую ценность представляет группа белорусских народных сказок, рассказов и анекдотов острой социальной направленности. Художественным совершенством характеризуются произведения, записанные от белорусов-полешуков Сержлутовским. В остром комическом плане изображаются в них классовые враги трудящихся – барин, поп, хсендз, кулак. Остроумно обличаются и высмеиваются в этих произведениях также пороки людей и их недостатки.

Анекдоты и жарты ярко свидетельствуют о чрезвычайно тонком владении крестьянами-полешуками чувством юмора, об их остроумии, мудрости, оптимистическом отношении к окружающему миру, трудной крестьянской жизни. Как и жители других регионов страны, известные своими анекдотами (пошехонцы, марковцы и др.), полешуки умеют посмеяться над другими и над собой, приписывая себе различные нелепые поступки: они тащат вола на дуги, чтобы примерит ярмо ("кульбаку"); сыплют соль в колодезь, чтобы вода всегда была соленой и не было нужды возить издалека соль; не имеют представления о сапогах, о назначении серпа и т.п. Анекдоты и жарты такого типа дошли в активном бытовании до советского периода.

По-разному подходили к анализу и оценке анекдотов "о глухцах" исследователи. Н.Ф.Сумцов и А.Пельтцер видели в них только "комический элемент" и не замечали остроты ума, глубокого подтекста, способности простых крестьян едко посмеяться над классовыми противниками и над собой.

Разнообразно и песенное творчество белорусов Полесья. Добродушный юмор преобладал в колядках и шедровках – песнях этого цикла земледельческого календаря. Шуточный характер носили многие масленичные песни.

Из весеннего цикла особый интерес представляют волочечные песни, близкие по структуре, содержанию и характеру юмора к колядкам и хорошо сохранившиеся на Полесье. Лучше, чем в других регионах, сохранились здесь и кустовые песни. Вместе с интересными театрализованными обрядовыми действиями юмористические песни земледельческого календаря играли большую роль в создании атмосферы веселья и смеха во время народных празднеств.

Юмористические произведения занимали значительное место

мейно-обрядовой поэзии белорусов Полесья. Национальный ритм носил юмор в крестинных и свадебных песнях, богато представленных в устной поэзии этого региона.

И.В.ЧАКВИН (Минск)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОНИМИКА ПОЛЕСЬЯ

Одни из наиболее ранних этнонимических форм, которые бы- распространены в Полесье в эпоху раннего средневековья, — н. союзоплеменные этнонимы типа "дреговичи", "древляне" и т.д., судя по ретроспективным описаниям XII-XIII вв., были до- статочно автономны и подменялись иногда только более общим понятием "славяне", а позже — "русь", "русичи", "русины". В пе- риод феодальной усобицы общее понятие "русы" начинает часто заменяться в Полесье на локальные этнонимические определения типа "туровцы", "пиняне", "лучане", производные от названий го- родов — центров отдельных княжеств, земель и волостей. Эти локальные формы заменяли главным образом древние союзопле- менные этнонимы и находились в иерархическом подчинении от более общего понятия "русы".

В исторических документах XIV-XV вв. встречаются поч- ти все ранее распространенные в Полесье этнонимические фор- мы, за исключением разве что союзоплеменных этнонимов и наиболее архаичной — "славяне". В это же время получают рас- пространение локальные этникины с наиболее узким ареалом бытования — в рамках отдельных полесских поветов типа "мо- зыряне", волостей — "столицы" и даже определенных сельских общин — "выгоноши".

К этому же времени относится появление в Полесье та- ких этнонимических форм, как "литвины" и "полесяне". Поня- тие литвины в потестарно-государственном звучании обладало наиболее широким ареалом распространения и, охватывая зна- чительную часть восточнославянского (главным образом бело- русского) населения Великого княжества Литовского, подменя- ло подчас даже и этноним "русские", "русские". Название "пол- есяне" было распространено в это время в самых западных об- ластях Полесья и было в значительной мере автономно, о чем свидетельствуют тексты, где оно перечисляется в одном ряду с названиями "литвины", "вольняне", "мазуряне" и т.д.

В XVI в. на страницах исторических документов начинает появляться название "полешуки", которое постепенно к XVII —

XIX вв. становится одной из наиболее характерных этнонимических форм Полесья, обладающей в то время значительной автономностью. Однако, начиная с XIX в. процессы этнической консолидации белорусской и украинской капиталистических, а затем и социалистических наций, способствовали ослаблению локального этнонимического самосознания населения Полесья и распространению там основных этнонимов "белорусы" и "украинцы".

Материалы первой половины XX в. и полые данные 70-80-х гг. свидетельствуют о сохранении в Полесье большинства исторически традиционных этнонимических форм, многие из которых, правда, изменив меру своей актуальности, имеют уже более узкие ареалы распространения. Так, значительно сократились границы бытования названий "русские", "русские", а также многих локальных определений. Сократился ареал бытования названия "полешуки" который контурно распространяется главным образом в широких контактных зонах между полешуками и якающими, якающими, цекающими, дзекающими литвинами (на северо-западе Полесья - Пружаны-Берега-Коссово-Бытень) и внутри его, а также - украиноязычными "волинцами", "волинками" (на юго-западе Полесья - Любомль-Ковель-Луцк-Ровно). Внутри этих контуров полешуки часто этнонимически дифференцированы, но семантика их этнонимов уже чаще ландшафтно-морфологического типа - "полешуки-багноки" (районы Малориты и Дивина), "заречанье", "загородцы" (Пинщина), "замшуки" (Мозырищина), "подгушанцы", "полюхи" (Кобринский и Брестский районы); "поляне", "полевики" (Клецкий и Слуцкий районы). Ряд экзоэтнонимических определений отражает некоторую локальную языковую специфику различных групп полешуков - типа "полешуки-гетуны" (Погорынь), "полешуки-гидуны" (между Брестом и Пинском), а также особенности одежды и внешнего облика - типа "косныки", "торбачи", "пытлачи" и т.д.

Ареал бытования еще одно из распространенных ранее названий "литвины" - в Полесье не очерчивает единой зоны, а составляет ряд своеобразных островков, внутри которых соответствующее этнонимическое самосознание также ослаблено, но контрастно выступает в широких зонах контактирования непосредственно с "полешуками". В ряде полесских областей общее название "литвины" дополняется определениями, подчеркивающими отдельные особенности говоров - "литвины-хачоны" (между Столиным и Ракитным и между Коссово и Лунином), "литваки-колыбанюки" (между Столиным и Костоподем), их специфические

характер места обитания — "литвины-черняки" (Пружан-
ин), "поречуки" (Погорынье) и т.д. Иногда, и особенно
в восточных областях украинского Полесья, соседи лит-
вы бывали их "литвинами-белорусцами" или "литвинами-бе-
лорусами" (Черниговщина, Киевщина).

Семейное бытование этнонима "белорусы", так же, как и
этнонима "украинцы", — весьма характерное явление для современ-
ноэтнонимической ситуации на Полесье. Эти этнонимические
этнонимы наиболее устойчивы и стабильны, тогда как, например, от-
нонимические этнонимы не распространяются далее определен-
ной географической зоны, вне которой они заменяются на более
общие — "литвины", "полешуки" или на соответствующие этнони-
мы — "белорусы" и "украинцы".

1У. ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Т.А. АГАПКИНА (Москва)

О СПЕЦИФИКЕ ПОЛЕССКОЙ КАЛЕНДАРНОЙ ПРОЗЫ

В фольклорной традиции Украинского Полесья и южнорусских
областей выделяется достаточно многочисленная группа фабуль-
ных поверий и примет, имеющих календарный характер. С извест-
ной долей условности они могут быть включены в восточнославян-
скую сказочную прозу на правах самостоятельного тематичес-
кого раздела — календарной прозы.

Календарные поверья и приметы фабульного типа являются
специфической формой объективации и хранения определенной сум-
мы календарных сведений и представлений, а также мотивации
природных явлений, связанных главным образом со сменой вре-
мен года. Эта "целевая установка" календарной прозы и, в част-
ности, ее этимологический характер предопределяет основные ее
функции: предсказание-прогноз, "моделирование" знания, его пе-
редача в традиции.

Развитие сюжетного начала в произведениях календарной
прозы осуществляется путем последовательной фабуляризации
кратких календарных поверий и примет (часто, паремического
типа). К исходным формам календарной прозы, поэтому, принад-
лежат тексты, отмеченные минимальной повествовательной раз-
работкой основного представления и практически равные ему в
смысловом плане; ср., напр., краткий вариант поверья:

"Кажуть, що на Обертенне повертаєця уся птица назад", — приуроченого к 24 февраля, с его фабульным дубликатом: "Вже на Обертенне обернуця с холодної сторони до тепліна птахі. Там вже холодно, а в нас теплей, то вони до нас вертаюця".

Специфика развития календарной прозы (как и несказочной, вероятно, вообще) обусловлена, в частности, и тем, что ее повествовательные возможности не зависят от характера и объема заложенной в ней информации. Два варианта, имеющие тождественную смысловую нагрузку, могут существенно отличаться друг от друга по своей типовой принадлежности, степени "орнаментальности" текста и ряду других показателей. Ср., напр., две записи календарного поверья о прилете птиц ко дню трех святых и сорока святых: "На сорока святых путящий жаворонок должен прилететь. Бывает, и на трех святых прилетает, но те не путящие, прилетить и следнеть" и "Кажуть, що на Трох святых вилітіло з вирію три бузьки до нас, щоб зповістити, що весна іде. И от коли на цей день дуже сильний мороз, то кажуть, що ці бузьки не долетели до України, бо їх мороз заморозить и вони померзнуть. А на Сорока святых — це вже вилітіло сорок бузьків и тоді пора, вже справна весна". Не вызывает сомнения, что первый вариант реализует тип "сообщения", проводящая информативную направленность текста, лаконичность изложения, а также форму настоящего времени глагола. Второй же представляет собой сюжетный рассказ, в жанровом отношении близкий преданию; отсюда событийная форма подачи материала, насыщенность текста переходами и мотивировками, прошедшее время глагола.

Фабульное развитие традиционных примет (слабо выраженное по сравнению с поверьями) идет обычно по пути преодоления утилитарно-прогностической семантики самой композиции приметы: "если есть (будет) "а", то есть (будет) и "б". Стилистику приметы предания формируют в этом случае динамические связи, кумулятивные повторы, отдельные детали, ссылки на "старых людей", иные формулы "достоверности" и пр.; см., напр., сюжетный вариант приметы: "Когда свистнет бабак, начнется весна", приуроченной к 1 марта: 4 "Старі люди кажуть, що на цей ден Байбак влізе з нори й свисне раз та й заховаєця, то це буде две неділі холодно, а як Байбак свисне разів три та ще посиде над норею, то за тиждень ростане и почнеця весна".

Особую группу в разделе календарной прозы составляют тексты легендарного характера, появление которых обусловлено своеобразной "мифологизацией" содержательного ядра кратких

паремических поверий, персонификацией их основных слагаемых. Возникающий при этом календарный сюжет в смысловом плане значительно превосходит объем соответствующей паремии и строится обычно как развернутый комментарий к ней; само же поверье-паремия сохраняется в тексте в качестве начальной формулы. Такая композиция (формула + объяснительно-комментирующий сюжет) характерна для целого ряда полуфольклорных прозаических форм (главным образом, для рассказов о гаданиях, "вызываниях" и пр.).

"Легендарная" группа календарной прозы (как и группа преданий) представлена рядом типовых модификаций текста; к ним относятся, с одной стороны, традиционные "сообщения", напр., "На Стрітєння зустрічаються зима з літом и борються, хто кого приборе" (поверье) или "Коли ўже на Стречєне, як зима з літом стрєчаєца, холодно и мороз, цє зима поборола літо, будє дольня зима" (примета); с другой, легендарные рассказы, информативная функция которых, по сравнению с "сообщениями", значительно снижена, ср., напр., следующее поверье-рассказ: "Стрїчаєца зима з літом. В пятницю вони поб'ються и літо прожине зиму, літо скаже до зими: "Тїкай, уже годї тобі пакувати, вже зїли все, що я пристаралась". Зима стане плакати й будє тїкати", - с приметой-рассказом: "Як уже на Стрїченє будє война між зимою і літом, то будє так, що годиною будє сильний мороз, цє зима церемогла літо. А як годиною будє сонєчко тепло, гарно, то літо паремаєє зиму. И так борба йде аж до самого вечора. Буває так, що на другий день після Стрїчення буває ясно, тепло, паче весняного теплого дня, то кажуть, що будє вже висна. А на другий день знов мороз, цє вже кажуть, що зима вертаєца назад і хоче побратися ще з літом".

Представленные в докладе материалы демонстрируют повествовательные возможности календарной прозы, позволяющие считать ее межжанровым явлением, соединившим в себе черты нескладочной прозы, традиционной паремии и календарного фольклора.

Н.А.АРТАМОНОВА (Москва)

О НАЗВАНИЯХ ОКОНЧАНИЙ РАБОТ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АРХАНГЕЛЬСКИХ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ)

1. Предметом сообщения является группа слов, обозначающих окончание циклов летних сельскохозяйственных работ и ра-

бот, связанных со строительством дома.

Работы по строительству дома и сельскохозяйственные работы восходят к старым формам коллективной взаимопомощи и сохраняют традиционные элементы обряда. Они представляют собой ряд последовательных этапов, отдельных стадий, имеющих в говорах определенные названия (окладное – закладка дома, дымозое – завершение строительства печи и др.).

Анализ этой тематической группы показал, что она представляет собой в Архангельских говорах определенную лексико-семантическую микросистему и имеет ряд чисто языковых особенностей – в семантической структуре слова, в способах номинации, в словообразовательных моделях.

2. В семантической структуре слов, входящих в данную группу лексики, выделяются, помимо прочих, два значения: 'окончание работы' и 'празднование по случаю окончания работы'. При этом второе значение является результатом метонимического переноса. (Ср. например, известное и в других диалектах восточнославянских языков слово борода).

На основе семантического переосмысления слова рассматриваемые значения появились у слов, представляющих собой названия блюд, кушаний, которыми кормили в последний день работы тех, кто принимал участие в уборке урожая (каша, саломат, фила).

В ряде случаев эти значения существуют нерасчлененно.

3. Все слова, относящиеся к изучаемой группе лексики, представляют собой мотивированные слова.

Рассматриваемый материал позволяет выделить основные, характерные признаки, которые легли в основу названия, однако оказывается, что принципы номинации в разных группах лексики различны.

Наиболее распространенными в группе лексики, обозначающей окончание сельскохозяйственных работ, являются названия, соотносимые с действиями субъектов. Здесь выделяются названия, обозначающие: 1) окончание сева – обсевное, отсевное; 2) окончание сенокоса – догребеха, выкоски, откосное; 3) окончание жатвы – дожники, выжинки, пожинаха, отжатное; 4) окончание молотбы – вымолотка, о(б)молотное.

Группу лексики, связанную со строительством дома, составляют наименования, соотносимые с объектом действия – коньковое, матичное, окладное.

4. Общность в семантике слов дополняется общностью в словообразовательной структуре данной группы.

При известном разнообразии используемых словообразовательных средств выделяется одна продуктивная для этой группы лексики словообразовательная модель. Значительная часть слов представлена субстантивированными прилагательными в форме ср. рода на -ое: бородное, вороховое, докосное, дымо - вое, князевое и др.

5. Сопоставление изучаемой лексики с соответствующей лексикой других русских говоров, а также с лексикой украинского и белорусского языков обнаруживает много сходного.

Л.Н.ВИНОГРАДОВА (Москва)

МАТЕРИАЛЫ К ПОЛЕССКОМУ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ АТЛАСУ: ПОВЕРИЯ О РУСАЛКАХ - "ПРОВОДЫ РУСАЛКИ"

Комплекс поверий, связанных с русалками, хотя и представляет собой достаточно цельную для всего Полесья картину, однако по целому ряду характеристик дает возможность проследить некоторые локальные варианты внутрисполесских различий.

1. По вопросу о происхождении русалок наиболее устойчивой формой является ответ, характерный для всей исследуемой территории, - "русалками становились девушки, умершие на Русальной неделе (или на Троицу)", реже - "родившиеся на Русальной неделе". Второй тип ответа: "девушки, умершие зарученными, до свадьбы (или девушки, умершие незамужними)" - встречается преимущественно в зоне Западного Полесья. Менее ясно пока локализируются варианты ответов: "дети, умершие некрещеными", и "утопившие девушки".

2. Характеристики, касающиеся внешнего вида русалок, можно свести к двум основным типам: А) молодые девушки, красивые, с длинными волосами, с венком на голове, обнаженные или в белом, иногда - как невесты в фате; б) немолодые, голые, страшные, растрепанные, заросшие ("как маузы"), "щипки велики" или "железные щипки", которыми русалка может задушить, истолочь в ступе и проч.

Первый тип русалок в большей степени известен в Западном Полесье (с тенденцией распространения на территорию Украины). "Страшные" - более последовательно локализируются в Гомельском и Пинском Полесье. Изредка встречаются сопутствующие этому облику детали: "сидят в жите с толкачем, сту-

пой, пральником в руках" или "вымазаны дегтем, грязью, смолой" и проч.

К этим двум типам внешности примыкают следующие устойчивые варианты: "водные русалки" (полуженщина-полурыба) и нейтральное изображение "женщины с распущенными волосами". Оба варианта — немногочисленных свидетельств, разбросанных территориально.

3. Наиболее традиционными и устойчивыми по всей зоне Полесья следует признать поверия о времени и месте появления русалок. Они появлялись, как правило, только на Русальной неделе (или на Троицу) и чаще всего в жите (в поле льна, в конопле, на межах полей), причем обычно момент их появления совпадает со временем цветения ржи ("як жито красуе"). По многочисленным данным, ответы на вопрос о месте пребывания русалок варьируются в одних и тех же пунктах: "в жите и в воде", "в жите и в лесу", "в жите, на перекрестках и в воде", "в лесу, на межах, у воды, в конопле" и т.п. Когда местом их пребывания указывают лес, то всегда акцентируется, что они сидят на деревьях ("на дерави сидяць", "на берозе падкалыхиваються", "по дубах лазили", "с берозы спускаюцца" и под.). Наиболее последовательно отмечена связь русалок с березой. По предварительным данным, можно отметить преимущественную зону распространения ответов "появляются в жите и на деревьях" — в районе Восточного Полесья, а вариант: "в жите и в воде" — в районе Западного Полесья и южнее на территории Украины.

4. Исключительно важным для понимания специфики образа русалки является вопрос о том, куда они исчезают после Русальной недели. Наиболее популярными вариантами ответов можно считать следующие: "на тот свет" ("у могилки", "у землю", "у гроб", "на кладбища"), "в реку (море, болото, в воду)", "в лес утिकाють". Первый тип ответа — наиболее многочисленный — связан с широко бытующими в Полесье представлениями о том, что "русалки — це мертві душі", "мерці", "мэртвый народ", "з мертвецоў яни, уроде", "из неживых людей" и под. Соответственно считается, что "после Русального тыжня (они) идут на свое место, у гроб, у могилки".

5. Особое место в комплексе полесских поверий о русалках занимает обряд "Проводов русалки", приуроченный к Русальной (или Троицкой) неделе (реже — ко дню Ивана Купалы). Зона его распространения довольно четко локализуется в границах Восточного Полесья (Гомельско-Брянско-Черниговско-Житомирское пограничье). Роль русалки в обряде исполняет девушка, которую

украшают зеленью, цветами (иногда фиксируется указание: "полностью завешена зеленью"). Традиционный элемент ряженья — венок (из веток березы, из цветов, хмеля, папоротника, крапивы) или распущенные волосы и венки. Более редкие свидетельства о "страшном" облике: "у грази мажецца", рядили "старую бабу, горб подкладывали" и др.

Основным структурным компонентом обряда было шествие с "русалкой" в жито или на кладбище (реже в лес, за село, к реке, вдоль села), где венки с "русалки" старались сорвать и часть зелени унести к себе на огород (на капусту) — для урожая, а от "русалки" все разбегались и возвращались в село. Иногда включался момент разжигания костра и перепрыгивания через него.

Характерно, что в зоне распространения обряда "Проводов" в значительной степени ослаблена традиция бытования поверий о русалках, т.е. трудно получить ответы на вопросы о традиционных представлениях о русалках (кто ими становился, как они выглядели, когда и где появлялись, куда исчезали, чем были опасны для людей и проч.), так как все эти характеристики замещаются описанием ряженой "русалки" и обстоятельствами, сопутствующими обряду "Проводов".

Н.К.ГАВРИЛЮК (Киев)

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НА УКРАИНЕ НЕКОТОРЫХ ОБРЯДОВЫХ НОМИНАЦИЙ И ИХ БЕЛОРУССКО-РУССКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

В докладе рассматривается картографический материал, посвященный наименованиям двух этнографических реалий конца XIX — начала XX вв.: 1. родильного обряда очищения, 2. обрядовой ткани, которую дарили восприемники новорожденному в связи с его крещением. Этот материал отражает пространственную дифференциацию соответствующих названий на Украине и способствует установлению их исторической типологии. При сравнении карт выделяется, в частности, украинско-полесский ареал, где сосредоточены типологически ранние лексические варианты, а также варианты с показателем неустойчивости бытования или отсутствия картографируемого явления. Их локальное расположение позволяет говорить о трех подареалах Полесья: западном (подразделяющемся на волынский и ровенский варианты), центральном (о житомирско-киевском и черниговском вари-

антах) и восточном (черниговско-сумской вариант). Привлечение сравнительного материала по белорусам и русским показывает, что выявленные на севере Украины локальные варианты двух типов (наличие/отсутствие реалии-названия) продолжают в смежных районах Белоруссии и РСФСР, на основных территориях которых распространены отличные от полесских номинативные обозначения. Это указывает на существование в полесской части восточнославянского региона переходной этнолингвистической зоны, внутреннее членение которой на высшем таксономическом уровне имеет преимущественно меридиальное направление, обусловленное как древними историческими факторами, так и более поздними западно-восточнославянскими, украинско-белорусскими и украинско-русскими этнокультурными и языковыми связями. Сказанное подтверждается рядом материалов и выводов комплексного исследования Полесья ("Полесье и этногенез славян", 1983). Приведем наши примеры.

1. На карте, посвященной наименованиям обряда очищения водой (а не церковного обряда молитвенного очищения), выделяются прежде всего три ареала. Один из них - довольно узкий, западноукраинский, характеризуется отсутствием реалии-названия. Второй - свойственный большей части Украины, - представлен совокупностью терминированных словосочетаний типа "помити руки", "обмити руки", "злити на руки", "зливання на руки" и т.п. Ему территориально противостоит украинско-полесский ареал, где отсутствие обряда перемежалось с его бытованием преимущественно на Ровеничине и на востоке Полесья под названием "зливки"; термин повторялся главным образом в ареале, охватывающем восточную часть Карпат, Буковину и юг Подолня. По устному сообщению белорусских этнографов (Т.И.Кухаренок) обряд не имел широкого распространения и в белорусском Полесье, но если встречался, то с тем же обозначением - "злівкі" (с. Ольшаны, Столинск. р-н; Ельск Гомельск. обл., Л.В.Шейн, 1902); ему соответствовали в других местностях Белоруссии названия "змывать мур", "змуркі", "муравінкі". Не практиковался обряд и у русских некоторых мест Брянского Полесья (с. Гетманская Буда, Новый Ропск, Климовск. р-н), в то время как на южно- и центрально-русских территориях он был хорошо известен под названием "размывать руки", "размывки", "обмывки", "умывать руки". Интерес представляют локальноукраинские номинации реалии - "йти (вести) в рай" (восток Харьковщины), "проша" (горная часть Карпат, где этим термином обозначался не только родильный

обряд очищения, но и фрагмент свадебного и погребального ритуалов). Перед нами калька древнерусского слова "проша" (прошение), сохранившегося на севере России в значении священных мест с целебными источниками, родниками.

2. Распространение номинаций обрядовой ткани для новожденного представлено двумя основными ареалами: общеукраинскими со словом "крижмо" и полесско-украинским, который включал в себя три разновидности наименований — "плашик" (западный подареал), "хрешик" (центральный), "увівоч", "увівочо" (восточный); термин "завивоч" как островной встречался в восточных Карпатах (с. Лазищина, Раховск. р-н). В качестве единично зафиксированных обозначений выступают "покривець" (с. Саксагань, Пятихатс. р-н Днепроп. обл.), "слабо" (с. Згуровка, Прилукск. р-н Черниговск. обл.). К числу украинско-белорусских соответствий относится брестско-полесское "плашик", центральнобелорусское "мятлик". У русских Брянско-Полесья имели место тождественные восточнотранскополесским термины "увивоч" (с. Гетманская Буда), "увивальник" (с. Новый Ропск), которым соответствовало центрально- и южнорусское слово "ризка", встречающееся также у русского населения Харьковщины.

П.Е.ГРИЦЕНКО (Киев)

К ВОПРОСУ О СООТНОСИТЕЛЬНЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ЗОНАХ

Лингвогеографическое исследование говоров актуализирует проблему взаимоотношений диалектных зон, вопрос о функциональном статусе и генезисе общих элементов репертуара языковых единиц, моделей их структурной организации в территориально сопредельных (контактных) и отдаленных (соотносительных) зонах. Общие элементы и структуры соотносительных диалектных зон представляют особый интерес, так как могут диагностировать о единстве происхождения говоров, о взаимоотношениях говоров в древности, миграциях их носителей. Зоны с общими диалектными явлениями как в пределах одного языка (для украинского — это высокая частотность соответствий полесской и карпатской зон), так и между генетически или реально близкими языками. Общность языковых данных зачастую подкрепляется аналогичными свидетельствами этнографии, фольклора, т.е. изоглоссы, изосемы, изоструктуры налагаются или соприка-

саются с границами распространения явлений материальной, духовной культуры.

Для восточнославянского языкового континуума отмечена латеральная для Славии зона с большим количеством общих явлений языка, материальной и духовной культуры: русский Север-Псковщина – Белоруссия – Полесье – Карпаты (Н.Толстой). Новые наблюдения подтверждают наличие соотносительных зон: севернорусской и карпатополесской, севернорусской и полесской, севернорусской и карпатской. Поэтому первоочередная задача состоит в максимально полной инвентаризации общих элементов (что во многих случаях способствует уточнению их локальных, временных и генетических характеристик), а также в определении релевантных признаков при квалификации сопоставляемых элементов как дифференциальных или интегральных.

Различные языковые факты имеют неодинаковую информативность; среди лексических групп повышенной информативностью обладает лексика, связанная с духовной культурой народа, более сохраняемая на протяжении веков. Наличие межзональных соответствий среди лексем указанной группы может диагностировать об общих для двух (или нескольких) этносов (или этнических групп) истоках духовной культуры. Так, много общих единиц репертуара демонимов, мифонимов (или их мотивирующих основ) отмечено в карпатской, отчасти – вольнской и севернорусской диалектных зонах: гуцульским наименованиями арідника 'бес', нічниця, нічнеці, кука, мара, пекун, блюд соответствуют севернорусские аред 'леший', 'колдун', ночница (+ производные от ноч-), кука, Мар, мара, Пекла, пекельник, блюд; кроме части общих с гуцульскими наименованиями в закарпатских говорах отмечен также мифоним красні 'мифическое женское существо, заманивающее в лес', которому соответствует словосочетание красна дева, обозначающее функционально идентичный денотат (р-и Печоры; Коми АССР); в бойковском говоре зафиксированы мифонимы літавица, сотона (фонет. оформление!), которым соответствуют севернорусские летун, летавец, сотона.

Репертуар общих элементов анализируемого семантического ряда дополняют мифонимы, которые не локализируются только в сопоставляемых зонах; лукавый, ман, мана (< 'манить', 'заманивать'), лысый, куц, куций, нечистая сила, оборотень, чародейник (в карпатских говорах – черед(г)ильник, чередильник), производные от черт, лес, дед, купала, ба(о)бай, тот, он, бес/бесиха, ведьма, упырь, опырь и др. Общими для наименований сопоставляемых зон (при специальном лингвогеографическом исследова-

нии их набор и география могут быть дополнены) являются и мотивы номинации, напр.: бойковское хованець, вихованок, гуцульское, закарпатское щезник – севернорусское скрытник (‘исчезать’, ‘скрываться’); много общего сохраняет структурная организация анализируемой лексической группы в сопоставляемых зонах.

Без специального исследования невозможно окончательно определить ареальные характеристики, генезис гуцульских мифов, много утративших из некогда четкой семантической структуры и сохраняющих диффузное значение ‘нечистая сила’: чугайсти(е)р, скаменювник, пламети, нотленні, молфар, градівник, чинатарі, чинатар (‘чинити’ – ‘воздействовать с определенной целью на что-либо’), стощик; тоже относится и к бойковскому парашка (ср.: словацкое *galach* ‘злой дух’, ‘нечистый’), к закарпатским наименованиям злых духов мальфы, повітруля, непевне, к закарпатскому названию змітча ‘умерший некрещенным ребенок, обретенный силой злого духа’ (на Вольни – потерча ‘то же’), к волынским перелесник, доля и др.; в результате специальных размышлений могут быть обнаружены соответствия приведенным наименованиям как в севернорусской, так и других отдаленных зонах. Даже заимствования, локальный характер которых не вызывает сомнений, зачастую имеют разной степени точности соответствия в отдаленных сопоставимых зонах, напр.: бойковское, лемковское, закарпатское босуркуп, бо(а)сурканя, босорка, возводимое к тюрк. *baş/t/ur yan* или к венг. *boszorkány*, имеет близкое по структуре узкорегionalное (вятское) соответствие бусурган, также возводимое к тюрк. источнику; севернорусские наименования домашних злых духов хохла, северо-западные хохлики (+ производные) ‘то же’, восходящие к финно-угор. источникам, также могут рассматриваться с учетом украинского бойковского хохлик ‘злой дух’.

Наличие общих элементов в сопоставляемых зонах еще не означает их функциональной идентичности в лексических микро-системах двух зон, а является только основой для установления функциональных соответствий/отличий, что также способно нести значительную информацию синхронного и диахронного планов.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К ПОЛЕССКОМУ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ АТЛАСУ: ДОЖДЬ ВО ВРЕМЯ СВАДЬБЫ

Как показывает предварительный анализ материала, собранного по программе и анкете для полесского этнолингвистического атласа (вопрос 1.9а программы и вопрос 3 анкеты), примета о дожде, идущем во время свадьбы, известна в Полесье в трех различных вариантах, которые в значительной степени противопоставлены и географически. В общих чертах уже можно выявить территорию распространения в Полесье каждого из трех толкований и указать на ряд соответствий к ним из других славянских зон.

Наиболее массовым, территориально охватывающим главным образом центральное Полесье (особенно Гомельскую обл. и север Житомирской обл.), является объяснение, согласно которому дождь во время свадьбы знаменует богатство для молодых (в ослабленном варианте — счастливую жизнь). Соотнесенность дождя с богатством, характерная для народной традиции (ср. напр., в толкованиях снов: дождь — к богатству), основывается на представлениях о дожде в связи с символикой плодородия. Примета о том, что дождь (или снег) во время свадьбы сулит молодым богатство, отмечена также у белорусов Слуцкого и Витебского уу. и у русских в Новгородской и Владимирской губ. У кашубов свадьба с дождем означает, что молодые в старости будут счастливы. У лужичан дождь также считается счастливым предзнаменованием, но лишь при возвращении невесты от венца.

Второе толкование — метафорического характера: если во время свадьбы идет дождь, значит молодые будут плакать (в ослабленном варианте — семейная жизнь будет несчастливой). Такая примета встречается в южном и юго-западном Полесье (включные и центральные районы Житомирской обл., в Ровенской и Волынской обл.), а также в польском Подлясье (Белостокское воеводство) и на крайнем востоке полесской территории (в Сумской и Курской обл.). В селах центрального Полесья, т.е. в зоне массового распространения толкования первого типа, такое объяснение в качестве самостоятельного не встречается. Оно отмечается на восточных и западных окраинах центрального Полесья, и лишь с основным для этой зоны объяснением — к богатству (счастью). При этом наличие в одном селе двух противоречивых мнений приводит иногда к ответам контактированного характера, как, напр., в Ковельском р-не: молодые будут веселиться до

слез (с. Уховещк). В Почепском р-не Брянской обл. (с. Семшы) записано отличное от остальных объяснение: бог плачет по невесте, выплакивает ей долю. Кроме того, примета о дожде во время свадьбы как предвестье слез в замужестве известна на Западной Украине (Львовская, Ивано-Франковская обл.), в юго-восточной Польше, у чехов и у лужичан (у последних — лишь в том случае, если дождь идет во время поездки невесты к венцу).

Третий тип — толкования на основе семантической оппозиции вода—огонь. Водную стихию здесь олицетворяет собой дождь, а семантика огня представлена предметами печной утвари (сковорода, горшок, котел); а также пригарами (подгоревшими остатками еды со сковороды или из горшка), пенками с молока, сметаной, шкварками, "подмазкой" (куском сала, которым смазывают сковороду), подгоревшей коркой хлеба, верхней корочкой на каше и т.п. Считается, что если в день свадьбы идет дождь, значит молодые прежде соскребали пригары со сковороды, или любили пенки с молока, или ели подгоревший хлеб и т.д. Такое объяснение распространено преимущественно в Белорусском Полесье — на западе (в Брестской и прилегающих районах Вольнской обл.) и на востоке (в Брянской обл.); в Гомельской обл. оно встречается лишь на пограничье с Брестской и Брянской обл. За пределами Полесья оно отмечено у украинцев Винницкой обл. и широко известно у македонцев и сербов.

С последним объяснением дождя во время свадьбы связано поверье, о том, что если дети будут соскребать пригары, есть пенки с молока и т.п., то когда они будут жениться или выходить замуж, будет идти дождь (вопрос 1,96 программы). Это поверье распространено в западном и северном Полесье, причем несколько шире, чем соответствующая примета о дожде во время свадьбы. Оно отмечено также в Малопольше и в Македонии. С теми же представлениями несомненно связано и севернорусское поверье: кто будет кости глотать, у того свадьба будет кутережная, т.е. с метелью, вьюгой (Кадниковский у.).

Среди других объяснений соскребания детьми (реже — беременными женщинами) пригаров, снятия пенки, съедания шкварок, "подмазки" и т.п. в Полесье известны еще следующие (многие из них также касаются свадьбы): дождь намочит поле, дети не будут бояться грома, быстрее женятся, будут богатыми в браке, гости на свадьбе будут выскребать ноги, будет лысый муж, шелудивый жених, ласковая теща, будешь смешливый, губатый, дети будут "хартавые", чистенькие, появятся бородавки,

морщины (сморщиться, скоро состаришься), будет драться одежда, будешь красивее, привлекательнее, у детей заведутся черви, не будет (или, наоборот, будет) болеть живот и т.д.

В.Е.ГУСЕВ, Ю.И.МАРЧЕНКО (Ленинград)

"СТРЕЛА" КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТИП ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА

1. В фольклоре восточных славян "Стрела" получила широкое распространение. Однако ее связь с весенней обрядностью сохранилась только в русско-белорусско-украинском пограничье (особенно в районах восточного Полесья).

2. "Стрела" в этом регионе исполняется на протяжении всего цикла весенних хороводов, но обрядовая функция песни выявляется в полной мере в тех случаях, когда ее исполнение непосредственно связано с первым выходом в поле для осмотра озимых хлебов или всходов льна.

3. Обряд вождения "Стрелы" имеет четко выраженную акциональную структуру; обрядовое действие включает ряд ритуальных действий: а) сбор участниц обряда в традиционном месте села под пение "Стрелы"; б) вождение хороводов; в) шествие широкими рядами под пение "Стрелы" от места сбора к полю; г) вождение хоровода в поле; д) перекачивание женщины или детей по полю; е) закапывание в землю различных предметов; ж) вырывание из земли или пригибание к земле колосьев; з) возвращение в село с песнями.

4. В акциональной структуре обряда существенную роль играют различные музыкально-хореографические формы: "танок", "кривой танок", завивание и развивание "жгута", круговые "карагоды" и т.п.

5. В материальной символике обряда преобладают ритуальные предметы, принадлежащие женской одежде. Другую группу ритуальных предметов составляют растительные символы.

6. Вербально-музыкальную структуру обряда составляют хороводные (таночные) песни, которые в соответствии с их обрядовым назначением делятся на две группы.

7. Первая группа песен, в которую входит и "Стрела", исполняется во время сбора и шествия по селу. Все песни объединяются одним напевом (напевом "Стрелы"), порядок их исполнения может быть регламентирован, традиционная форма исполнения — хоровой антифон.

Эта группа песен включает до одиннадцати самостоятельных сюжетов, образующих специфический песенный цикл, выполняющий в данном обряде ряд сигнально-организующих функций.

8. Вторая группа песен исполняется в круговых хороводах, которыми эпизодически прерывается шествие. Они же (хороводы) составляют музыкально-хореографическую основу заключительного этапа обряда. Напевы песен различны, но не выходят за пределы музыкально-стилевых характеристик хороводных песен, порядок исполнения произвольный, набор сюжетов в различных селах вариативен.

9. Помимо общих для песен первой группы сигнально-организующих функций, "Стрела" выполняет специфическую, присущую только ей функцию – магическую: только она закрывает цикл таночных песен, открывает обряд "похорон Стрелы", с ее звучания начинается шествие в поле.

10. Напевы "Стрелы" характеризуются сложным сочетанием музыкально-стилевых особенностей, типичных для весенних загукальных песен с одной стороны и для хороводных – с другой. При этом в мелодике напевов различных местных традиций какие-либо из данных особенностей оказываются преобладающими.

11. Вождение "Стрелы" как сложный региональный тип обряда реализуется в ряде локальных вариантов (варьируются все элементы акциональной, предметной и музыкально-вербальной структур), что вызывает необходимость сравнительного изучения этих вариантов и применение комплексного подхода к обряду в целом.

12. Вождение "Стрелы" следует рассматривать в типологическом ряду других весенне-летних обрядов. Среди них "Стрела" занимает особое место: ее пограничный характер определяет присущие ей полисемантику и полифункциональность, преобладание аграрной продуцирующей магии.

Н.П.ДЕЙНИЧЕНКО (Сумы)

ВОСТОЧНОПОЛЕССКАЯ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКАЯ НОМЕН- КЛАТУРА

Народная энтомонимика Восточного Полесья включает как наименования, свойственные украинскому языку (в своих фонетических, акцентологических и словообразовательных вариантах), так и наименования собственно диалектные. Среди последних, с одной стороны, выделяются названия, распространенные как в

Восточном Полесье, так и в других украинских говорах, а с другой – названия, присущие лишь восточнополесской зоне.

Мотивы выбора номинативных единиц весьма разнообразны: внешний вид, голос, время размножения, место обитания, предмет пищи, выполняемые действия, сходство с другими насекомыми и т.п.

В связи с пестротой мотивирующих признаков в говоре функционируют различные названия для одного и того же биологического вида. О богатстве энтомологической номенклатуры свидетельствуют следующие примеры полилексии: кузька хлебный имеет 31 наименование, медведка обыкновенная – 29, коровка семиточечная – 27, стрекоза обыкновенная – 21, жук-олень – 18, кузнечик зеленый – 15 и т.д.

Анализ собранного материала позволяет выделить 10 мотивирующих признаков, лежащих в основе наименований насекомых: 1. Внешние признаки:

1.1. прямая номинация:

1.1.1. вид определенного органа: окар 'павлиний глаз дневной', носатик 'слоник-свинка свекловичный', рогати жук 'жук-олень';

1.1.2. размер органа: давгакожнік 'комар малярийный обыкновенный', давганос 'медяница яблонная';

1.1.3. размер органов: едінорог, жук аднарожни 'жук-носорог';

1.1.4. цвет органа: чарнанос, личинка хруща майского;

1.1.5. преобладающая окраска: зеленка 'бронзовка', запатун 'оленка';

1.1.6. характерный запах: смердючка 'шитник зеленый', 'майка';

1.2. перенос названий животных и птиц:

1.2.1. насекомых: совка 'слоник-свинка свекловичный', саранча 'кузнечик зеленый', казявачка 'коровка семиточечная';

1.2.2. животных: вовк, свиня, хомяк, сабачка, вавчок 'медведка';

1.2.3. птиц: зозулька 'коровка семиточечная';

1.2.4. беспозвоночных: черв'як 'личинка хруща майского';

1.2.5. членистоногих: паучок водяний 'водомерка';

1.2.6. ракообразных: рак, рачок, раковка 'медведка';

1.3. перенос названий растений и их плодов:

1.3.1. растений: черьомуха 'личинка ручейника', кульбабка 'стрекоза';

1.3.2. плодов: калина, порічки 'личинка колорадского жука';

1.4. перенос названий различных предметов:

1.4.1. предметов домашнего обихода: бочоночок, 'личинка жука колорадского';

- 1.4.2. летальных аппаратов: кукурузник, вертальот 'стрекоза';
- 1.4.3. детских игрушек: куколка 'личинка пчелиной матки', ляля, лялечка 'личинка пчелы';
- 1.4.4. небесных тел: солнце, сонечко 'коровка семиточечная'.
2. Характер выполняемых действий, способ передвижения: шипак 'медведка', бігунець 'водомерка'.
3. Место обитания:
 - 3.1. среди растений: гурушник, ясенови жук 'златка бронзовая';
 - 3.2. возле животных: коньски жук 'оленка', скотська муха 'слепень';
 - 3.3. на земле: гняявик 'оленка', борозенка 'личинка хруща майского';
 - 3.4. в водоемах: водяник 'плавунец';
 - 3.5. в других местах: могильник, труповик 'мертвоед'.
4. Разновидности пищи:
 - 4.1. растительного происхождения: картоплянка 'медведка';
 - 4.2. животного происхождения: курчатник 'жук-олень', рибод 'плавунец', м'ясна муха 'зеленая муха';
 - 4.3. пчелиного производства: медунка, медянка 'медяница яблонная', воскоід 'огневка'.
5. Ассоциации с профессиями, занятиями, образом жизни человека: рибак 'плавунец', водолаз 'водомерка', козачок, москалик, клоп-солдатик', монашка 'траурница'.
6. Собственные имена: петро, оленка, парасочка 'коровка семиточечная'.
7. Звук, издаваемый насекомым:
 - 7.1. звукоподражания: турок, турукалка 'медведка';
 - 7.2. общий характер звучания: скришник 'короед', музичка 'майка';
8. Время размножения (распространения):
 - 8.1. время появления: майовка 'бронзовка', веснянка 'личинка овода подкожного', спасавка 'жигалка осенняя';
 - 8.2. потомство: приплодка 'личинка колорадского жука', червиста муха 'зеленая муха'.
9. Средства борьбы с насекомыми: попелюх, попільнюха, попеленьяк 'тля капустная'.
10. Болезни, возбудителями которых являются насекомые: малярійник 'комар малярійный'.

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГРАНИЦЫ ЛЕВОБЕРЕЖНО- И ПРАВОБЕРЕЖНОПОЛЕССКОГО ДИАЛЕКТОВ (на материале животноводческой лексики)

Подготовленный "Атлас животноводческой лексики Полесья" подтверждает, что граница левобережно- и правобережнополесского диалектов украинского языка проходит по Днепру.

По Днепру с самых древних времен проходила граница между северянами и древлянами, позже — между Черниговским и Киевским княжествами, Северским княжеством и Киевским воеводством, государственная граница между Руссией и Польшей (до конца ХУШ в.), а после присоединения Правобережья к России — между Черниговской, Киевской и Минской губерниями. Следовательно, каждая из них (кроме разве что последней) могла явиться и основой оформления языкового барьера — изоглосс анализируемого пучка. Однако диалектный материал свидетельствует о том, что эта межа имеет скорее всего "союзоплеменную" природу, хотя инвентарь составляющих ее языковых средств хронологически не столь однородный. Он включает и самые архаичные, и более поздние черты.

По Днепру проходит восточная граница распространения праславянских лексических архаизмов маркач, моркач, маркус и под. 'некастрированный баран', которые известны в болгарских диалектах, отмечены в абсолютном большинстве диалектных словарей белорусского языка. Родственные им слова О.Н.Трубачев отметил в литовском языке.

Прилагательные полесского правобережья Днепра жирна, жерна, жируна и под. 'особь животного, которая много ест' сохраняют первичное значение праславянского *ǰirъ* 'корм', реконструированного В.В.Мартыновым для северославянского ареала.

Такой же древней считаем восточную украинскополесскую границу слов карж, карх, карок и т.п. 'задняя часть шеи животного', уходящих во времена праславянской общности. Широкая лингвогеография этих и родственных названий убеждает нас в правильности доводов О.Н.Трубачева об их исконности в языках восточнославянского ареала.

К Днепру на востоке подходят названия л'агава, л'икава, л'агава 'особь животного, которая плохо и мало ест'. Прилагательные не совсем ясной этимологии. М.Фасмер велел за А.Б.Ивановым, Е.Бернекером и А.Преображенским допускать возможность

займствований их из польского языка в словосочетаниях типа легавая собака 'собака особой охотничьей породы', допуская связь с глаголом лежать. Однако полесское значение слов скорее всего исключает заимствование, позволяя тем самым рассматривать их как общие севернославянские названия с разной семантикой.

Праславянская природа лексики масло также позволяет привязать названия сопровождающего его продукта масл'анка, масл'енка, масл'онка 'желеватая жидкость, остающаяся после пахтанья коровьего масла' к периоду формирования языкового барьера по Днепру. Анализируемые названия свойственны только полесскому правобережью Днепра, а Левобережье представлено словами скелотини, скалочуванка и под.

Лишь незначительная часть лексического материала свидетельствует о более позднем периоде образования некоторых изоглосс пучка.

Так, внутренними закономерностями развития диалектов обусловлено активно — спорадическое употребление названий стерво, стерва, ст'ерва 'труп животного' соответственно на полесском правобережье и левобережье Днепра. Широкая общеславянская география этих названий свидетельствует об их давней общеполесской природе и постепенном вытеснении в левобережном Полесье лексемами других этимологий.

В волинском правобережном Полесье (к Днепру) распространены слова дереш, йереш и под. 'серо-коричневый конь' и другие значения. Речь идет о названиях, появившихся в Полесье в результате заимствования из венгерского при посредничестве польского языка.

Общеполесская номинация + товар 'предмет торговли', 'выделанная кожа для обуви' со значением 'крупный рогатый скот' употребляется только в полесских говорах правобережья Днепра. Она яркое свидетельство того, как слово, пришедшее к славянам из тюркских языков, по-разному заимствовалось в лексико-семантические системы отдельных диалектов.

Наконец, изоглоссы любечско-козельско-киевского пучка фиксирует распространение в левобережной зоне оригинальных восточнополесских названий, отсутствующих не только в полесском Правобережье, но и в приднепровской части левобережья Днепра.

В первую очередь это название с корнем -клад- ('выкладат' и под.) 'удалять половые железы', известные всем восточнославянским языкам.

Это и лексемы б'ілуват, билуват и под. 'снимать⁰ шкуру с животного', прот'ануте, прот'аглос' и т.п. 'молоко, начавшее скисать', которые до сих пор должного отражения в диалектологической литературе не нашли. Тем не менее уход изоглосс пучка за пределы украинского Полесья предполагает распространение и этого материала в говорах русского и белорусского языков.

Е.А.ЛЕВКОВСКАЯ (Житомир)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПОЛЕССКИХ НАЗВАНИЙ БОЛОТ

Внутренняя форма географических терминов Полесья со значением 'болото' позволяет выделить ряд семантических моделей, по которым шло образование тельмологической лексики указанного региона.

1. Наименования болота по признаку цвета. Здесь употребляются такие названия: болото 'низменное пространство, обычно за-полненное стоячей водой, чаще всего тонкое и илистое', болитце, болутце 'болотце', болотина 'отдельное болото среди леса или поля', болотинка 'небольшое, мелкое болотце в лесу, поросшее травой', болот'анка 'заболоченная, замшелая лесная полянка'.

Далее отметим группу слов, определяющих тельмологическую лексику по признаку красного цвета: рудина 'болотное пастбище', руда 'ржавое болото, 'болотистый луг или берег', рудка, руд'ка, руд'ак, рудан, рудов'ина, руд'авина, рудав'ица, рудізна; іржавка, іржавец, ріжец, ріжец, йаржаве болото, йіржаве болото, гиржаве болото, 'болото со ржавой водой'.

П. Названия болота по признаку зыбкости, неустойчивости. К этому типу относится ряд терминов, образованных от *dreğ-ti, что означает 'трясти': дрогва, др'іг'ва 'непроходимое место на болоте', дрыгва 'болотистая трясица', др'ігун 'тонь, непроходимое место на болоте', то же дрогва, драговина 'трясица на болоте', драглина 'трясица', драгливина, драг'ав'ина, драга, дрегва, бригва, драгба, драгло, здрогва, здрагва, драг'а 'топь, трясица'.

От псл. *tręsti образовалась еще одна группа болотных терминов Полесья: трасина, трасовина 'тонкое место на болоте', тресіна, тресіна, тресов'ина, тресаніна, стрес'ина, трусовина 'тонкое болото, где трясется, колышется земля'.

Способность зыбкого болота двигаться отражают лексемы: двіг, дв'іж, дв'іж'ина, здвиг, здвиж, здв'іж, здв'іговішце, здвиго-

вина, здвиговина, здвигавина, которые обозначают 'топь, тряси́ну'.

Неустойчивые болота вздуваются, что приводит к качанию, зыбкости почвы. Это иллюстрируют такие гелонимные термины: здух 'топь, трясина', здуха 'непроходимое болото', здуховина 'топь, трясина', здуховатина 'топкое болото, где трясется, колышется земля'.

По принципу метафоры близки к ним локальные полесские термины подушка, подушк'і, д'еруга, радно, постілка, кожух 'топь, трясина', 'топкое болото, где колышется земля'.

Эквивалентом к трясине выступает лексема плав: плавы 'трясина, зыбкое безлесное болото', сплаў 'трясина, топь, водное пространство на болоте', плав, сплав, плавун 'топкое болото, где трясется, колышется земля', сплаў 'зыбун, топкое болото, в котором под поверхностью стоит вода'.

III. Наименования болот по признаку погружаемости, топкости, 'проваливаемости'.

Термины топило 'глубокое топкое место на болоте и в лесу', тапило, топ'анойе место 'непроходимое болото' связаны с глаголом топить.

Прослеживается единство с распространенным в Полесье глаголом грузнуть и названиями болот. Например: груз'н'е, грузало, груз', грузавина, грузота, грузен', грузов'ище. Широко используются для названий болот по признаку топкости образования от корня багы(о): багно, багн'ука, багнивина, багон, багнец. Для обозначения топких болот используется плав как синоним к твань и топило: плавнойе болото, сплав, сплавовина, плавун и др.

Среди семантических моделей имеют место названия болот по произрастающей на них растительности: ол'ос, ул'ос, вул'ос, мох, мьшари'к, чорот и др.; наименования болот по признаку чистоты поверхности: гало, гал', плес, плесо, окно, озеро, ч'іс'т'іна, ч'істов'іна; наименования болот по признаку наличия подземных источников: кр'іп'іна, кришчина, животошина; названия болот по признакам, связанным с выгоранием леса: выжар, вижар, вижар'і, вужар, вугар, ужар, в'ігор, вугор, вугорец, погар; специфичность признаков проходимости-непроходимости и расположения в лесной чаще: мороч'на, мороши'на, морочне, мороч'іна, вистра, пушча и др.; форма болота: круг, кружок, крутовина, ш'іроке болото; признак движения воды: смуга, смутлиина, шытеца, р'очка; признак отмираемых организмов: мерва, нерва, мерва, и другие признаки.

Такое выделение семантических моделей представляет собой предварительный этап семантического анализа лексики, позволяющего выделить дифференциальные семантические признаки для составления программы исследования топонимной терминологии Полесья. Рассмотренные семантические модели названий полесских болот в основном сходны с семантическими моделями топонимической лексики в славянских языках.

Е.А.НЕФЕДОВА (Москва)

ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЯЗЫКОВОЙ СЕГМЕНТАЦИИ РЕАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Диалектные различия в языковой сегментации одного и того же семантического пространства давно уже привлекают внимание исследователей. Неодинаковая сегментация реальной действительности является одним из факторов, влияющих на возникновение сложных диалектных различий.

В сообщении рассматриваются диалектные различия в языковой сегментации реальной действительности на материале микологической лексики архангельских говоров. Из всей массы микологических объектов специальные названия во всех архангельских говорах имеют лишь подосиновик, масленок поздний, груздь настоящий и волнушка розовая. Это явление может быть объяснено рядом причин.

1. Различия в наборе референтов. Можно предположить, что некоторые виды грибов редко встречаются на определенной территории, плохо известны местному населению и поэтому не имеют специального названия. Однако в микологии лесная зона северных широт рассматривается недифференцированно, как единая, внутри которой возможны различия в зависимости от типа леса. По-видимому, прямой и непосредственной зависимости между набором референтов дифференциации микологической действительности в се-таки нет.

2. Различия в наборе денотатов. Прежде всего они могут быть обусловлены неодинаковым отношением к тем или иным микологическим объектам в языковых коллективах разных частей архангельской территории. Виды, относимые населением по издавна существующим традициям к несъедобным, не имеют в соответствующих говорах специальных обозначений. Например, гриб валуй имеет название лишь в части двинских и важских говоров,

на остальной архангельской территории его в пищу не употребляют и недифференцированно относят к разряду поганых грибов, поганух, собачников и т.п. Отношение к малоупотребляемым видам косвенно отражают названия типа обабки свои, обабки домашние, в которых фиксируется познанность свойств объекта и признание его доброкачественности.

Второй момент, определяющий различия в наборе денотатов, связан с различным членением языковым сознанием одинаковой микологической действительности. Виды, которые в одних говорах представляются языковому сознанию диалектоносителей самостоятельными и имеют специальные названия, в других говорах могут осознаваться как один вид и иметь одно нерасчлененное название. (Например, наличие специальных названий для разных форм подберезовика в части двинских говоров при нерасчлененности этих форм в одном названии на остальной части архангельской территории).

Таким образом, причины, определяющие различия в наборе денотатов, предполагают неодинаковую интерпретацию сходных на первый взгляд языковых фактов. Например, отсутствие названия для вида **Lactarius flexuosus** в мезенских говорах связано с тем, что этот вид считается несъедобным, а в пинежских и части двинских — с тем, что близкие виды, относимые к классу **Lactarius**, имеют одно нерасчлененное название: конёк (пинежск.), путник, путевик, путик (двинск.).

Среди архангельских говоров выделяются зоны большей дифференциации микологической действительности: двинские и важские говоры, и зоны меньшей ее дифференциации: мезенские и онежские говоры. Причем онежский ареал в одних случаях расширяется, включая в себя целиком бассейн р.Онеги, в других случаях он ограничен ядерной территорией междуречья Онеги и Ваги. Именно этот ареал представляет собой зону наименьшей дифференциации.

Полученные выводы могут быть рассмотрены в контексте употребления грибов в пищу славянами, среди которых в этом отношении особенно отличались русские. В Западной Европе употребление грибов не пользовалось таким почетом, как в России. Это явление чисто русское, оно не было известно исконному населению тундр и лесов. Характерно, что в языке коми названия грибов представляют собой либо кальки с русских названий, либо прямые заимствования из русского языка.

Итак, можно предположить, что знание грибов, использование их в пищу распространялось по территории русского Севера

вместе с миграцией русского населения. Известно, что деление архангельских говоров на центральные (Вага и Двина) и периферийные (юго-запад и северо-восток) отражает древние процессы, связанные с колонизацией архангельской территории населением новгородских и ростово-суздальских земель. В таком случае, различия этих говоров в степени дифференциации микологической действительности могут быть связаны с древними различиями в типах культуры русского народа.

Н.В.НИКОНЧУК (Житомир)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЭНДЕМИЗМЫ В ДИАЛЕКТАХ ПОЛЕСЬЯ

Большое значение для изучения семантической эволюции слов имеют слова с локальными значениями. Они представляют на семантической матрице различные стадии эволюции значения. Это семемы начальной стадии развития (например, кресло 'развилка дерева', 'чресла'), промежуточные значения (д'ет'етко 'деревцо') и семантические инновации, которые образуют последние стадии эволюции (д'ет'етко 'пруток в канавке ткацкого навоя, удерживающий основу или полотно').

Изучение эндемических и локально ограниченных значений играет важную роль в установлении способов семантической деривации. Выявление таких значений пополняет фонд мотивированной лексики, что имеет большое значение для этимологии. И наконец, слова с локальными и уникальными значениями выступают в качестве отличительного признака диалекта.

Проиллюстрируем это положение примерами из припятских говоров. Нижнегорыньские (давид-городокские): кудра 'мокрый луг'; зашевка 'четырёхугольный лоскут материи, который вшивается в рукав рубашки под мышкой'; л'остка 'поперечный брусок бороны'; л'еска 'прутья, из которых плетется плетень';

верхнествижские: пр'ікри 'пологий'; волока 'место, где начинается река, исток'; бан'ка 'залив'; ручай 'приток реки'; коз'ол 'одно из нескольких деревьев, вырастающих из общего корня'; пух 'одуванчик'; баділ'ака 'стебель', 'соцветие рогоза широколистного'; прос'аник 'жаворонок хохлатый'; плат 'торбочка со скошенной нижней частью для сдавливания творога'; жаба 'темные пятна на лице беременной женщины'; кош'ік 'маленькая цилиндрическая лубяная коробочка';

среднествижские: буйак 'смолистая сосна'; кл'інок 'мотня невода'; одобрат 'перестать кормить ребенка грудью'; работа 'перга'; пудруч(ш)нік 'подкладка в мужской рубашке сзади на

плечах, подоплека'; дучка 'узкий заход в рыболовной ловушке, препятствующий выходу рыбы'; байура 'старое русло реки'; ше-репа 'прутковая ловушка на вьюны';

львинские: порос'ла 'возвышенное сухое место на болоте'; сходни 'пологий, покатый'; вірок 'непроточный рукав'; стовп 'соцветие подорожника'; козул'ка 'божья коровка'; дурец 'гриб-ковый паразит на колосках ржи в виде черного рожка'; наво-рот 'верхняя колода сруба'; журавка 'палочка для регулирова-ния вертикального положения нита и бердовой рамы'; пот'аг 'то же'; бруч 'кибалка'; наб'ілк'і 'кормовой хретух'; посох'і 'тре-нога, к которой подвешивается зыбка'; баполок 'четвертая часть ствола дубка, из которой дерется лыко на постолы';

туровские: ковпак 'рыболовная ловушка, паук'; гуродок 'жа-воронок хохлатый'; з'емл'анка 'то же'; комел' 'комолая, безрогая корова'; піали 'бердовая рама'; кол'енце 'цевковидная чурочка для регулирования вертикального положения нита и бердовой ра-мы'; кал'ітка 'лыко, свернутое в виде восьмерки'; резанк'і 'очи-щенная от кожуры картошка, которая солится'; рогал' 'сорванец, шалун, озорник'; очел'іе 'чело, челесни печи';

среднеприпятские (мозырские): карма 'тулой конец яйца'; харома 'навес для сена в виде подвижной крыши на четырех столбах'; кас'н'ік 'лента для пеленания ребенка'; гало 'место на болоте, где растет трава'; л'еска 'узкий заход для рыбы в ловушке, препятствующий ее выходу'; ц'ел'есо 'комель дерева' и многие другие.

Изучение семантических эндемизмов – составная часть проблемы формирования диалектов (говоров) в пространстве и времени.

Е.А.ОХОМУШ, А.Т.СИЗЬКО (Днепропетровск)

К ВОПРОСУ О НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ СТЕПНОЙ УКРАИНЫ

В 1981–1982 гг. под нашим руководством студенты-за-очники (преимущественно учителя сельских школ) по анкете-во-проснику для этнолингвистического атласа Полесья, составлен-ном Н.И.Толстым и его сотрудниками, собрали материал по на-родной культуре степной Украины (Днепропетровская область). Получен интересный и богатый материал из 60 населенных пунктов в 22 районах. Почти на все вопросы анкеты-вопросни-ка информаторы давали ответы, характерные и для народной

культуры Полесья, а также для степной Украины. Приведем лишь некоторые ответы информаторов.

1. Свадебное деревце в степной Украине обычно называлось гильце (гилечко), реже (как и в Полесье) вильце и вінце, а изредка – йолка, ялиночка. Делали его из веток вишни, елки или сосны и украшали цветами, лентами, фруктами. Свадебное деревце изготовлялось у жениха, и в день свадьбы жених приезжал с ним к невесте.

В отдельных селах у невесты делался дивень – свадебное деревце, состоящее из сосновых веточек, украшенных, как и гильце.

Свадебное деревце втыкали в буханку хлеба или в каравай и ставили возле молодых на столе. Иногда дружки не давали места для гильца. Они, обращаясь к боярину – распорядителю свадьбы, пели: Боярин, сердечко, выкупи местечко поставить гилечко. Боярин давал выкуп, и гильце в буханке ставилось на стол.

В одном селе на свадебный стол клали перед молодыми еще лижень – длинноватый хлеб (вроде пирога), украшенный различными хлебными изделиями.

В конце свадьбы ее участникам дарили кусочки каравая и свадебного деревца (делала это сама невеста). В отдельных селах невеста забирала гильце себе и несла его домой. Как видим, в обряде со свадебным деревцем используются украинские диалектизмы: дивень, лижень, специфические для обряда нашего региона.

2. Был обычай в степной Украине на рождество ходить с козой (один из участников одевал вывороченный козух или козу козы). Войдя в хату и поздравив хозяина с праздником, участники обряда пели песни: Ого-го коза, ого-го сіра, Побігла коза у темні ліси та на озеро. А те озеро хвоста козі примочило. Или: Ой ну й ну, коза, а ну й ну, ара. Ти розходися, пану-хазяїну вклонися... (коза кланялась и т.д.). Или: Ох, коза впала, пусть вона пропала (коза при этом падала). А встань, козухно, встань, матухно. Ти своїм дітям не родителька, не кормителька. Казо встає. После песен хозяева давали подарки: водку, сало, колбасу и т.д. Употреблены и здесь украинские диалектизмы: козухна, родителька, кормителька, создающие специфические черты обряда степной Украины.

На рождество в старину ходили также с медведем, конем, со звездой и пели соответствующие песни. Таким образом, обычай ходить с козой в степной Украине и в Полесье имеет много общего, хотя в этих регионах бытуют разные песни.

3. В селах степной Украины, как и в Полесье, на голодную

кутью (в канун крещения) приглашали мороза: Морозе, морозе, йди, йди до нас вечеряти, а не приїдеш, не морозь ні телят, ні поросят, ні ягнят. Почти во всех наших записях приглашается на ячменную кутью мороз, а приглашение же волка записано только в одном селе. Приглашая мороза, жители Полесья угрожали побить его, этого нет в обряде степной Украины.

4. В ночь перед рождеством, на Крещение или на Новый год обвязывали соломой фруктовые деревья, чтобы был хороший урожай. При этом говорили: Свята матір божа, ти родила в шо пору божого сина, і ти, дерево, ще весни щоб вродилось. Еще были тспором по дереву, приказывая: Не будеш рідити, буду рубити. Или: Як будеш родити, перевеслом обв'яжу, а ні – зарубаю.

5. В вербное воскресенье вербой, освященной в церкви, били детей, приговаривая: Верба б'є, не я б'ю. За тиждень – великдень, живи не вмирай, червоно крашанки дожидай. Вторая половина этого текста в некоторых селах звучала иначе, а именно: Будь здоров, як вода, то виростеш, як верба; Не вмирай – щастя наживай; Не вмирай – сяченої (свяченої) крашанки дожидай; За тиждень великдень, ось недалечко червоне кокечко (яечко). Не вмирай – червоного кокечка (яечка) дожидай. В Пятихатском районе записано: Шутка (ветка) б'є, не я б'ю. Видний за тиждень великдень. Во всех этих высказываниях, связанных с вербой, использованы украинские диалектизмы: крашанка, сячений, кокечко, кокечко, шутка, которые являются специфическими для степной Украины.

6. В большинстве случаев на ряд вопросов информаторами давались разные ответы: костры жгли преимущественно на Ивана Купала, реже на старый Новый год, на Пасху, Рождество; чаще, бесчисленно на Новый год, реже на Рождество, Пасху и во время свадьбы, молодежь вытягивала на крышу воз, валяла плетень и т.п. Соломенное украшение, подвешиваемое к потолку на Рождество, называлось чаще всего паук, реже – голубь, венок. Святили свечи в чистый четверг, в страстную пятницу и на страстание. Такие свечи назывались страстными (страшными). Дождь, который идет, когда светит солнце, называется обычно слепым, реже – куриным, соншовим.

В 18 селах записана песня о том, как мать погубила невестку, которая стала тополей (17 записей) и калиной (одна запись).

7. Многие информаторы на один и тот же вопрос отвечали одинаково (или почти одинаково), напр.: одни отвечали, что на Ивана Купала можно купаться, другие (а их меньше) – нельзя

(утонешь); оставшиеся колосья после жатвы назывались бородой (спасу на бороду, богові на бороду) и гривой (специфическое украинское название).

Н.Д.ОХРИМЕНКО (Житомир)

ЗАДАЧИ АТЛАСА ПОЛЕССКИХ ВЫШИВОК И ТКАЧЕСТВА

Вышивка и ткачество Полесья представляют собой богатый материал для целостного этнолингвистического изучения.

Узоры полесских вышивок и тканей исключительно разнообразны. В них можно найти отражение самых древних орнаментальных мотивов. Вышивки и ткачество Полесья используют космогоническую (у круги, у звезды, солнышко), растительную (у елки, у яблочко, виноград, у цветы, барвинок, вазоны), зооморфную (пауки, птички, у лапки), антропоморфную (в козаки) символику. В узорах отражаются общественные установления, предметы домашнего обихода (церковки, у коромысла, у клубочки) и т.д. Солярная символика отражает древнейшие мифологические сюжеты славянского народа, воспроизводит эстетические представления о жизни в твердо установленных формах. Солярные знаки использовались для передачи различного рода информации, им приписывались разные магические значения. В.В.Стасов отмечает, что "у народов древнего мира орнамент никогда не заключал ни одной праздной линии". Знаки и символы древней орнаментики ценились по тому счету, что мы предьявляем ныне живописи. Известно, что и цвет, и сочетание цветов имели в древности определенную семантику.

Вышивка и ткачество Полесья заслуживают внимания не только этнографов, но и лингвистов.

Проблематика нашего исследования — это семиотика полесских вышивок и ткачества. Задача работы состоит в том, чтобы выявить и собрать архаический материал вышивок и ткачества Полесья, систематизировать его по орнаментам, охарактеризовать сюжеты, композицию, стиль, методику и технику исполнения, показать, насколько это будет возможно, его изменимость, связанную с историческим развитием народа, изучить богатую терминологию узоров. Известно, что в данном регионе имеют место как общераспространенные, так и локальные узоры вышивок и тканей. Классификация такого материала позволит установить самобытный характер полесской орнаментики, проследить ее связь с культурой Востока и Запада, выявить некоторые признаки былой славяно-индо-иранской общности, воссоздать первоначаль-

ное значение узоров вышивки и ткачества, затемненное последующей схематизацией.

Исследование проводится в двух аспектах – этнографическом и лингвистическом. Этнографический материал сохраняет элементы духовной культуры всех стадий развития общества. Следует установить степень полноты дошедшей до нас информации, проследить эволюцию и трансформацию исследуемого материала, вызываемую наложением новых представлений. Параллельно проводится отбор лексического материала, его классификация и этимологизация.

Изучение народного искусства требует комплексного подхода. Семантика вышивки и тканья должна опираться на данные археологии, этнографии, лингвистики и других смежных наук. Пространственная репрезентация материала позволит осуществить его хронологическую стратиграфию.

М.Р.ПАВЛОВА (Москва)

ВЕРЕТЕНО И СВЯЗАННЫЕ С НИМ НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Веретено – древнее основное орудие прядения. Пряслица, надеваемые при прядении на веретено, были частыми находками в курганах IX и X веков. Веретено в руках женщины – древний символ, засвидетельствованный на рисунках и в исторических источниках. Об архаичности веретена свидетельствует и общее его название для всех славян, полная этимологическая прозрачность. С ним связаны многие народные представления и магические приемы: часть из них связана с представлением о веретене как о вертящемся предмете; часть опирается на понятие о форме веретена; основу третьей части составляет представление о веретене как об остром предмете.

Древнее представление о сакральности веретена, о связанной с ним магической силе, дало основание для возможности надоявления человека и животных присущим веретену действием – верчением, кружением. Например, в Полесье в праздники запрещено прядь. Прилку, веретена "выносили на двор, у кладовочку – ци гагава буде кружицца, ци шо..." (если оставить его на виду) (ПА Ст.Яновичи, запись А.Луры); наказание за работу в праздники может распространяться и на овец: если на праздник прядь, то овцы будут кружиться (ПА, с.Мокшин); если прядь шерсть на Русальной неделе, овцы также будут кружиться (Смол., Добровольский 1916). Название этой болезни овец –

веретенница, вертячка (Даль) (ср. вертушка — верченая овца'). (Опыт областного великорусского словаря), мотылица. Интересно заметить, что в чешском языке мотыль называется **vřete-niška /Trávníček/**. В основе этих названий овечьей болезни лежат наиболее типичные ее признаки — резкие, круговые движения животного, метания из стороны в сторону.

Поверие о сходном наказании, последующем за нарушение запрета прясть в определенные дни, известно и у сербов: веретеном не пользовались в тот день недели, на который приходился Митровдан (26.X), или в пятницу, а то овцы будут кружиться (Сербски Митолошки речник).

В народной медицине сербы используют растение врётён. Его дают человеку, чтобы тот "повернулся" к привораживающему его. Существует заговор, в котором девушка обводит вокруг сердца веретеном и говорит: "Како се вретено окретало, тако се и Н. (имя понравившегося человека) окретало за мною". "У истои тежъ и девојка умеси веретеном колач, кој и намени завольеном младићу".

Подобно веретену могут кружиться злые духи и болезни: они связаны с веретенем и при помощи его магической силы могут перейти на людей. Например, если веретенем дотронуться до ребенка, тот перестанет расти, ибо на него перейдет характерное свойство веретена — по мере наматывания пряжи, веретено растёт в ширь, по высоте же не изменяется. Интересно, что некоторые болезни, враждебные человеку силы и животные имеют названия от того же корня: лихорадка (веретенница юж. "весенняя лихорадка, одна из сорока сестер родовых" Даль; вампир (веретник Параб. Том. СРНГ); оборотень (веретеник центр. и юж. Р.Черепанова, 1983). Веретенница — 'безногая змеевидная ящерица, медянка' (Пск., Луж., Петерб.), вертеница, веретенка, серб. вретенница и т.д.; 'змея' (пск., Смол., Калужск.). В Полесье нарушение запрета прясть в Рождество, в период от Рождества до крещения (святки, коляды), в Благовещенье и некоторые другие праздники влечет за собой появление змей, встречу с ними летом в лесу или то, что веретена ужами уйдут в лес: "На колиды ховают рашота, веретена, грэбни; як на коляды побачишь веретено, то в литку побачишь змею" (Па-84, с.Кочиши). В Болгарии сходное поверье связано с ножницами для стрижки овец. Их надо прятать на Трифонден, а то целый год будут бегать волки (Вакарльски). В Заднеэстраоской Руси Потебня отмечал обычай не прясть от Рождества до Нового года, чтобы волки не портили скотины.

Еще одной характерной особенностью веретена является то, что это острый предмет, иголка. С этим его свойством связаны многочисленные поверья и обычаи. "Уколоться веретеном (иголкою) – к любви" Смол. (Добровольский). Ср. сказочный мотив о спящей царевне, которая засыпает мертвым сном, уловившись веретеном старухи. Связь веретена и иглы обнаруживается в полесском запрете давать их взаймы (ПА, сс. Днепровская, Злеев, Курчица). Если же веретено давали, то как и в случае с бердом, основой, нитом, его перевязывали ниточкой: "веретёна з ниточкой давали, з лёну и возвращають со своєю" (ПА, с. Кочиши). В ряде полесских сел говорят, что нельзя оставлять веретено голым: ниточку оставляли на веретене, щоб була одето, штоб доўгий лён рос (ПА, с. Кочиши, Рясно, Присно). Колкость веретена могла проявляться и не фуквальным образом. Так, при нарушении запрета прятать веретена на праздники будэ в ушах колоть (ПА, с. Рясно).

В Сербии беременная женщина не трогает уха веретеном, чтобы у ее ребенка не болели уши. Колкость веретена в одних случаях опасна для человека, в других может ему помогать. Так существует способ лечения воспаления языка, при котором снаружи к горлу прикасаются гвоздем, веретеном или прутиком с особыми заговорами. Такой способ называется колоть жабку (Черепов. у. Герасимов). В Полесье во время засухи веретена кидают в колодец (веретена у колодезя кидают, у чужой, веретено украсти треба (ПА, с.Кочиши) или окунают в воду (Укальвають?) (С.М.Толстая, устное сообщение).

О.А.ПАШИНА (Москва)

О ТРАДИЦИИ ЖИВНЫХ ПЕСЕН СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ ДНЕПРА

При исследовании живных песен никогда не ставился вопрос о наличии нескольких традиций этого жанра в Белоруссии. Собранные автором полевые материалы позволяют говорить о существовании в юго-восточных районах Белоруссии двух традиций живных песен. Эти две традиции различаются как по характеру бытования песен, так и по их поэтической и музыкальной стилистике.

Одна из них – полесская – хорошо известна по публикациям З.Эвальд и З.Можейко, локализована в бассейне реки Припять. Другая, почти не представленная в музыкальных публикациях, локализована в среднем течении Днепра.

Днепровская традиция характеризуется наличием в каждом селе двух политекстовых напевов живных песен, один из которых абсолютно самостоятелен (основной), другой же сочетает в себе признаки напевов как полесской, так и днепровской традиций (переходный). Тексты живных песен, поющиеся на переходный напев, являются общими для обеих традиций. Особенность их поэтической организации заключается в том, что они ритмически упорядочиваются только в координации с напевом, который сегментирует их по силлабическому принципу. В основе же поэтических текстов, координирующихся с основным напевом живных песен, лежит стих строго силлабической организации. Принцип поэтической композиции текстов вызывает аналогии с поэтическим строем лирических песен, о чем свидетельствует наличие сложной системы синтаксических повторов, не характерной для текстов живных песен полесской традиции.

К общеизвестным формам функционирования живных песен (во время работы на поле, по дороге домой и т.д.) в днепровской зоне добавляется еще одна: живные песни с текстами величального или прилежного содержания выступают в функциях, сходных со свадебными, что осознается самими исполнителями (поют холостому, неженатому хлопцу с девкой и т.п.).

Музыкальная стилистика живных песен днепровской зоны также отлична. В первую очередь это проявляется в специфической тембренитонации, с которой связано гуканье, не типичное для районов Полесья. С точки зрения музыкальной ритмики днепровские напевы представляют собой напевы временной организации со строго закрепленными в сознании исполнителей масштабами разделов формы, в отличие от напевов полесской традиции, которые характеризуются ферматно-рубатным типом ритмики. Живные песни днепровской зоны исполняются всегда ансамблем, причем в иной, чем на Припяти, фактуре, представляющей собой вид диафонии (верхний голос — мелодический, нижний — бурдон). Характерной чертой данного типа многоголосия является частичная опосредованность мелодики созвучиями.

В отличие от однойчейковых полесских напевов живных песен, которые Е.Гишпус и З.Эвальд охарактеризовали как "напевы-формулы", напевы днепровского ареала являются двухчейковыми образованиями с квартовой переменностью опорных тонов в форме.

Отличия полесской и днепровской традиций проявляются также в этнографии и касаются дожинальной обрядности. Это связано прежде всего с применением термина борода. В днепровской зоне бородой называют несжатый пучок колосьев, оставленный

на поле, вокруг которого жнецы ходят кругом и поют бородные песни. Напевом жнивных песен здесь сопутствуют напевы бородных (с текстом "Сидит козел на меже").

На Припяти же "бородой" называют срезанные в виде букета колосья ржи, которые уносят домой и ставят в кут. Вместе с тем в полесской традиции существует также обычай оставлять на поле несжатые колосья. С ними производят те же действия, что и с бородой на Днестре: полят, поливают водой, оставляют ритуальную еду. Называется данный ритуал дожинки или дожон. Этот термин применяется носителями традиции и более широко — по отношению ко всем обрядам, связанным с окончанием жатвы. Песни, в данном ареале осознаваемые исполнителями как бородные, поются на напевы жнивных и не имеют собственных текстов.

Нами установлены западная и юго-западная границы днестровской традиции, а также формы ее перехода в традицию реки Припять. На севере и востоке описанная выше традиция жнивных песен выходит на территорию РСФСР в Смоленскую и Брянскую области, где границы ее распространения еще предстоит установить.

А.А.ПЛОТНИКОВА (Москва)

МАТЕРИАЛЫ К ПОЛЕССКОМУ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ АТЛАСУ: СВЯТОЧНЫЕ МАСКИ РЯЖЕНЫХ

Для полесской этнолингвистической зоны характерны следующие маски ряженных с соответствующими региональными названиями: коза (козуля, козёл), конь, медведь (видмедь), волк, журавель (журав), бусел, вол, заяц, дед (старец), баба, чёрт, цыган, смерть, солдаты, цари. Наиболее распространен обычай ходить с козой, водить козу, по-разному представленный на территории Полесья. Маски других животных сопровождают основной святочный ритуал ряжения или функционально заменяют главный его персонаж (вместо козы — конь, медведь). Архаичным общеславянским элементом является наличие в святочной процессии персонажа дед (с дополнительной вариацией: дед и баба), что подтверждается мотивами старых колядных песен (дед убивает козу; страх козы перед дедом), а также сравнением с южнославянским материалом.

Существует определенный набор атрибутов святочного ряжения, который варьируется от маски к маске (вывернутый наизнанку кожух, чернение лица сажей, переодевание, прикрытие ли-

ца бумагой, платком, выделка чучела головы животного). В качестве отличительных признаков, закрепленных за отдельными персонажами, выделяются: рога (коза, черт), борода (дед, козлик) (журавль), белая одежда (смерть).

Общий анализ песен типа "Ого-го-го коза" и самого ритуала вождения козы показывает, что центральное место в этом своеобразном представлении отводится умерщвлению и возрождению козы. Символика возрождения козы связана с традиционными мотивами плодородия; разные части тела убиваемого животного оказывают положительное влияние на урожай: "Где каза ту-туп, там жыта сем куп, где каза рогам, там жыта стогам, где каза хвостом, там жыта кустом". В ритуале этот мотив колядной песни сопровождается прыжками и танцем козы.

Целый ряд функциональных особенностей маски коза определяет место термина в календарной обрядности славян: выделка солменного чучела козы, которое в игре поджигали (ср. магическое и практическое значение соломы для обеспечения плодородия), отражение в колядных песнях ритуального избития козы (ср. с обхрв. святочный обычай шибари), обращение к козе "ты прасня, правсялися" (общий мотив возрождения к жизни), ритуальный танец главного персонажа, закрепленный в вербальных формулах колядающих при входе в дом (Ци можна у вас ухац'е паскакац'?), бесчинства козы, непристойные движения рогами (ср. южнославянский вариант ряжения, а также способы магического воздействия на плодоношение садового дерева с использованием воловьего рога) и др.

При анализе ареального распространения названий святочных масок выделяется центральная зона, а именно левобережье р. Припять (Петрик. и Калинк. р-ны Гом. обл.), для которого характерно многообразие масок животных и структурно полные варианты вождения козы при участии деда. Противоположную картину в отношении святочного обхода с козой дает территория Гом. обл. по правобережью р. Припять, где все другие маски животных практически отсутствуют. Здесь встречается функционально-родовая пара коза и козел; отличительной особенностью зоны является выделка чучела головы козы как элемент ряжения.

В центральном украинском Полесье (север Житомир. обл.) вождение козы не отмечено, за исключением отдельных ареалов (Новоград-Волынский; с. Выступовичи Овруч. р-на), отражающих приблизительно то же распределение ролей в ряжении, что и белорусское Полесье по левобережью р. Припять (Обход деда с козой, маски волка, коня). Юго-восток Житомир. обл., села по р. Тетерев

и далее на северо-восток-междуречье Днепра и Десны (Черниг. обл.) – представлены традиционно общим типом святочного колядования с козой, причем мифологическое содержание его постепенно утрачивается.

Выделяется полесско-русский ареал, где функциональная часть ритуала приобретает черты разнузданного веселья с участием дублирующих пар персонажей: дед и баба, коза и козёл (с.Чёлхов Климовского р-на Брянской обл.), с такой трансформацией, как вождение козы волком (с.Картушино Стародубского р-на Брянской обл.), с появлением деда на соломенном коне (с.Семшы Почепского р-на Брянской обл.).

Западное Полесье представляет смешанную, неоднородную картину участия разных масок в святочном обряде. Во многих регионах коза отсутствует, в то время как широко распространены маски чёрт, смерть, солдаты, цари. Иногда коза и чёрт появляются в одной процессии (Брест.обл.). Наряду с козой архаичной для западного Полесья является маска чёрта, имеющая черты внешнего и функционального сходства с козой и дедом.

Обобщение вышележащего позволяет предположить, что семантическое поле терминов, обозначающих святочные маски ряженых, охватывает архаичную цепочку коза – дед – черт и конкретно реализуется в многообразии ее ареальных и функциональных вариантов.

П.Ф.РОМАНЮК (Житомир)

УКРАИНСКО-БЕЛОРУССКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА)

Картографирование терминов и этнографических элементов полесской свадьбы дало возможность выявить целый ряд изоглосс, изопрагм и изодокс, разделяющих белорусское и украинское Полесье. Часть изоглосс проходит через всю территорию, часть охватывает лишь сравнительно небольшой ареал.

Среди терминов, характерных в большей мере для белорусской свадьбы, выделяются названия п'ірох, пирог 'хлеб, который берут с собой, идя сватать, сваты'; іт'і у разв'етку 'предварительный (перед сваташем) приход представителей рода жениха с целью узнать о согласии родителей невесты на брак'; йолка, йолце 'свадебное дерево'; кл'ет, кл'ец 'помещение, в котором молодожены проводили первую брачную ночь'; м'ес'ац 'свадебное печенье'; бонда 'приданое'; перагарадзі'іц' дарогу 'преграждать дорогу во время движения свадебного поезда'; бохан 'большой

круглый без украшения хлеб, с которым жених шел к невесте, а она — к нему'; хвост, хвост'ик 'угощение, происходящее у жениха после первой брачной ночи'; над'ежн'ик 'ткань, которой покрывали квашню перед тем, как невеста на нее вставала'; д'ад'а 'представитель рода жениха, которого салят вместо молодого около невесты после ее выкупа'; шахв'ерка 'незамужняя участница свадьбы — родственница или подруга жениха' и др.

Для украинской полесской свадьбы характерны термины печоглод'ины, печогл'ад'ини, печ'і глад'ити, печ'і гр'іят'і 'осмотр хозяйства жениха (невесты)'; в'іел'це, в'іел'ше, в'ілечко, хвойка 'свадебное деревце'; помело, кучер'авий, подметайло, вим'ітайло 'лицо, выметающее печь перед посадкой в нее коровая'; приводча 'старшая среди замужних участниц свадьбы — родственница невесты'; сл'іпак'і 'неприглашенные на свадьбу, но наблюдающие за ней'; свах'і 'свадебный поезд жениха' и др.

Значительно меньше выявлено этнографических особенностей обряда, дающих возможность определить своеобразие украинской и белорусской свадьбы. Так, для белорусского обряда характерна продолговатая форма хлеба, который берут с собой, идя сватать, сваты; сажание около невесты после выкупа представителя рода жениха; поджигание волос невесты (и жениха) и др. Украинский обряд выделяется сажанием коровая в печь мужиной; обходом свадебным поездом жениха квашни во время выезда за невестой и др.

Анализ пучков изолиний, разделяющих украинскую и белорусскую свадьбы, дает возможность сделать некоторые выводы:

1. Пучки изоглосс, изопрагм и изодоке очень широки, компакты, занимают значительную территорию. Причем, наблюдается значительный заход изолиний белорусского обряда на территорию Украины, и наоборот (примеры будут приведены в докладе). Это дает возможность утверждать, что в значительном количестве случаев мы имеем дело не с проникновением украинских элементов обряда в белорусские районы или наоборот, не с влиянием

* Исходным материалом для работы послужили авторские записи свадебного обряда в 18 деревнях белорусского и более чем в 100 украинского Полесья (белорусская территория ограничивается на востоке Днепром, на западе — рекой Стырь, на севере — Прптятью и небольшой прилегающей к ней северной территорией) и созданный на их основе "Атлас свадебного обряда правобережного Полесья".

ного обрядового комплекса на другой, хотя это и прослеживается в маргинальных зонах, а с явлениями, самобытными для Полесья как украинского, так и белорусского, или с явлениями, сохранившимися только на этой территории.

2. Описанное выше еще раз подтверждает уже высказанное выше мнение об определенной гомогенности этнокультуры Полесья (Н.И.Толстой, Г.Т.Пашкова). Ареальный анализ свадебного обряда Полесья говорит о невозможности проведения четкой пространственной границы между двумя обрядовыми комплексами, что свидетельствует в пользу происхождения. На только языковом уровне такой барьер тоже не наблюдается: украинско-белорусская языковая граница характерна наличием широкой зоны переходных и смешанных говоров.

3. Вместе с этим выделяются некоторые особенности (иногда достаточно выраженные), присущие той или другой территории, но они не кардинальны, не затрагивают основных элементов свадьбы, и хотя являются сравнительно древними, но все же более поздними, чем общие элементы.

В.Л.СВИТЕЛЬСКАЯ (Житомир)

УКРАИНСКО-БЕЛОРУССКИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Для описания украинско-полесского погребального обряда используются записи, сделанные автором в 18 селах Житомирской области и 19 селах Вольнской области; для описания белорусско-полесской территории — материалы к описанию полесского погребального обряда, собранные О.А.Содаковой (Материалы к описанию полесского погребального обряда. — В кн.: Полесский этнолингвистический сборник. — М.: Наука, 1983).

Различие вариантов погребального обряда украинского и белорусского Полесья проявляется уже в названиях обрядовых реалий и актов, предшествующих обряду. Это предвешение смерти: предмети даје, даје знати, осторогу даје, виешчуйе, знайчит' (укр.), дое постирогоу, прикметы, ознаймить (блр.); описание смертельно больного: збираец'а додому, висил'ейиц'а в дорогу, на божий дорози стоїт, на божий постели лежит, сходжуїц'а, часуйиц'а (укр.), поглядас до дому, собираецца замуж (блр.); состояния агонии: без пам'яті, мучиц'а, марудит, зуздрец'а, ройиц'а, бредит', бродит', блудит, брод, огон' (укр.), мучицця, горачка (блр.); процесса умирания: з'спайе, дух виходит',

душ'е виходит, мерший душит' (укр.), урываюць душу (блр.).

Представление о наказании трудной смертью колдунов грешников характерно как для украинского, так и для белорусского Полесья. Для облегчения кончины зривають ст'іл' (стол'у); подушку з пйеряа виймають з-пуд голови, кладут на земн'у, откривають окна, двери, комини, бросают под спид (под кровать) деркача, помело, зажигають и дают в руки свечку - громниц'у; стриченіу (укр.), убраць подушку, у столи дырки крутять, накрывають скатертью, на которой святили пасху (блр.). Затрудняется переход в потусторонний мир и в том случае, когда начинают причитать до наступления кончины: йакшо нарихтував'а вмирати, то не треба ч'іпати, бо можна збити з пут'і (з дороги, з кроку). Этот факт не отмечен в имеющихся белорусских записях.

Обмывание мертвец'а, покойника, мерц'ва, небошчика (укр.), мертвяка, смеряка, родзицеля (блр.) является обязательным элементом украинского варианта обряда. В белорусском допускается обмывание до кончины, если человек почувствует свою смерть. Покойника рад'ат, рад'ат', род'ат, рид'ат' (укр.), нарадують, наражають (блр.). В украинском Полесье существует обычай обращаться к покойнику во время обряжения: Коли закл'ек, то приказують: "Нагни голову і дай руки, то нам не буде з тобою муки" или "Дай руку, дай. О, уже помн'екшала рука. Легше насадити". Одежду -збран'ія на смерт', смертна (смертел'на) вдежа, нарад - готовят при жизни.

При жизни готовят и доски на смерт', смертен'і; тертици, мертвици - доски для изготовления гроба. Нижняя часть гроба называется труна, трун'а, трумна, трумло, домовина (укр.), домуўка, труна, гроб, гробница (блр.), верхняя - в'іко, вйіко, в'ічко (укр.), крышка (блр.).

Накрывают умершего покривалом, покривайлом, наст'ілником, партовнишоу, портком, платом, намн'ітчим, подигајлом (укр.). Понятие 'накрыть покойника' в украинском варианте погребального обряда имеет специфические названия - накрити руки, подигнути.

Важное место в обряде принадлежит акту причитания. С ним связаны многие поверья (запрет плакати, голосити, приплакувати, приказувати, вичитувати, вичитати, заводити, нар'ікати (укр.), голосить, приказывать, дякувать (блр.) ночью возле умершего, матери по детям, после погребения).

В Белоруссии вещи умершего подлежат уничтожению. На Украине спадки перут' і одіають старц'ем или же сами додирають', хотя и в украинском, и в белорусском Полесье вещам покойника, умершему, местам погребения и частично обрядовым

терминам приписываются магические свойства. Их используют для колдовства и стараются избежать отрицательного влияния, которое они могут оказать: скатертью из-под умершего накрывают свадебный стол с целью экономии продуктов; жена зашивает шнурочка од мерц'е, которым связывали ноги, неверному мужу в воротник (укр.); коли што болить, завязывают шматочки (блр.); ходят на могилки пересипатис'а песком с могилы — лечить веруд од мерц'е (укр.); воду од мерц'а виливають под плут, у с'іни под подлогу, бо йак влизти в ту воду, то замучит' (укр.), или под печь; мертвецкую воду могут подливать на зло (блр.). Что касается обрядовой терминологии, то ее табуирование для исследуемой территории в целом не характерно, хотя в отдельных случаях говорят п'ішов од нас, покойн'ік, избегаая употребления слов умер, мрець, неохотно говорят о висельниках, умерших ведьмах, боясь их хождения и вредного воздействия.

В украинско-белорусском погребальном обряде существует целый комплекс поверий, связанных с ходячими мертвецами. Им становятся те, в которых вселилась нечиста сила, злойе, пусте, лихач вбравс'а, той чорний водит' (укр.), злий, пужайло, чорт, нечиста сила (блр.).

Таким образом, несмотря на общность украинско-полесского и белорусско-полесского вариантов погребального обряда, обнаруживается ряд более или менее существенных различий на разных его уровнях — обрядовых реалий (использование венка и громничной свечи (укр.) и скатерти, на которой святили пасху (блр.) для облегчения агонии); обрядовых действий (обращение к покойнику во время обряжения (укр.) и традиция уничтожения вещей умершего (блр.)); обрядовой терминологии (укр. лихач — блр. пужайло, укр. в'іко — блр. крышка, укр. нар'ікати — блр. дякувать).

А.Б.СТРАХОВ (Москва)

ПОЛЕССКИЙ ОБРЯД "РАЗРЫВАНИЯ РАДУГИ"

Обряд разрывания радуги не был ранее отмечен в литературе, посвященной славянской этнографии. Три короткие записи, сделанные нами в Полесье в 1978 и 1981 гг., фиксируют три варианта этого обряда:

а) Вэсэлка тягне воду... (Когда на небе появляется радуга) фсе стоять ф коло и растягаюша, покиль (радуга) не зайде... Кажэм: "Давай, будэм рваты вэсэлку!..." (Залишаны Дуб-

ровиц. р-на Ровен. обл., 1978 г.).

б) Райдуга воду набирае, дэ рички е, и можа потянуть за собой... Як побачать (радугу, то говорят): "Давай ее перэрвэм, штоп нэ було доштю!" (Пары детей крепко сцепляются правыми мизинцами и с силой разрывают сцепление) (Крупово Дубровиц. р-на Ровен. обл., 1978г.).

в) Як дожд иде, бог воду весёлкай перэкатуе, дожд сунима-еща... Як весёлка, глянем: "А-а! Пайдем весёлку перэрывать!": Разрывали весёлку - цэплялись мезенец за мезенец, часть у эту сторону, часть у ту, двумя ключами, кто перэсиле... Як сар-вались, пашли покотам туда, - перэрвалась весёлка!... В обряде участвовали дети 12-15 лет: большие на весёлку становяща... (Заспа Речиц. р-на Гомельск. обл., 1981 г.).

г) В одном московском детском саду в годы войны у детей наблюдался обычай в момент появления на небе радуги, сулящей, как представлялось детям, дождь, в целях его предотвращения, сцеплять друг с другом мизинцы обеих рук и затем с силой разрывать сцепление (Ж.А.Дрогалина, устное сообщение).

Итак, варьируется, в основном, форма взаимодействия участников обряда в пространстве: постепенно расширяющийся круг - коло (вар. "а"); две противостоящие, борющиеся группы (вар. "в"), участники разбиваются на пары (вар. "б"); каждый совершает магический акт индивидуально (вар. "г"). Везде (кроме вар. "а") отмечен особый способ сцепления кистей рук - мизинцами (вар. "б" - правыми мизинцами). Ср. аналогичное сцепление мизинцев при распространенном в детской среде акте "примирения" с произнесением формулы: Мирись, мирись, мирись, и больше не дерись!... Ритуальная актуализация функции самого "нерабочего", "младшего" пальца (ср. тексты игр типа Сорока-воровка...), видимо, вызвана апотропическими или табуистическими соображениями. Так, крестьяне Гродненской губ. перед питьем крестили воду мизинцем правой руки, считая, что часами у водзе сядзиць черт, альбо ведэмар... (Шейн, 1902). Запрет показывать пальцем на радугу известен самым различным традициям (Карпаты, Полесье, Калабрия, Абхазия).

Устойчивый, видимо, формульный характер носил когда-то призыв: "Давай, будэм рваты весёлку!" (Залишаны); "... Давай ее перэрвэм!" (Крупово); "Пайдем, весёлку перэрывать!...(Заспа)

Цель этих магических действий четко выражена в вар. "б": ... штоп нэ було доштю! (ср. также вар. "г"), но в вар. "в" как будто содержится информация, ставящая под сомнение цель обряда - предотвращение дождя: Як дожд иде, бог воду весёлкай пе-

туге, дождь сунимаеща... Таким образом, выявление функ-
магического акта разрывания радуги упирается в двоякое
фиксирование приметы: знаменует ли появление радуги наступле-
хорошей погоды или будущий дождь. Анализ материала пока-
зывает, что прогноз: радуга – к дождю на славянской террито-
рии преобладает, а примета: радуга к ясной погоде обязана,
главным образом, влиянию ветхозаветного предания.

Примета радуга – к дождю отмечена на территории словин-
ских и кашубских говоров, в Вармии и Ольштыне и юго-восточ-
ных великопольских говорах; в районах архангельских, смолен-
ских, северно- и восточнобелорусских и украинских говоров, в
различных районах Полесья. Однако реально ареал распростра-
нения этого прогноза значительно шире. В скрытом виде это пред-
ставление существовало на всей территории бытования общесла-
вянского поверья и его языковых клишированных манифестаций,
и их терминологических сверток, повествующих о том, что раду-
га перекачивает (пьет, тянет, берет) земную воду на небо, на-
полняя тучи, откуда эта вода должна излиться обратно на землю
дождем. Ср.: Радовница, вона набирае воду и стягуе навэрх и
дошть падае... (Дроздынь Рокити, р-на Ровен. обл., 1978 г.).
Радуга воду, кажут, набирае з морей, з рек, а тогды вуливае
ужэ па полю... (Золотуха Калинкович. р-на Гомельск. обл.,
1983 г.).

Функция обряда – предотвращение будущего дождя – вводит
его в ряд таких славянских апотропеических аграрно-магических
акций, как отвращение града, отгон дождевых и градоносных туч
и проч., которые так же могли быть выражены в схожем с "раз-
рыванием" символическом рассечении (тучи, града), раскусыва-
нии (градины), использовании острых, режущих орудий (см. тру-
ды Н.И. и С.М. Толстых).

Вне славянского мира зафиксированы магические приемы
(Франция) и (или) тексты (Франция, Португалия, Финляндия),
имеющие целью устранение радуги. Мотивы символического раз-
резания и разрывания также свойственны вербальной и акциональ-
ной сторонам этих обрядов. Совершение их сугубо индивидуаль-
ное, а функция, видимо, та же, что и полесского обряда, так как
представление о связи радуги с дождем распространено достаточ-
но широко в Европе и вне ее.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В СВЯЗИ С ОГОРОДНЫМИ ПУГАЛАМИ В ПОЛЕСЬЕ

Пугала являются особой группой культурных предметов. В определенном смысле они продолжают традицию ритуальных кукол и ряжения (ср. пугала в виде соломенных кукол, пугала на длинных шестах, пугала с тыквой или дырявым горшком вместо головы, пугала в белом и пугала в черном и т.п.). Не случайно слова кукла, чучело, пугало употребляются как синонимы в устных рассказах о праздниках и обрядах и их описаниях. Названия пугал входят в сферу народной мифологии, включая их в процесс ее создания, т.к. совпадают с названиями демонологического персонажа типа пугала — страха. Аналогичные лексемы встречаются среди названий ряженных (разного рода пугалашки), что объясняется присущностью ряжению как ритуалу функции "устрашения". Атмосфера игрища и ряжения сопутствует отдельным местным традициям и лучшим образчикам рассматриваемого жанра (ср. села Брестской обл. с пестрыми куклами на длинных шестах вдоль улицы или живописные группы пугал, изображающие семейство, например, в с.Ляховичи Петриковского р-на Гомельской обл., где мы наблюдали их летом 1983 г.). Пугала вплоть до последнего времени пугают в той архаичной форме, когда страшное, т. е. отвратительное как отвращающее, и смешное сопутствуют друг другу. Они представляют собою пережиточные формы отсутствующего в современной культурной модели (ср. следующие в ответ на вопрос этнографической программы о том, чем пугают детей, чтобы они не ходили в поле, в лес, к реке и т.д., жалобы информантов на детей, которые теперь ничего не боятся и которых поэтому нельзя ничем испугать (феномена обучения страху, являющегося типичной чертой архаических культур)).

Будучи формами, генетически связанными с ритуальным пуганием, пугала по своему существу являются предметами-оберегами. Не случайно поэтому они тесно связаны с предметами-оберегами других видов, обычно впрочем все же отворотными — пугание есть прежде всего род "отворачивания", а "отворачивание" — род "пугания" (ср. предельно прозрачный в этом отношении рус. обычай страшать молодую, состоящий в том, что отец и мать встречают ее из-под веника в вывороченных тулупах). Особенно бросается в глаза связь пугал с отворотным деревом (наиболее распространены манипуляции с осиновыми прутьями). Она очень отчетлива в поверьях с. Голубица Петриковского р-на: Палку туу

зносить на просо, мерку з мертвеца у просе заткнуть, на том кне шматка и штоб отгоняла та шматка верабы (1983). Архаичное отождествление деревянный могильный крест – человек (соответственно – чужой крест – чужой человек – пугало) лежит в основе следующего диалога: До сонца треба пуйти и узять креста старого, которы повалился да лежить сбоку. Узять креста с кладбища, обойти кругом того проса раз – ти ячмень, ни што – и поставить посередине проса того. Дак будуть верабы бояща, не будуть садища. Як просо поспее, треба го нести назад. – А я боялася и озиралася и крест мне не помог. И Федору звала, и Федора не помогла. Покойного батьки крест узяла – не помог ни грама. Треба тоби брать чужого, а не батькиного креста (1983). Пугало, которое сделано без понимания, не помогает: Они птицы не бояща. Я сколько ни становила на жыто... Можэ треба становить и шось знать, а я не знаю ничо. Треба ўсе нешта знать (1983).

Помимо антропоморфных пугал, связанных с традицией народных кукол, широкое распространение имеют пугала в виде убитых птиц, которые вешаются на воткнутую в землю палку (реже дерево). В Полесье убитая птица (как правило, сокола, реже ворона), помимо функции оберега поля или огорода, имеет функцию оберега скота, подвешиваясь для этой цели в хлеву. На пасеках, для оберега ичел, используются черепа животных (волчий, конский).

Особую разновидность пугал составляют предметы, защищающие от хищников кур (в русск. традиции им соответствуют так называемые куриные боги). Например: Колесо стаўляють, шоб коршак не хватал курей. Таки здоровы друк, надеюць колесо, стаўляюць на друк, шоб коршак курей не бил (Голубица, 1983). С установкой колеса бывает связан специальный обряд: Весною мой отец надее на палку колесо – з воза колесо, з телеги, и обкачвае кругом сенища, да сонца, як куры могут зайти. И эта колесо надеют на жордку, на шост, и оно ужэ стаить ўверху и ужэ коршун курей не трогае – колесо, штоб коршак курей не бил (Дорошевичи Петриковского р-на, 1983). Наиболее распространены в этой роли, по-видимому, глиняные черепа (горшки и кувшины, часто битые). Например, в с.Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл. (зап. А.О.Толстихиной) гаршок чи куўшин на забор вешають, штобы ни брал коршун курей. Горшок вешаеться и в курятнике (куриный бог): Гаршка гавесить, дак тхор ни буда курей есть (таки кот чорный). Битый гаршок нада (1983). Оббитые же горшки здесь по праздникам с забора снимают, об-

ясняя это тем, что иначе "сароки, вароны будут на пашню в агароде лететь - гаршок к себе притягивает", "даже тряпку снимаем" (1983).

В числе пугал, таким образом, сохраняются ритуальные предметы (кукла, шест с колесом, черепа - животных и глиняные и т.п.), игравшие в свое время ведущую роль в обрядовой практике и мифических представлениях. В этом проявляется фактор культурной иронии, благодаря которому относящиеся к сфере сакрального стереотипы постоянно низводятся до статуса пугал.

Н.И.ТОЛСТОЙ (Москва)

РУДИМЕНТЫ ФОРМ ДРЕВНЕЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЛЕСЬЕ И ИХ ОБЩЕСЛАВЯНСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Со времен К.Мошинского и даже с более ранней поры Полесье принято воспринимать как одну из зон классической сохранности древней (языческой) славянской культуры и как ценный источник фактов, важных для реконструкции праслостояния этой культуры. Новый массовый материал, вводимый в научный оборот Полесской этнолингвистической экспедицией, полностью подтверждает это положение. В настоящее время только начата работа над картографированием полесского материала для будущего Полесского этнолингвистического атласа (ПЭЛА) и параллельная фиксация основных полесско-инославянских соответствий и изодокс. Отметим некоторые из таких изодокс, существенных для проблем славянского этногенеза.

1. Южнослав. (сербск.-хорв., макед. и зап.болг.) бадняк (бъдник) 'рождественское полено', обыкновенно относилось учеными к типично балкано-славянскому явлению (Gavazzi 1939 и др.), имеющему, правда, ряд европейских (средиземноморск., британск., отчасти немецк.) и кавказских соответствий, но дивиденному западно- и восточнославянских параллелей. Указывалось, например, на границы Римской империи, откуда обычной сжигания полена проникал в прилегающие пределы (Schneeweis 1925). Это ставило под сомнение праславянские корни обряда бадник. Полесск. (черниговск., вост.гомельск., ровенск.) и вост.-украинск. колодка, колодий, как и балтийский обряд *kalāde* могут считаться генетически родственными и тем самым опровергающими изложенные выше предположения.

2. Южнослав. (южноболг. фракийск., серб. шумадийск.) вича (+вличити), возя, вальати 'волочить, тащить' передвигать по полу рождественский ужин, разостлаженный на соломе и мешке, иже-

ет соответствие в волочении колодки (см. п.1) и в белорусск. валачобнік 'участник ритуального пасхального обхода дворов' (также укр. волочобник 'то же', русск. (смоленск., псковск.) волочобник ('участник рождественского и пасхального ритуала обхода дворов'. "Этымалагічны слоўнік беларускай мовы" (т.2, 1980) не отмечает сакрального смысла глагола валачыць и возводит существ. валачобнік к валачыцца.

3. Южнослав. (сербск. герцеговин., черногор.) миланье 'прятанье за сакральный пирог' во время ужина в Сочельник с произнесением ритуального диалога, чтобы вызвать урожай в грядущем году, имеет прямое соответствие в полесском прятаньи сидящих за столом друг против друга хозяина и хозяйки в Сочельник за расставленными перед ними яствами и произнесение ими диалога (с. Кочиши Ельск. р-н бывш. Мозырск. уезда, Шейн, 1887, с. 47). Прятанье с диалогом хозяина за пирогами на Шедрый вечер зафиксировано на Черниговщине (Маркевич 1860), у лемков, живших на реке Ропе (юго-вост. Польша), в качестве рождественского обряда (Madzik 1965, с. 279), а у карпатских гуцулов в качестве пасхального обряда (Kolberg LIV, с. 263). В бывш. Быховском уезде Могилевской губ. аналогичный обряд исполнялся осенью на Дмитровские "дзяды" (Шейн 1/2, 1890, с.607). В XII в. у балтийских поморских славян по свидетельству Саксона Грамматика он исполнялся после жатвы (подробнее Толстой 1984).

4. Южнослав. (серб.,болг.) рождественский обычай ловить воробьев, запекать их и съедать имеет аналогию в полесском обряде на Шедрый вечер жарить и есть воробьев или сжигать их и рассыпать пепел для урожая (Крачковский 1874, с. 172, картотека ПЭЛА). То же отмечено у кашубов (Stelmachowska 1933) и в южнорусской традиции (Тулцева, 1982).

5. Южнослав. полазник 'ритуальный, обычно первый, посетитель дома на Рождество' и обряд, связанный с этим посещением (см. Богатырев 1932, Усачева 1977, 1978), имеющий четкие параллели в вост.-слав. Карпатах, может быть сопоставлен со скромным ритуалом или обычаем в Полесье гадать о будущем приходе, урожае и удаче по первому посетителю - мужчине или женщине на Рождество, Новый год (черниговск.), на 1-й день Великого поста, Пасху или Благовещение (зап.-полесск.) по пришедшему иноверцу на Новый год (Мозырск.) (см. "Полесский этнолингвистический сборник", М., 1983, с.74, сокр.ПЭС).

Число примеров можно было бы умножить (см. хотя бы ПЭС, с. 10-11), однако мы выбрали, и то не полностью, круг

рождественских ритуалов, которые проливают свет на происхождение сложного славянского рождественского обряда в целом и на его связи с годовым обрядовым циклом. Подобно обряду "бадняк", "полазник" считался локальным балканско-карпатским обрядом. Таким же специфически балканским определялся и ритуал вызывания дождя, известный у сербов, хорватов, македонцев, болгар и румын под именем додола, пеперуда, приоруша, **pararuda**, но встречающийся также в Полесье под названием куст (пинск. и северн. ровенск.) и в русском Поволжье, что снимает вопрос о его чисто балканской сущности (иначе, однако, полагает Т.Д.Филимонова; см. "Календарные обычаи..." М., 1983, с. 136).

Существенным моментом для восстановления древней структуры, происхождения и функции ритуала является его современный географический статус, в частности известная локальная ограниченность и замкнутость ареала (см. куст, прятанье за пирог и др.). Это ставит одновременно важный вопрос о районировании самого Полесья и его членении согласно показателям духовной культуры. Для решения этого вопроса и создается ПЭЛА, хотя перед ним стоят и другие задачи.

С.М.ТОЛСТАЯ (Москва)

МАТЕРИАЛЫ К ПОЛЕССКОМУ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ АТЛАСУ: РИТУАЛЬНЫЕ БЕСЧИНСТВА МОЛОДЕЖИ

В 1928 г. Е.Р.Лепер опубликовала описание южнорусского обряда караулить солнце в канун Петрова дня, включавшего в качестве обязательного элемента такие забавы молодежи, как таскание по селу и переворачивание телег, раскидывание дров, загораживание входа в дом, устраивание баррикад посреди улицы из краденых предметов утвари и т.п. Аналогичные обычаи известны и в полесской традиции. В разных районах Полесья записаны очень близкие по содержанию и перечню действий рассказы о подобных бесчинствах. Ср. На Богату куттю ворота зымають — чи ховають, чи переносять до суседа, коней крады, а то позашчипають двери, дров наносять под двери. На крышу тягають возы чи бочки, комины закрывають (Вышевичи, Радомышльск. р. Житомир. обл.). Моладзь цягала вазы, лодкі, выводзіла жывелу з хлева на Івана Купалу і на вяселле (Уваровичи, Буда-Кошелевск. р. Гом. обл.). Ходили по селу, перевертали возы, човни, бочки. Це робила моладь (Соловья, Старо-Выжевск. р. Волинск. обл.). А тые вже кавалери насмычуть на дорогу всякого брэвна, лоткы повы-

тягаютъ, на комына на гэты пазасмыкають. Тыпэр ны рэбляць вжэ гэтого (Спорово, Березовск. р. Брест. обл.).

В отличие от южнорусских обычаев, ритуальные бесчинства в Полесье могли быть приурочены к разным календарным датам. Они могли совершаться зимой — в ночь на Рождество, Новый год или Крещение, накануне Андреева дня; весной — в Страстную неделю, на Пасху или Проводы (в Фомину неделю); летом — в ночь на Ивана Купалу, на Петров день, на Троицу или на Русалки (понедельник следующей после троицкой недели); реже осенью — на праздник чудо или на Покров. Кроме того, бесчинства могли входить в состав семейных обрядов: свадебного, проводов в армию или вообще не были привязаны к какому-либо обряду. Можно предполагать, что в рамках разных обрядовых комплексов бесчинства имели разные функции и разный смысл. Так, в составе купальского обряда они могли связываться с объединяющим все его элементы мотивом оберега от нечистой силы или выслеживания ведьмы (в Давыдках Народицк. р. Житомир. обл. молодежь, завершая обряд, запрягалась в плуги и перепаживала дорогу, чтобы выследить ведьму); на святках бесчинства творили по отношению к тем хозяевам, которые не впускали колядников во двор или плохо одаривали их (Радутино Трубчевск. р. Брянск. обл.); на свадьбе закрывали трубу, чтобы невеста затопила печь, и дым пошел в хату (Басовка Раменск. р. Сумской обл.), брачные мотивы могли присутствовать и в календарных бесчинствах: снимали ворота во дворе девушки и относили их на двор ее кавалера и т.п. (Тхорин Овручск. р. Житом. обл.).

Кажется неслучайным, что в Полесье бесчинства чаще всего приурочены к рождественскому (канун Рождества, Нового года или — реже — Крещения) и купальскому циклу, т.е. к двум наиболее опасным отрезкам годового времени (зимнее и летнее солнцестояние), отмеченным, подобно полночи и полудню в суточном цикле, разгулом нечистой силы. В Житомирской области, наиболее полно обследованной в интересующем нас отношении, тип рождественских бесчинств распространен повсеместно и лишь в крайней северной полосе перемежается с типом бесчинств, приуроченных к дню Ивана Купалы. Последний вообще тяготеет к северу полесской территории и, видимо, имеет продолжение в Белоруссии. В восточной части Гомельской области нередки случаи, когда бесчинства приурочены к Пасхе. Там же и спорадически в других зонах отмечены аналогичные действия в составе свадебного обряда.

Среди наиболее характерных действий в полесских описаниях бесчинств упоминаются следующие: крали у соседей и таскали по селу телеги, лодки, сани, переворачивали их (ср. переворачивание возов после погребения); разбрасывали дрова, колоды, жерди, бочки, лестницы; разбирали и раскидывали заборы, колодцы; снимали ворота, калитки; перегораживали всеми этими предметами дорогу, строили из них баррикады; переплетали дорогу нитками, кишками зарезанного барана, перегораживали палками; забрасывали телеги, лодки, сани, лестницы, колоды, бочки, колеса, плуги, бороны, ульи, калитки на крыши домов; закрывали трубу, чтобы дым шел в хату; подпирали тяжелыми предметами двери, чтобы хозяева не могли выйти из дома; бросали в колодец ульи, колоды, гладышки, дежу, жлукто, мялку для льна, жерди и т.п.; выводили из хлева скотину, угоняли лошадей. Характер этих действий и прежде всего такие их элементы, как воровство, переворачивание, разбрасывание, разрушение, перегораживание дороги и др., не оставляют сомнений в их сакральной функции и заставляют относить ритуальные бесчинства к категории охранительных и очистительных обрядов. Перечень мест, куда относят краденые предметы: на соседние дворы, на улицу, в реку, на кладбище, на крышу, на дерево, на грушу, в огонь, — поразительно близок к локативам в обрядах проводов или изгнания нечистых духов и персонажей (зимы, масленицы, ведьмы, русалки и т.п.).

Назначение и внутренний смысл ритуальных бесчинств в большинстве случаев к моменту фиксации обряда оказывался стертым, но он может быть реконструирован путем анализа всех обрядовых контекстов, в которых фигурируют бесчинства, и их главных структурных элементов (календарной приуроченности, характера действий, предметного, временного и пространственного плана обряда, состава исполнителей) в связи с другими обрядовыми комплексами, включающими аналогичные формы (обряды проводов, изгнания нечистой силы, вызывания дождя, отгона тучи и др.).

А.Л.ТОПОРКОВ (Ленинград)

ФРАЗЕОЛОГИЗМ "НОСИТЬ ВОДУ РЕШЕТОМ" В СВЕТЕ ПОЛЕССКИХ ДАННЫХ

Фразеологизм носить (черпать, мерять) воду решето́м известен во всех славянских, а также в английском, немецком,

итальянском и других европейских языках, имеет близкие аналогии у ряда азиатских и африканских народов. Он фиксировался в античности, со значением 'заниматься напрасным трудом' встречается еще у Платона. Фразеологизм ложится в основу пословиц, может трансформироваться в загадку, находит соответствие в мотиве ношения воды решетом, который встречается в сказках, песнях, частушках.

Если обратиться к этнографическим источникам, то можно узнать, что литье воды через решето у ряда европейских, азиатских и американских народов рассматривается как ритуальное действие, с которым связываются определенные мифологические представления. Так, в Индии, у индийцев пуэбло, у ацтеков и других воду через решето лили, чтобы вызвать дождь; существовало поверье, отмеченное еще в Древнем Риме, что носить воду решетом — это способность, которой обладают девственницы, и т.д. Соотносится ли фразеологизм с соответствующими ритуальными действиями, остается совершенно неясным.

Данные по языку и обрядности Полесья, собранные в последние годы участниками Полесских экспедиций, позволяют соотнести фразеологизм носить воду решетом с обрядностью на материале конкретной традиции. Реконструкцию глубинной семантики соответствующих обрядовых действий следует предварить свидетельством А.К.Сержпутовского о поверье, отмеченном им в 1880-х годах в Случком Полесье: Вада... прасезаецца праз абалакі, бы праз сіто, й падзе на землю дажджом. Это поверье отмечалось также в Подолье, в Прикарпатье, у болгар. Представление об изоморфности дождя и воды, проливаемой через решето, объясняет один из способов вызывания дождя, основанный на имитативной магии: Сквозь решето воду лють —штоб дождь шол (Хр., Черниговщина), ср.: Рэшэта напе у другий бок гэрэварачываць, штобы дошч ні шоў (Пр., Гомельщина). Этот способ вызывания дождя, известный также у сербов и болгар, едва ли не является общечеловеческим. Важно, что в Полесье литье воды могло сочетаться с ношением решета: Когда засуха, чтобы пошел дождь, носили воду решетом из колодца в колодец (надо хоть сколько —нибудь донести) (Кв., Брестчина). Ту же глубинную семантику литье воды через решето сохраняло и вне обрядов вызывания дождя: Поливали на решето, щоб росло огурцы чи шо на полію (Мк., Черниговщина). Як свадьба, то лили воду в решето на землю у хате, штобы всё велося, родилося (Брестчина).

Благодаря тому, что вода, пролитая через решето или сито,

уподоблялась дождевой, ей придавалось целебное значение. В Полесье, как и повсюду у восточных славян, с лечебными или профилактическими целями лили через решето воду на ребенка или животное: Як ателица, ідуць за тьялёнкам, пырскуюць карову і тьялёнка чыраз рэшэто (Брянщина). От пуда, слуга обмывали ребенка водой, пролитой через перевернутое решето: у калодзізе воду бирэ да палюваэ чыраз рэшэто. Даюць ему пшч. Трошэчкы даюць папшч да памышш яго (Гомельщина). И в этом случае литье воды могло сочетаться с ношением решета: знахарь трижды обходил по солнцу больную корову, поливая вокруг нее землю через решето (Гомельщина). При эпидемии или эпизоотии переливали через решето улицу: Чыраз рэшэта пэрэлівалы вадой. Дэржыц, із кружачкы лье, да і пэрэлье улицу. Патаму што ў сяле шкарлашына шчэ воспа, штоб ана з сяла вышпа (Гомельщина).

С позиции наблюдателя, не посвященного в символику ритуала, подобные действия воспринимаются как образец бессмысленного препровождения времени, т.е. именно как ношение воды решетом. Поскольку эти действия широко распространены, можно с уверенностью сказать, что они соотносены с фразеологизмом, объясняют его внутреннюю форму.

Опираясь на полесский материал, можно реконструировать соотношение функций ритуального литья воды через решето (от способа вызывания дождя, стимулирования плодородия и богатства к использованию с лечебно-профилактическими целями) и предположить, что фразеологизм возник на поздней стадии существования ритуала в связи с его десемантизацией. Значение полесских данных заключается в том, что здесь в определенной системе предстают те связи, которые в иных случаях, в частности на античном материале, могут быть реконструированы лишь с известной степенью приближенности.

В. И. ХАРИТОНОВА (Львов)

О МЕТОДИКЕ ФАКСАЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛИРИЧЕСКОГО ИМПРОВИЗАЦИОННОГО ЖАНРА ПРИЧИТАНИЙ

Современному исследователю хорошо известно, что восточнославянская фольклорная традиция не является единой. Региональное своеобразие устного поэтического творчества восточных славян изучено пока очень слабо. Оказать помощь в сборе и анализе материала могли бы конкретные методические руководства.

Жанр восточнославянской причеты представлен материалом,

весьма различным во многих отношениях. Отсюда следует, что методические рекомендации по записи и изучению его должны разрабатываться применительно к условиям определенного региона. Это, естественно, не исключает общих положений и руководств, исходящих из специфики жанра и современных знаний о традиции голошения.

В тезисах предлагаются наиболее общие рекомендации по методике сбора и анализа произведений жанра, которые должны корректироваться в соответствии с местными условиями.

Первое, что необходимо учитывать при записи причитаний, это различия в особенностях жанра по зонам. Причитания СВСЗ представляют собой объемные произведения с четкой стиховой организацией, которая различается по регионам. На территории ЦВСЗ и ЮВСЗ стих причети оказывается неровным, сами тексты значительно меньше по объему. Характер стиховых конструкций также имеет региональные различия.

В разных регионах стиховые конструкции могут совпадать или не совпадать с музыкальными; последнее ведет к закономерным изменениям в текстах при записи "с голоса" в отличие от записи под диктовку.

Причитания оказываются подверженными процессу импровизации и варьирования текста исполнителем в разной степени в зависимости от места бытования. Это связано также с принадлежностью вопленицы к определенной категории исполнителей и внутрижанровыми разновидностями причети.

Организацию работы по сбору материала необходимо осуществлять, исходя из названных выше особенностей жанра. Если в обследуемом регионе причеть базируется в основном на импровизации и варьировании, то запись материала должна вестись в естественных ситуациях; в искусственных же — только от исполнителей-импровизаторов. Иной подход часто приводит к выводу об отсутствии произведений жанра.

При опросе необходимо полностью исчерпывать основной набор тематических разновидностей причитаний, бытующих в регионе. Следует обратить особое внимание на выявление ситуативных типов голошения, порой до настоящего момента науке неизвестных (напр., "голошение с кукушкой" на Псковщине). При сборе материала важно помнить о наличии трех внутрижанровых разновидностей в каждой из тематических групп причети; в ходе опроса необходимо учитывать индивидуальные особенности исполнителя с проекцией на состояние и характер местной традиции.

Для того, чтобы получить правильные выводы о специфике

- жанра и в дальнейшем верно описать традицию голошения, необходимо выполнять следующие строго обязательные требования:
- запись должна осуществляться в естественной обстановке на магнитофонную пленку;
 - собирателю следует подробно характеризовать обрядово-ситуативный контекст и фиксировать все его детали;
 - запись надо повторить 2-3 раза (после фиксации в естественной обстановке надо воспроизвести по возможности полностью то же в искусственной ситуации);
 - искусственное воспроизведение допускает (а часто требует) экспериментальную работу; в ходе эксперимента важно правильно давать задание вопленице и верно описывать процесс и характер голошения. Различается фиксация причетов: 1) по воспоминаниям (голосила когда-либо сама или слышала, как говорил кто-то), 2) вероятностных текстов в обрядово-ситуативном контексте (пересказ какого-либо обряда без проекции на собственные воспоминания), 3) по специальному заданию (дается тема, ситуация - предлагается оплакать; ситуация может быть подана а) как заведомо вымышленная или б) как реальная);
 - паспортизируя запись, должно давать полные биографические сведения об исполнителе; указать, носителем какой традиции он является (если отличается от местной, то - по возможности - описать обе); сообщить, было ли в регионе обучение причитыванию (если "да", то в какой степени; каким образом это осуществлялось); уточнить, возможно ли в данной традиции хоровое голошение (если "да", то какого типа); сообщить о наличии (полу) профессионального причитывания, описать своеобразие его; пояснить, какие половозрастные группы допускались к исполнению произведений жанра;
 - фольклорист должен сообщить следующие общие сведения о традиции: характер напева, манера исполнения (жестовая культура и т.п.); наличие тематических групп жанра; насколько было развито голошение в момент активного бытования его; современное состояние традиции и отношение к причитыванию; существование плачей-сказов и близких к ним форм; отметить наличие в фольклорной традиции песенных лирических и эпических жанров, допустимую степень импровизации в них;
 - необходимо уточнить существование причети в обрядовых играх; а также - было ли свойственно традиции табуирование голошения, в какие моменты;
 - анализ материала следует подкреплять картографированием его по различным признакам (стих, напев, поэтические особенности

и т.п.).

Исследование произведений жанра причети любого региона должно предусматривать анализ вопросов: 1) характер воспроизведения, (вос)создания текста произведения исполнителем определенной категории; 2) специфика импровизирования, варьирования и традиционной передачи текста в данной традиции; 3) своеобразие вариативности в жанре; 4) соотношение причети и ритуала. Все это помогает выявить не только особенности жанра, но и тип традиции: положения, своеобразие ее.

А.Т.ХРОЛЕНКО (Курск)

ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Длительный и до сих пор не завершившийся спор о диалектном/наддиалектном характере языка русского фольклора требует дополнительных аргументов, среди которых доказанный факт территориальной дифференциации устно-поэтической речи, возможно, стал бы решающим.

Мысль о региональных особенностях в языке и стиле русского фольклора не нова. Особенно много говорят об этом в последнее время. Территориальную дифференциацию обнаруживают даже на материале жанров, до сих пор считавшихся лишеными региональных особенностей, например, заговоры. Высказывается предположение о наличии "фольклорных диалектов". Выявление и описание народно-песенной диалектологии — задача интересная и перспективная. Однако решение этой задачи затрудняется рядом факторов: 1) поразительное единство русского национального языка определяет монолитность языка русского фольклора; 2) единая "фольклорная картина мира" для всех носителей русского поэтического фольклора; 3) универсальные характеристики разговорной речи, лежащие в основу устно-поэтической речи; 4) фольклорные тексты мигрируют.

Полагаем, что территориальные особенности в языке фольклора можно выявить только с помощью системного сопоставления, когда коррелируются слова и связи слов, выявленные из корпуса текстов различной территориальной принадлежности. Едва ли можно увидеть региональные особенности на материале лексики. Традиционно их сводят к небольшим словарикам местных слов, которыми снабжаются областные собрания устно-поэтических произведений.

Наблюдения над генезисом, структурой, эволюцией и функционированием поэтической фразеологии русской народной лирической песни позволяют считать, что именно на уровне фразеологии, являющейся областью пересечения лексики и синтаксиса, морфологии и семантики, можно обнаружить наиболее существенные территориальные расхождения.

В основном или только в северных вариантах зафиксировали мы ассоциативные ряды: воля-нега, ветер-дождь, лицо-щека, столб-кольцо, пиво-вино, ворота-верев. В тех случаях, когда ассоциативные ряды используются в дву- и трехкомпонентном составе, конструкция из трех компонентов обычно принадлежит северным вариантам (верев-ворота-подворотенка, гуси-лебеди-утка, куницы-лисицы/соболь, река-берег-песок, калина-малина/смородина, белила-румяна-сурмила, трава-цветы-духи).

Описывая блоки, мы неоднократно отмечали их локальную ограниченность. Преимущественно в северных текстах используется блок – описание женской красоты типа: Про нее слава хорошая идет: / Лице бело, словно белянский снежок, / Щеки алы, словно аленький цветок (Киреевский, № 1522). То же и блок "ворота": У голыдьбы столбы точеные, / А верев позолоченые, / Подворотенка стекольчатая (Прач, 29). Преимущественно на юге функционирует блок "утро": На восходе краснова солнышка, / На закате светлого месяца... (Чудков, № 134). В текстах Центра и Юга России встретился нам блок типа: А убили-погубили Алешеньку молодца, / Не за сто рублей, не за тысячу, - Убили -погубили за один серый сертучок (Соболевский, т. 1, № 253).

Наши материалы позволяют пусть в самом общем виде сформулировать вывод о том, что локальная дифференциация народно-песенной фразеологии – факт достоверный. Мы отмечаем множество случаев региональной привязанности тех или иных поэтических фразеологизмов. Замечается закономерность: чем объемнее и сложнее единица, тем вероятность ее локальной ограниченности выше. Перспективно сопоставление фразеологии южного и северного регионов.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К ПОЛЕССКОМУ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ АТЛАСУ: ДОЖДЬ ВО ВРЕМЯ СВАДЬБЫ

Как показывает предварительный анализ материала, собранного по программе и анкете для полесского этнолингвистического атласа (вопрос 1.9.а программы и вопрос 3 анкеты), примета о дожде, идущем во время свадьбы, известна в Полесье в трех различных вариантах, которые в значительной степени противопоставлены и географически. В общих чертах уже можно выявить территорию распространения в Полесье каждого из трех толкований и указать на ряд соответствий к ним из других славянских зон.

Наиболее массовым, территориально охватывающим главным образом центральное Полесье (особенно Гомельскую обл. и север Житомирской обл.) является объяснение, согласно которому дождь во время свадьбы знаменует богатство для молодых (в ослабленном варианте – счастливую жизнь). Соотнесенность дождя с богатством, характерная для народной традиции (ср., например, в толкованиях снов: дождь – к богатству), основывается на представлениях о дожде в связи с символикой плодородия. Примета о том, что дождь (или снег) во время свадьбы сулит молодым богатство, отмечена также у белорусов Слуцкого и Витебского уу. и у русских в Новгородской и Владимирской губ. У кашубов свадьба с дождем означает, что молодые в старости будут счастливы. У лужичан дождь также считается счастливым предзнаменованием, но лишь при возвращении невесты от венца.

Второе толкование – метафорического характера: если во время свадьбы идет дождь, значит молодые будут плакать (в ослабленном варианте – семейная жизнь будет несчастливой). Такая примета встречается в основном в южном и юго-западном Полесье (южные и центральные районы Житомирской обл., в Ровенской и Волынской обл.), а также в польском Подлясье (Белостокское воеводство) и на крайнем востоке полесской территории (в Сумской и Курской обл.). В селах центрального Полесья, т.е. в зоне массового распространения толкования первого типа, такое объяснение в качестве самостоятельного не встречается. Оно отмечается на восточных и западных окраинах центрального Полесья и лишь с основным для этой зоны объяснением – к богатству (счастью). При этом наличие в одном селе двух противоречивых

мнений приводит иногда к ответам контаминированного характера, как, например, в Ковельском р-не: молодые будут веселиться до слез (с. Уховецк). В Почепском р-не Брянской обл. (с. Семцы) записано отличное от остальных объяснение: бог плачет по невесте, выплакивает ей долю. Кроме того, примета с дождем во время свадьбы как преддверье слез в замужестве известна на Западной Украине (Львовская, Ивано-Франковская обл.), в юго-восточной Польше, у чехов и у лужичан (у последних – лишь в том случае, если дождь идет во время поездки невесты к венцу).

Третий тип – толкования на основе семантической оппозиции вода – огонь. Водную стихию здесь олицетворяет собой дождь, а семантика огня представлена предметами печной утвари (сковорода, горшок, котел), а также пригарами (подгоревшими остатками еды со сковороды или из горшка), пенками с молока, сметаной, шкварками, “подмазкой” (куском сала, которым смазывают сковороду), подгоревшей коркой хлеба, верхней корочкой на каше и т.п. Считается, что если в день свадьбы идет дождь, значит молодые прежде соскребали пригары со сковороды, или любили пенки с молока, или ели подгоревший хлеб и т.д. Такое объяснение распространено преимущественно в Белорусском Полесье – на западе (в Брестской и прилегающих районах Волынской обл. (и на востоке в Брянской обл.); в Гомельской обл. оно встречается лишь на границе с Брестской и Брянской обл. За пределами Полесья оно отмечено у украинцев Винницкой обл. и широко известно у македонцев и сербов.

С последним объяснением дождя во время свадьбы связано поверье о том, что если дети будут соскребать пригары, есть пенки с молока и т.п., то когда они будут жениться или выходить замуж, будет идти дождь (вопрос 1.9.6 программы). Это поверье распространено в западном и северном Полесье, причем несколько шире, чем соответствующая примета о дожде во время свадьбы. Оно отмечено также в Малопольше и в Македонии. С теми же представлениями несомненно связано и севернорусское поверье: кто будет кости глотать, у того свадьба будет кутережная, т.е. с метелью, выгой (Кадниковский у.).

Среди других объяснений соскребания детьми (реже – беременными женщинами) пригаров, снятия пенки, съедания шкварок, “подмазки” и т.п. в Полесье известны еще следующие (многие из них также касаются свадьбы): дождь намочит поле, дети не будут бояться грома, быстрее женятся и др.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

П. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ОБЩЕСЛА- ВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ

И.А.ВАРНИНА. Региональная основа "Кубанских записей" Ставского и "Полесской хроники" Мележа.....	3
Н.Н.ВОИНОВ. Творчество Кулешова в контексте восточно-славянских литератур.....	5
В.С.ГЕНАШ. Колорит народной жизни в прозе Адамчика.....	11
Л.Г.ГОЛОМБ. Максим Богданович об особенностях украинской лирики.....	12
Н.М.ГРИНЧИК. Региональные мотивы лирики Коласа.....	15
Т.Н.ДАСАЕВА. Полесье и художественный опыт Коласа (На материале трилогии "На ростанях").....	16
Г.Н.ДАШКЕВИЧ. Региональные особенности прозы Шамякина.....	18
П.К.ДЮБАЙЛО. Взаимосближение, взаимообогащение литератур и региональные особенности (к постановке проблемы)	20
Н.И.ЗИМОМРЯ.К проблеме художественной концепции человека в творчестве Пушкина, Шевченко и Купалы.....	21
Л.В.КАРАБАНОВА. Региональный колорит прозы Голубка...	23
В.Н.КИВАТЫЦКИЙ. Проблема соотношения лингво-семантического и художественного в поэтической лексике Рыгора Бородулина.....	25
В.П.КОВАЛЕНКО. Народная основа рассказов Саченко.....	27
А.В.КОЗЕЙКО. Региональные особенности взаимоотношений человека и природы в современной белорусской прозе.....	30
Э.П.КРАВЧЕНКО. О типологической близости стилей Быкова и Тендрякова.....	32
М.П.КУЗЬМИЧ. Янка Скриган и традиции белорусской новеллистики.....	35
Е.К.НЕРОНСКАЯ. Прозаическая миниформа в восточнославянских литературах.....	36
О.Г.ОХРИМЕНКО. Региональные особенности белорусских и украинских переводных произведений ХУ1-ХУШ вв.....	38
П.П.ОХРИМЕНКО. Региональные особенности белорусских и украинских стихотворных произведений ХУ1-ХУШ вв.	40
А.М.ПЕТКЕВИЧ. Гродненские кириллические друки ХУП-ХУШ вв.	42
Л.А.ПИСКУН. Региональная основа художественного харак-	

тера в трилогии Науменко "Сасна пры дарозе", Вейер у соснах", "Сорак трэц:"	47
В.П.РАГОЙША. Язык - рифма - перевод	47
Э.В.САДСВНИЧИЙ. Традиции Гашека и белорусская литература	47
Т.Г.СИМОНОВА. Фактор формирования личности писателя в белорусской биографической повести	49
В.И.СМЫКОВСКАЯ, Е.Л.ШЕМЕТКОВА. К вопросу о национальной самобытности трилогии Мележа "Полесская хроника".....	52
В.Н.СОБОЛЕНКО. Национальное и всечеловеческое в романе-эпопее	50
Н.В.ТАРЕЛКИНА. Белорусские и польские поэмы В.И.Дунина-Марцинкевича	50
Л.И.ТОЛЧИКОВА. Синтез национального и общенародного в романах Мележа и Проскурина	58
Г.П.ХОРОШКО. Региональные элементы в современной драматической поэме	60
И.А.ЧАРОТА. Белорусская литература и общеславянский контекст (белорусская литература в Югославии).....	62
О.К.ШИНКОРЕНКО. Региональные и фольклорные традиции в прозе Короткевича	63
И.Ф.ШТЕЙНЕР. Регионализм сборника Сипакова "Вече славянских баллад"	65
И.И.ЯНУШКЕВИЧ. Полесский колорит в комедии Дунина-Марцинкевича "Пинская шляхта".....	66
П.И.МАЛЯВКО. Жанрово-стилевые особенности комедийного творчества Макленка	68

Ш. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ФОЛЬКЛОР ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

И.Н.АФАНАСЬЕВ, В.В.КОЗЛОВ. Временные координаты в белорусской полесской сказке	70
Л.П.БАРАБАНОВА. Белорусские новеллистические сказки об оклеветанной девушке (АТ 883А) и восточнославянская сказочная традиция	73
Г.А.БАРТАШЕВИЧ. Новые записи народной драмы	75
В.К.БОНДАРЧИК. Полесье как историко-этнографическая область и проблемность определения ее границ	77
Н.В.ГРИЦАК. Региональные фольклорные элементы в "народных оговорах" Марко Вовчок	79
Л.Л.ДЕМЕНТЕЙ. Жанровый состав полесских караванных песен	81

А.С.ЕМЕЛЬЯНОВ. Особенности звукописи родильной поэзии Витебщины.....	83
К.П.КАБАШНИКОВ. Собрание и изучение фольклора Гомельщины в ИИЭФ АН БССР.....	86
И.И.КРУК. Сказочная традиция полесского региона в контексте восточнославянского сказочного эпоса (на материале сказок о животных).....	87
А.Ф.ЛИТВИНОВИЧ. Белорусы-полешуки и особенности их песенного творчества в освещении Ожешко.....	90
А.М.НЕНАДОВИЧ. Принципы использования фольклора в творчестве Коласа (дооктябрьский период).....	91
В.С.НОВАК. К проблеме взаимодействия разноэтнических фольклорных традиций.....	93
Ю.Н.СМИРНОВ. Фольклорная традиция на Гомельщине.....	94
Л.М.СОЛОВЕЙ. Южнобелорусская баллада "Полонянка губит себя, чтобы не оставаться в татарской неволе".....	96
Н.К.ТИЩЕНКО. П.П.Чубинский как собиратель и публикатор фольклора Белорусского Полесья.....	99
А.С.ФЕДОСИК. Сатира и юмор в фольклоре Белорусского Полесья (чародной прозе и обрядовой поэзии).....	100
Н.В.ЧАВКИН. Историческая этнонимика Полесья.....	102

1У. ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Т.А.АГАПКИНА. О специфике полесской календарной прозы	104
М.А.АРТАМОНОВА. О названиях окончаний работ в восточнославянских языках (на материале архангельских русских народных говоров).....	106
Л.Н.ВИНОГРАДОВА. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу: поверия о русалках — "Проводы русалки".....	108
Н.К.ГАВРИЛЮК. Территориальное распределение на Украине некоторых обрядовых номинаций и их белорусско-русские соответствия.....	110
П.Е.ГРИЩЕНКО. К вопросу о соотносительных восточнославянских диалектных зонах.....	112
А.В.ГУРА. Из материалов к полесскому этнолингвистическому атласу: дождь во время свадьбы.....	115
В.Е.ГУСЕВ, Ю.Н.МАРЧЕНКО. "Стрела" как региональный тип восточнославянского обрядового фольклора.....	117
Н.П.ДЕЙНИЧЕНКО. Восточнополесская энтомологическая номенклатура.....	118

В.М.КУРИЛЕНКО. К исторической интерпретации границы левобережно- и правобережнополесского диалектов (на материале животноводческой лексики).....	
Е.А.ЛЕВКОВСКАЯ. Семантические модели полесских названий болот.....	
Е.А.НЕФЕДОВА. Диалектные различия в языковой сегментации реальной действительности и некоторые возможности их лингвогеографической интерпретации.....	
Н.В.НИКОИЧУК. Семантические эндемизмы в диалектах Полесья.....	1
Е.А.ОХОМУШ, А.Т.СИЗЬКО. К вопросу о народной культуре степной Украины.....	12
Н.Д.ОХРИМЕНКО. Задачи атласа полесских вышивок и ткачества.....	13
М.Р.ПАВЛОВА. Веретено и связанные с ним народные представления.....	13
О.А.ПАШИНА. О традиции живых песен среднего течения Днепра.....	13
А.А.ПЛОТНИКОВА. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу: святочные маски ряженых.....	13
П.Ф.РОМАНЮК. Украинско-белорусское пограничье (на материале свадебного обряда).....	13
В.Л.СВИТЕЛЬСКАЯ. Украинско-белорусские противопоставления в терминологии погребального обряда.....	14
А.Б.СТРАХОВ. Полесский обряд "Разрывание радуги".....	14
О.А.ТЕРНОВСКАЯ. Несколько слов в связи с огородными пугалами в Полесье.....	14
Н.И.ТОЛСТОЙ. Рудименты форм древней духовной культуры в Полесье и их общеславянское значение.....	14
С.М.ТОЛСТАЯ. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу: ритуальные бесчинства молодежи.....	14
А.Л.ТОПОРКОВ. Фразеологизм "носить воду решетом" в свете полесских данных.....	15
В.И.ХАРИТОНОВА. О методике фиксации и исследования произведений лирического импровизационного жанра причитаний.....	1
А.Т.ХРОЛЕНКО. Изучение региональных особенностей языка русского фольклора.....	1
А.В.ГУРА. Из материалов к полесскому этнолингвистическому атласу: дождь во время свадьбы.....	

1244 Подписано к печати 10.12.84. Формат 60/84 1/16
л. 14. Тираж 500 экз. Заказ № 985 Цена 1 р. 80 к.

Гомельоблмашинформ.

Цена 1 р. 50 к.

